

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН (ТАТА)

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН ГЕРЦЕНУ

Статья С.Д. Лищинер,

публикации Л.Р. Ланского, С.Д. Лищинер, И.Г. Птушкиной*

Настоящая публикация, в которую вошли 97 писем Н.А. Герцен (Таты) к отцу, охватывает почти все выявленные до настоящего времени эпистолярные обращения к Герцену его старшей дочери¹. Вне этого обширного цикла было напечатано только одно письмо, одна телеграмма и несколько приписок. Шестнадцать писем появилось в английском переводе.

Публикуемые письма относятся к 1859–1869 гг. Это время становления личности их автора – личности весьма значительной, глубокой, гармоничной, которую отец за два месяца до своей кончины назвал в письме к Тургеневу “самым светлым и прекрасным существом из всей семьи” (XXX, 255). Старшая дочь была наиболее близка Герцену и по своему душевному складу, и по общности “нравственной почвы”, и по слагающемуся реалистическому “понятию о жизни” (XXX, 30; XXIX, 335). “Тата не только друг, – писал Герцен, – она очень симпатично понимает мой взгляд на вещи” (XXIX, 515). До сих пор об этом можно было судить лишь по подобным признаниям да по самому строю писем к ней Герцена, затрагивающих главные “вопросы о жизни” (XXIX, 344), доверительно распахнутых навстречу многостороннему сочувствию и сораздумью адресата. Теперь перед нами уже не монологи, обращенные к невидимому собеседнику, а живой многолетний диалог, с годами все более серьезный и значительный. В воссоздании этого диалога, быть может, самая интересная и важная особенность публикуемых писем. От случайных путевых впечатлений четырнадцатилетней девочки до развернутых философских размышлений в последних письмах – перед читателем предстает живой процесс созревания “светлого ума” и “сильного характера” (XXIX, 355, 511–512). Формируются художественные вкусы, углубляется мировидение незаурядного человека, чье развитие все эти годы шло в орбите мощного влияния герценовских взглядов и личности.

При этом интересно наблюдать, как по мере взросления Таты меняются характер и широта воздействия на нее герценовской духовной атмосферы, как с этим воздействием все органичнее и самобытнее смыкаются возникающие у нее собственные интересы, заботы, устремления – многоохватные и вместе с тем целеустремленные. В этом отношении показателен круг чтения дочери Герцена, отраженный в письмах. Здесь находят свое место трагедии Кальдерона – и “Казаки”, “Война и мир” Л. Толстого; рядом с Шиллером и Гофманом – “Князь Серебряный” А. Толстого; исторические хроники Шекспира читаются вслед за стихами Леопарди и “Героем нашего времени”. Новые произведения русской литературы в центре особого, постоянного внимания девушки. Здесь и “Дым”, и “Обрыв”, и мемуарный очерк Тургенева о Белинском. Ее интересуют русские журналы “Отечественные записки” и “Вестник Европы”. Она просит Герцена сообщать, “что всего замечательнее” в отечественной печати (п. 85).

С углублением исторических и философских интересов Натальи Александровны все явственнее определяется один из их важнейших объектов – узловые революционные моменты в жизни человечества. При этом события такого рода в современности сопрягаются с опытом прежних, подчас далеких во времени битв за свободу. Весной 1863 г. письма наполнены неустанными расспросами о ходе польского восстания, о судьбе знакомых ей лично его участников – А.А. Потехни, Г. Абиха и др., об экспедиции Ф. Лапинского, о подвигах русской девушки Г.Т. Пустовойтовой в рядах повстанцев. И наряду с известиями об актах солидарности с Польшей во Флоренции, в частности о митинге, на котором присутствовала, – Тата сообщает, что читает рассказ о Т. Мазаньелло – неаполитанском рыбаке, возглавившем народное восстание 1647–1648 гг. Увиденный портрет одного из руководителей польских отрядов М. Лянгевича вызывает у нее ассоциации с обликом Пестеля.

* Письма 1–8 подготовлены и прокомментированы И.Г. Птушкиной; п. 9–83 – С.Д. Лищинер; п. 84–97 – Л.Р. Ланским.

В письмах обсуждается исторический роман Э.-Ж. Булвер-Литтона “Кола ди Риенцо” (из времен антифеодалного восстания в Риме в 1347 г.), передаются восторженные впечатления от чтения “мемуаров г-жи Ролан”, участницы революции 1789 г., писанных в парижской тюрьме перед казнью. “Я завидую ее уму и характеру”, – признается Тата в письме от 28 декабря 1864 г., а 29-го добавляет: “Характер ее, серьезный, энергичный, великолепен сам по себе”. Пристальный интерес девушки привлекают личности Кромвеля, А. Клоотса, Робеспьера, Дантона. С увлечением читает Наталья Александровна новые биографии деятелей Великой французской революции, выпущенные в середине 1860-х годов Ж. Авенелем, А. Бонжаром, Э. Амелем; внимательно штудировать исторические труды А. Токвиля, Ж. Мишле, Э. Кине, Ж. Кларти, Т. Карлейля, Ф.-О. Минье об этой эпохе².

И, разумеется, постоянные ее спутники – книги Герцена, “листы” “Колокола”, новые главы “Былого и дум”, сначала – напечатанные в “Полярной звезде”, а затем и рукописные. Наконец, Герцен поверяет ей самые сокровенные страницы своих мемуаров “Рассказ о семейной драме”... После их чтения, 24 августа 1864 г., Тата писала М.К. Рейхель: “Последнее время я все больше и больше ценю папашину любовь (...) чувствую, как мы сближаемся”.

Совершенствуясь в итальянском, Тата переводит на этот язык “Долг прежде всего”; сестре Ольге в июне 1869 г. читает “Кто виноват?”, почти каждую фразу растолковывая по-французски. С углублением в главные философские проблемы бытия и мышления приходит черед “Писем об изучении природы”.

Произведения Герцена, его суждения – естественные для Таты с детства мерила истины, моральной нормы и эстетического вкуса. Сквозь эту призму воспринимает она явления жизни и искусства. Однако по мере расширения кругозора, эмоционального возмужания – все своеобразнее и самообильнее преломляется строй герценовских идей в ее сознании. Меняется вместе с тем и характер эпистолярного диалога ее с Герценом.

Для раннего этапа переписки показательно письмо от 1–6 января 1863 г. из Флоренции, куда Тата приехала 24 декабря 1862 г. для занятий живописью. Вот как описывает она встречу Нового года в обществе русского искусствоведа А.Ф. Фрикена, друга семьи Герцена: “Доставили бутылку шампанского, пили за ваше здоровье, за русскую пропаганду и за мою живопись... Разговаривали (...) особенно о русском, крестьянском деле. Он нам рассказал, что большая часть крестьян желают и надеются, что общину аболируют^{2*}, все хотят себе купить особые клочки земли; Тургенев³ мне тоже это говорил о собственных мужиках. – Что ты думаешь, правда или нет?”

Тут характеристичен уже сам круг разговоров в новогоднюю ночь. И в этот час помыслы Таты обращены к России, к ее народной жизни и перспективам. Это тот воздух, каким дышала она в доме Герцена, какой привезла с собой в Италию. Думы о России, расспросы соотечественников, надежда “отправиться” туда, реакционные “ужасы”, которые там творятся – и далее постоянная внутренняя тема Таты. Но в названном письме не менее примечательна конкретная информация, которой она спешит поделиться с отцом – новые, неожиданные сведения “о русском крестьянском деле”, о состоянии общины. Их Тата стремится осмыслить с помощью Герцена.

В письмах этих дней воссоздается наэлектризованная герценовской мыслью, его “пропагандой” духовная атмосфера в русской художественной “колонии” в Италии – среде “колокольников”, ждущих с нетерпением каждого номера вольной газеты, передающих ее из рук в руки (это круг Н.Н. Ге, П.П. Забелло, М.П. Боткина, Ф.А. Бронникова, Э.Д. Мамонова, А.А. Щедрина и др. русских художников). Благодаря письмам Таты расширяются наши сведения о непосредственных контактах, встречах Герцена с передовыми людьми, деятелями культуры России и Запада, о живом общении его с представителями молодого поколения 1860-х годов, о международном резонансе его деятельности. В круг изучения герценовских связей включаются новые факты и имена: искусствовед и археолог Н.Х. Вендт, сын драматурга А.В. Капнист, офицер-живописец Г.Г. Устинов, ездившие к Герцену в Лондон в годы общественного подъема. Мы узнаем о знакомстве его с немецкими писателями и художниками Л. Шюкингом, К.-А. Линдемманом, А. Фолькмар и др.

Помимо фактографической ценности, особенно интересен подспудный интеллектуальный сюжет этой переписки, ее внутренняя динамика. Вначале структуру писем определяют отчеты об учебных занятиях, прямые обращения за насущными ориентирами в осознании окружающего, строй же писем отца – разъяснения, советы, мягкие (а иногда и строгие) наставления, но всегда исполненные чувства, не скрывающие сомнений, побуждающие к самостоятельной работе ума и сердца. Постепенно их корреспонденция обретает все более широкие рамки свободного обмена мыслями, обобщениями душевного опыта, подчас включает прин-

^{2*} Упразднят (от франц. abolir).

ципиальные споры, несогласия в оценке фактов жизни и искусства, приближается к равноправному философскому диалогу. И такие несогласия с новой стороны оттеняют богатство мысли самого Герцена.

Это движущееся соотношение наглядно обнаруживается в эстетических оценках и суждениях Таты. Приехав в Рим в марте 1863 г. для ознакомления с памятниками культуры античности и Возрождения, она обращается к герценовским впечатлениям декабря 1847 г. – к “Письмам из Франции и Италии”, ищет те ракурсы, с которых он рассматривал развалины “вечного города”, размышляя о величии римского искусства: “Как твои описания хороши (...) я только что перечла письма из Рима. Через несколько минут мы пойдем на Терм Каракаллы, где ты сидел с молодым итальянцем (...). Какое великолепие – люди, верно, сидят на самом том месте, где ты был, с которого видны акведуки, горы, Тиволи, начало Фраскати, остатки стены, а зади S.-Pietro^{3*} – словом, весь Рим” (п.13).

Благодаря непосредственной ориентации на вкусы Герцена мы из писем Таты подчас узнаем о некоторых неизвестных сторонах и нюансах в его художественных оценках, пристрастиях. Так, после посещения Палаццо Питти во Флоренции она 3 января 1863 г. пишет Герцену: “Не могу я восхищаться прерафаэлитами, настоящими, даже учителем Рафаэля Перуджино и его, т.е. Р(афаэля), первыми работами – они все еще слишком похожи на византийские мадонны, которых я просто терпеть не могу. Я знаю, что ты тоже так думаешь, поэтому тебе я это говорю (...) В этих картинках много *наивного*, но мне поздние картины, *ненаивные*, больше нравятся и в тысячу раз симпатичнее”.

Такое прямое, иногда несколько упрощенное юношеским восприятием отражение оценок Герцена в более поздних письмах уступает место самостоятельной и последовательной эстетической позиции. Она сложилась, разумеется, в спектре герценовского мировидения, в школе его атеизма и гражданственности, реалистической и демократической эстетики, но не вела к автоматическому совпадению конкретных суждений. Вот, к примеру, какие размышления вызывает у молодой художницы, посетившей в октябре 1866 г. мастерскую Н.Н. Ге во Флоренции, его незаконченная картина “Вестники воскресения”: “Что касается до композиции, мне кажется, что слишком мало фигур – главное лицо, Магдалина, вдали в середине картины, а солдаты – в правом крайнем углу. Потом, мне кажется, что в каком бы новом и реальном виде художник ни представлял все эти сюжеты, он мог бы найти интереснее предметы в современных или не до такой степени отдаленных событиях” (п. 52).

Что же это за более интересные предметы, более насущные проблемы? Ответы на этот вопрос мы найдем и в живописных опытах самой Таты (ее “модели” – неаполитанская крестьянка Стелла, старый солдат), и в ее эпистолярных размышлениях. (Кстати и в творчестве Ге этот непосредственный интерес к современности вскоре найдет знаменательное выражение: несколько месяцев спустя он создает вдохновенный портрет Герцена. А рядом с ним свой лучший живописный портрет отца будет писать Тата).

Как показывают публикуемые письма, Наталью Александровну глубоко волнует восхождение жизни и быта народа в искусстве, отношений в крестьянской среде, психологических аномалий в характерах, побуждениях, сформированных нуждой и придавленностью, – даже если их изображение лишено художественного совершенства. Прочитав “несколько глав” нового французского романа Эркмана-Шатриана “История крестьянина 1789–1815 гг.”, она пишет 22 марта 1868 г.: “Это длинновато по временам, но все-таки очень хорошо как народный рассказ, и некоторые возмутительные сцены нищеты и ее последствий, например (...) как мать радуется, что старший сын вынул хороший билет во время conscription^{4*}. Не потому, что он освобождается от солдатской жизни, а потому что его можно сейчас же продать (...) и не умереть с голоду. А вместе с тем она сына ужасно любила, страдала. Сына напоили, он с первого же вечера все прокутил”.

Таков суровый драматизм в исследовании жизни социальных низов, глубокий уровень психологической правды, который в глазах дочери Герцена, воспитанной во многом на традициях русской “натуральной школы”, насущно необходим для современного художника и делает его произведение содержательным.

Реалистическая верность обстоятельствам, психологическое правдоподобие характеров остается для нее основополагающим критерием и в отзыве об игре известного итальянского трагика Сальвини: “В Гамлете он мне далеко не понравился, его ужасно страстная игра, мне кажется, не идет к северному типу и характеру Гамлета” (п. 70). Та же определенность вкуса сказалась и в суждении об образе Ораса из одноименного романа Жорж Санд (“характер не-

^{3*} собор св. Петра (итал.).

^{4*} призыва новобранцев (франц.).

множко экзажерированный^{5*} – это почти карикатура”, – пишет она 12 июня 1867 г.). Кстати, в этом случае налицо явное расхождение с известными отзывами Герцена, увидевшего в Орасе “созданный по образу и подобию века” (XII, 333) тип мещанского, потребительского сознания. Это расхождение оттеняет глубину взгляда Герцена. Свойственная ему широкоохватная масштабность соотношения искусства и действительности позволяла осознавать многообразие возможностей художественного обобщения далеко за пределами простого правдоподобия в воспроизведении натуры..

В том же плане характерен обмен мнений Таты и Герцена по поводу портрета Сен-Жюста (из коллекции Версальской галереи). Получив от отца репродукцию и прося прислать “мало-помалу всю коллекцию”, запечатлевшую облик деятелей революции 1789 г., она вместе с тем в письме от 27 марта 1868 г. сетует: “Жаль, видно, что с плохих рисунков сняты фотографии. Во всех чертах что-то такое *conventionnel*^{6*}, что трудно судить о характере лица”. В ответном письме от 2 апреля Герцен посылает портрет А. Шенье и замечает: “Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты – они брали тогда эту позу” (XXIX, 301). Приведенный микродиалог обнаруживает и последовательность реалистических художественных пристрастий Таты, и некоторую их узость (связанную с особенностями мировидения в целом, о которых речь впереди) – на контрастном фоне объективной эстетической позиции Герцена. Одновременно обнажаются корни этой объективности – в неуклонном движении его мысли к конкретному историзму в эстетике, к выработке критериев, не накладываемых извне на стиль живописи определенной эпохи, а извлекаемых из закономерностей самого склада ее сознания, отраженной духовной жизни.

Все чаще в этой переписке обсуждение текущих семейных дел и коллизий также ведет к глубоким общеэстетическим и этическим раздумьям, философским выводам. Один из примеров тому в письмах весны 1868 г., относящихся к предстоящей женитьбе старшего брата Таты – Александра. Герцен не одобрял выбор сына из-за резкого неравенства в развитии его и его невесты, 16-летней работницы-итальянки Терезины Феличи. Тата не раз просила отца “не говорить больше об этом” (“Он верит в свою любовь (...) Пусть он живет себе счастливо по-своему. Что же нам жалеть, если он в самом деле счастлив?” – п. 71). Получив очередное письмо с возражениями, она отвечает: «Ты пишешь: “Счастлив тот, кто приносит в жизнь побольше разума и поменьше увлечений”. Можно ли сказать, что тот счастливее? *Спокойнее*, это так. Кто ни в чем не рискует, ничего не теряет, но и ничего не выигрывает. Думаешь ли ты в самом деле, милый папаша, что это спокойствие можно назвать счастьем?» В ответном письме Герцен разъясняет свою мысль: “Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии – а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей – в мере (...) Любовь не должна играть главную роль, а *одну из главных ролей* в жизни. Даже вообще все *личное* должно быть балансировано *общим* – иначе беда” (XXIX, 322).

Так, в этих спорах-соразмышлениях рождаются итоговые выводы Герцена о необходимом сочетании норм социального и эстетического в деятельности человека, об “эстетике поступков” (XXX, 147).

Не менее общезначим соприкасающийся опять-таки с трудными отношениями в семье философский диалог Натальи Александровны с Герценом конца мая–начала июня 1868 г. о свободе воли и причинности в поведении человека, в “процессе мышления”. Этот диалог отразил в миниатюре важный момент движения русской материалистической мысли – в ее высших воплощениях – к пониманию объективных законов общественного бытия в противоборстве с фаталистическими или волюнтаристскими выводами позитивизма и идеализма. Искания Таты исходят из материалистических посылок, но, как и у всех участников флорентийского кружка натуралистов во главе с М. Шиффом и А.А. Герценом, не идут далее “белого и серого вещества”, физиологического механизма мысли, не дающего достаточных оснований для объяснения и этической оценки поступков личности (см. п. 76)⁴. И бросают дополнительный свет на диалектическую глубину ответных размышлений Герцена, которые на наших глазах снимают эту антиномию, пробиваются к единству детерминизма и свободы воли, ибо мысль движется в категориях общественной природы человека, его мироотношения и социальной активности. Личность свободна выбирать место в общественной борьбе эпохи, в данных исторических обстоятельствах, – полагает Герцен, – но именно и только в борьбе за изменение “стеснительных учреждений” “для всех”, а “не как исключение *для себя* (...) Пока исторические формы не заменены другими, люди поневоле (...) живут в них” (XXIX, 344).

^{5*} преувеличенный (от франц. *exagérer*).

^{6*} условное (франц.).

ТАТА ГЕРЦЕН

Фотография. Начало 1860-х годов

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Так, в стремлении оградить созревающий “здоровый” взгляд дочери на жизнь от позитивистских и идеалистических “закраин” формулируется конечная нравственно-философская позиция Герцена-мыслителя, фундамент которой – *исторический реализм*. (Вскоре она будет развернуто изложена в предназначенном уже для печати “Письме о свободе воли”.)

Столь же явственно проступает в переписке с Татой специфика реалистического видения мира Герценом-художником, своеобразие его принципов типизации, эмоционального освещения человеческого характера. В мыслях о коренных свойствах личности родных и близких – о “доктринаризме” сына или разновидностях “идеализма” как пружинах психологии Мейзенбург и Тучковой-Огаревой – так же неуклонно, как в “Былом и думах”, на первый план выдвигаются свойства интеллекта, мировоззренческие определения типа. И в доверительном разговоре с дочерью о “нравственности – деле историческом” (“человек, поступающий сообразно своему понятию о добре и зле, поступает хорошо, и почти всегда под влиянием исторического развития” – XXIX, 354–355) – мы находим ту же принципиальную нераздельность этических и исторических критериев, которая определила высоту реализма в воссоздании и оценке деятелей современности на страницах “Былого и дум”.

Рассмотренные сюжеты переписки дают в то же время возможность оценить по достоинству высоту *практической* этики Таты – ее мягкость, ненавязчивую доброту и внимание к близким, постоянное стремление к гармонизации отношений в семье – тот “человеческий такт”, который особенно ценил в старшей дочери Герцен. Именно к этому такту, сердечной отзывчивости, “мягкому разуму” (XXIX, 485) обращена “исповедь” Герцена 7 июня 1867 г., посвященная его сложным отношениям с Тучковой-Огаревой (после того, как та 24 или 25 мая

открыла Тате истинный их характер⁵). К Тате устремлены его надежды на восстановление единства семьи (“Вся наша жизнь, – сетует он в своем письме, – как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась. Если б кто-нибудь умел их собрать?... Сумей ты” – XXIX, 116).

И Тата, действительно, проявляет в совместных поисках выхода из тяжелой жизненной коллизии наибольшую душевную тонкость, умение прочувствовать позицию каждого из ее участников, учесть психологическое состояние маленькой Лизы, Ольги и пр. Безукоризненно деликатны ее первые прикосновения к больной теме. В письме от 27 мая 1867 г. ее осведомленность и стремление действительно вмешаться, помочь выдает лишь повышенный тон признания, “с каким удовольствием, с какой любовью” занялась бы она Лизой, если бы Наталья Алексеевна “решилась” ей отдать дочь на воспитание. Затем, 4 июня, Тата, ни словом не затрагивая пока ненормальности семейной ситуации в целом, лаконично и определенно выражает свое понимание и сочувствие обострившимся переживаниям Тучковой-Огаревой (особенно обеспокоенной странностью в глазах окружающих своего положения одинокой женщины – в связи с предполагаемой беременностью): “Конечно, ее положение неловко, – а ты никакого плана на устройство жизни не даешь?”

Лишь 12 июня, получив упомянутое исповедальное письмо Герцена, Тата высказала отцу свою оценку всего хода драматических событий прошлого и вызванные им опасения за будущее. Исходя из общих для нее и адресата принципов свободной гуманистической морали, она в этом случае более тонко учитывает психологические нюансы и реальную обстановку жизни близких ей людей. По поводу переданного Герценом мнения Огарева, что истину отношений в семье “скрывать поздно и глупо (Не афишировать и не скрывать)” (XXIX, 115), – она грустно замечает: “Конечно, ужасно жаль, что это не было сделано с самого начала, но жалеть о прошедшем ни к чему не поведет. Как объяснить долгое молчание? – Может быть, Огарев прав и я была бы с ним согласна, если б не было Ольги и Лизы”. Тата делится с отцом своими сомнениями, тревогами по поводу наиболее удобного момента, когда следует сообщить каждой из девочек правду, – и обнаруживает при этом тончайшее понимание особенностей возрастной психологии детей, ища наименее болезненный для их душевной жизни выход из трудного нравственного испытания.

И впоследствии роль Натальи Александровны в ходе нормализации отношений в семье была самой активной и благотворной. Один из важных шагов на этом пути отражен в письмах начала ноября 1868 г., когда вновь – с особенной остротой и конкретностью – встал вопрос о том, какую форму должно принять обнародование брака Герцена и Тучковой-Огаревой. Тата озабочена тем, чтобы самым решительным образом изменить “неприятно-тяжелое, неясное положение” последней, устранить тем самым реальные причины постоянного психологического напряжения, обид, ощущения ущемленности ее человеческого достоинства. В письмах от 4 и 9 ноября она настаивает на необходимости для Натальи Алексеевны официально “переменить имя, чтобы все было ясно”, – выражая надежду, что этот акт приведет ее к “более ровному расположению духа”, сделает ее характер “хотя немного погармоничнее”. Забота о внутренней гармонии в развитии характера Лизы заставляет Тату не согласиться и с “мечтой” Герцена о том, чтобы девочка, узнав, что ее отец, продолжала носить прежнее имя, – что “было бы традицией Огарева” (XXIX, 484). Тата возражает: “Ведь это поставит ее в фальшивое положение, она на каждом шагу должна будет дать объяснение или на каждом шагу говорить неправду {...} Не вредно ли приучать ребенка к неоткровенности, к обману {...} называть отца “дядей”, а дядю “отцом”? Не знаю: нельзя предвидеть последствия. Мне кажется, что откровенное отношение лучше”.

С той же нежной заботой и вниманием стремится Тата снять с души Герцена горькое сознание растущего отчуждения Ольги, добиваясь неуклонно нового сближения сестры с отцом⁶.

Все осознаннее и многостороннее несет старшая дочь Герцена нелегкую душевную миссию плачущего, гармонизирующего центра семьи – миссию, в которой так нуждались самые близкие люди – Герцен, Огарев (“Я очень, Тата, во всем надеюсь на тебя”, – писал Герцен 7 ноября 1868 г.; а 25 апреля 1869 г., повторяя это, торжественно заключал: “Ты мой Петр, “на котором созижду храм мой...”” – XXIX, 484; XXX, 95). Однако эта объединяющая сердечная работа, которая как нельзя более соответствовала натуре Таты, устремленной к добру и самоотдаче, далеко не всегда оказывалась успешной: центробежные силы коренились не только вовне, в обстоятельствах, но и в несовместимости сложных, изломанных характеров Тучковой-Огаревой и Мейзенбург.

У юной Таты, принимавшей очень близко к сердцу горести и тяготы семьи, порой опускались руки. Об этом мы узнаем, в частности, из письма Герцена к Огареву от 17 апреля 1868 г., в котором излагается ее несохранившееся письмо – “очень умное”: «Она оглядывается кругом и говорит чуть ли не сквозь слезы: “Выхода для всех нас я не вижу – и потому не делаю

ни планов, ни проектов» (XXIX, 314). При этом Герцен добавляет с надеждой: «Пусть хоть ее спасет разум – в нем-то и выход».

Однако в один из таких моментов отчаяния и разум отступил. Это было в октябре 1869 г., во Флоренции, когда слепой музыкант Пенизи, домогавшийся ее руки, прибег к угрозам в случае отказа убить Сашу и Герцена или покончить самоубийством. Обостренное чувство личной ответственности за близких, максимализм требований к себе и своим чувствам диктовали оценку положения как безвыходного. А природная стеснительность ее и вместе с тем недостаток внимания со стороны Саши привели к тому, что Тата оказалась в одиночестве перед сложнейшей жизненной альтернативой. Она психически заболела.

Накануне болезни и обрывается настоящая переписка, – обрывается на тех же характерных нотах: мысль до конца поглощена не собственными, личными ощущениями, а заботой об окружающих. С присущей ей деликатностью Тата протестует против того, чтобы Герцен что-то в устройстве их жизни решал «второпях» из-за необходимости ее «спасать» (п. 96). Она озабочена тем, чтобы мягче, «человечнее» обставить свой отказ Пенизи («с ним нельзя поступать, как с другими, он больной» – п. 95). Ее думы в последнем известном письме настоящей публикации обращены к будущему объединению семьи в Париже (подготовленному ее постоянными увещаниями, уговорами Мейзенбург и Ольги), проникнуты жадой «устроиться так, чтоб всем было по возможности хорошо и чтоб все было гармонично» (п. 96).

Жадой общей гармонии, чувством личной ответственности за страдания и нужду в мире, желанием действительно помочь людям проникнут и ее взгляд на общественную действительность, отношение к жизни вообще.

Эти лейтмотивы характеризуют и содержание ее потрясенной душевной жизни во время болезни. В нем в фантастически укрупненных формах отражались те же коренные свойства натуры – самозабвенное стремление взять на себя страдания мира, потребность в деятельной любви к ближним и дальним («надо бы каждой минутой пользоваться (...) что-нибудь да делать для других»). Об этом сохранилось удивительное свидетельство – известное письмо к Огареву уже из Парижа от 7 декабря 1869 г., в котором Тата, вырванная из тисков болезни неоступными заботами отца, внимательным уходом Натальи Алексеевны, рассказывает, как в ее воспаленном воображении претворялись муки «за других» – страдальцев разных эпох истории человечества: «Сколько раз меня убивали, не перечесть! – и гильотинировали, и вешали, и расстреливали, и на кусочки разрезывали, и отравляли (...) А далеко, далеко была звездочка – начинался новый мир, я хотела всех спасти, всех взять туда с собой»⁷.

Именно это острейшее гуманистическое чувство, «понимание всего человеческого» (XXIX, 499), вместе с неуспокоенностью мысли в поисках истины, в построении цельного взгляда на мир – все более убеждало Герцена в необходимости для Таты творческой, писательской деятельности, для которой давала, к тому же, все основания ее многосторонняя художническая одаренность. 28 декабря 1869 г. Герцен писал сыну, что болезнь Таты обличила «внутреннюю разладицу»: «Ее мучат мысли и сомнения, сильно и глубоко приведенные, – я не вижу другого выхода как *писание*. Талант ее несомненен – слог и очерки, мысль и выражение... но ей недостает положительного знания языка – это приобретется писавши» (XXX, 290).

«Талант описывать и драматический склад» Герцен заметил у старшей дочери рано – в частности, по ее письмам. И поддерживал своими советами, одобрением, побуждая к неустанному совершенствованию, к расширению «рам» и углублению мысли, к шлифовке языкового вкуса, «естественности» слога (см., например, XXVII, 453; XXVIII, 56; XXIX, 283; XXX, 100). Действительно, наряду с ее живописными и графическими работами, публикуемые письма демонстрируют многогранность творческого дара дочери Герцена. В них уже начиная с самых ранних (см. п. 3, 8), а затем все явственнее – острота глаза художника-живописца предстает в сочетании с чуткостью к «разговорному слову», с выразительностью и глубиной наблюдений. Здесь мы найдем поэтические зарисовки альпийских пейзажей и развернутые драматические сцены-диалоги, очерковые фрагменты, передающие в живой динамике картины римских нравов. Несколькими штрихами подчас схвачены типические черты в характере встреченных соотечественников, мягкий юмор окрашивает описания собственного «дня» и занятий Ольги. Художнический склад мышления сказывается в самом пристрастии к таким жанровым переключениям – от письма к сценке-«дню»: корреспондентка уверена, что это «лучший способ, чтобы дать живое понятие об образе жизни» (п. 73).

Растущая склонность при этом к прямому обобщению, типизирующий взгляд на окружающих (в чем, думается, наиболее заметны следы воздействия творческой манеры самого Герцена) – ярко проявляется, к примеру, в письме от 1 апреля 1868 г., в описании пикника. Новая знакомая Ушакова, «обстриженная, пресмешная и веселая нигилистка», предстает в нем как «преоригинальное русское явление», а художник Г.Г. Мясоедов, один из современных «странных типов», «оригинал в жанре Базарова», убедительно обрисован в своих утилитаристских

убеждениях и стиле поведения единственной характерной фразой. Столь же выразительно очерчен духовный облик Н.Н. Ге – “пророка”, который “все время философствовал и бредил, лежа на траве”. Не менее экспрессивны и вместе с тем пластичны мимолетные эскизные портреты молодых музыкантов Вильгельми и Скарлатти (п. 75).

Таким образом, письма Н.А. Герцен (наряду с дневником 1869–1870 гг., с другими, при-
мыкающими к ним собственно творческими опытами, например, драматическими сценами апреля 1869 г. “Фотографии (с оригиналов)”⁸ обладают незаурядными литературными достоинствами. И если ее писательская деятельность не получила впоследствии более широкого и полного развития, этому виной, вероятнее всего, не “вялость”, которую предполагал Герцен в характере дочери и стремился преодолеть (см. XXX, 95, 100), а, среди других – объективных – причин, – ее предельная требовательность к себе, нравственный и эстетический максимализм, ярко отразившийся и в публикуемой переписке⁹.

Письма Н.А. Герцен имеют значительную ценность не только для углубления наших сведений о биографии, контактах, философской эволюции Герцена, но и для выяснения, уточнения многих звеньев текстологической и источниковедческой герценианы. Обе части двухсторонней переписки дошли до нас не полностью. Письма Герцена подчас служат откликом на отсутствующие в данной коллекции и не разысканные до сих пор эпистолярные документы дочери (см., например, XXVIII, 56; XXIX, 259, 278). Но при всех лакунах публикуемые письма Натальи Александровны позволяют установить факт написания и реконструировать содержание немалого числа не дошедших до нас писем Герцена, что дополняет “Списки несохранившихся и найденных писем Герцена” в тт. XXVII–XXX его 30-томного собрания сочинений (см. соответствующие справки в ЛЖГ III–V).

Еще важнее, что сопоставление с письмами Таты помогает прояснить композицию, датировку, состав текста некоторых известных нам, давно опубликованных ответных писем Герцена и его писем к другим лицам.

Письма Н.А. Герцен публикуются впервые на языке оригинала по фотокопиям и ксерокопиям РГБ с автографов *BN* (п. 2–36, 38–60, 62–96) и по автографам *РГАЛИ* – ф. 129, оп. 1, ед. хр. 90 (п. 1); ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 9–10 об. и 27–28 (п. 37, 61). Отдельные фрагменты из них включены были авторами настоящей публикации в аннотации ЛЖГ III–V. Одно письмо Н.А. Герцен, адресованное Огареву и Герцену от 27 февраля 1868 г., процитировано в обзоре Н.П. Анциферова “Старшая дочь Герцена (Тата)” – “Лит. наследство”, т. 63, с. 464. В этом же издании, т. 64, с. 724, напечатана телеграмма Таты к Герцену от 25 апреля 1869 г. (се перевод см. в XXX, 373–374). 19 писем из собрания *BN* напечатаны в переводе на английский язык в книге: “Daughter of a Revolutionary. Natalie Herzen and the Bakunin-Nechayev Circle”. Edited with an Introduction by Michael Confino. L., 1974.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. текстологическую справку в конце наст. предисловия. В печати появился также ряд приписок Н.А. Герцен к письмам других корреспондентов Герцена; приписки эти нами не учитываются.

² См. ниже.

³ О встрече с И.С. Тургеневым в Париже, по пути в Италию, см. в п. 6.

⁴ Здесь уровень философских исканий Н.А. Герцен и флорентийского кружка в целом следует соотносить с возросшим во второй половине 1860-х годов на Западе и в русской демократической мысли воздействием позитивистской социологии с ее прямой зависимостью от законов биологии, открытий дарвинизма. См. об этом: Э.С. В и л е н с к а я. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979, с. 60–61.

⁵ См. письмо Тучковой-Огаревой к Герцену от 25 мая 1867 г. в книге 1-й наст. тома.

⁶ См. п. 95, а также упомянутый выше обзор Н.П. Анциферова, с. 462.

⁷ Там же, с. 478 и 479.

⁸ Там же, с. 473–477. Сохранилось и несколько других литературно-документальных и мемуарных работ Н.А. Герцен (они в составе “пражской коллекции” находятся в *РГАЛИ*, ф. 2197 – см. “Лит. наследство”, т. 63, с. 477 и 488–497).

⁹ К примеру, весной 1865 г. она признавалась, что вести дневник, по совету отца, ей мешала, как это ни парадоксально, – жажда полной искренности: “Если писать, так надобно всё – или ничего” (п. 44).

1

(Вентнор. 9 или 10 августа 1859 г.)¹

Милый мой Папаша,

Теперь без десяти минут 10, пишу я тебе у Натали, чтобы Огарев взял письмо. Спали мы хорошо, все здоровы. Огарев Лизе купил собачку.

Когда мы тебя оставили, мы все ехали да ехали до Portsmouth, куда мы в 8 часов приехали; нет, в 7. Молодая девушка, которая против меня сидела, была очень смешна. Я думаю, что она была влюблена, потому что все перечитывала одно и то же письмо, то карточки час рассматривала и духи какие-то нюхала, потом вдруг сняла шляпку, сорвала, даже откусила цветы, которые на ней были, и бросила в окно, потом письмо разорвала и бросила, вздохнула и уснула.

В Пор(т)смуте мы встретили много русских (офицеры, я думаю), несколько были в мундирах и в белых картузах. Море было очень тихо. Когда мы приехали в Рейд, вышла какая-то дама, ей навстречу пришел какой-то мальчик, и она ему сказала: "Bonjour, Саша!", но с нами не говорила. В(еликий) к(нязь) Константин Николаевич здесь, т.е. в Рейде, с субботы.

Ну, прощай, целую тебя крепко.

Твоя Т а т а

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

Лиза очень обрадовалась детям, в особенности Тате. Она все нездорова. Ог(арев) подарил ей собаку, которая еще более забавляет больших детей. Если будет квартира в Pelham House, то я перейду туда, дешевле будет вместе жить.

Насчет моего возвращения в Л(ондон), право, ничего не могу сказать, сначала мне очень хотелось скорее к вам, а теперь я очень покойна и терпелива; может, проживу до возвращения детей...

Ог(ареву) очень, очень благодарна за эти дни, это лучшие во все эти последние годы. Мне больно, что я тебя огорчаю и оскорбляю даже издали – кроме покоя и тишины, я ничего не желаю и ни во что не верю – моя жизнь теперь окончена, буду ее длить, насколько возможно, для Лизы...

Пишу и боюсь, нет ли чего оскорбительного для тебя – не верю и себе, но, право, желание оскорбить тебя или даже кого бы то ни было далеко от моего сердца – в нем нет ни злобы, ничего дурного ни к кому; подождем еще, что жизнь пошлет нам; я принимаю все безропотно, с склоненной головой, я знаю, что сама виной всему, что обрушилось на мою голову, и потому склоняю ее кротко и терпеливо перед каждым новым ударом. Прощай...

Твоя N.

¹ Обоснование датировки см. в ЛЖГ III, 65. О пребывании Н.А. Тучковой-Огаревой в Вентноре и приезде туда Огарева и Герцена в августе 1860 г. см. выше в наст. книге, в публикации писем Наталии Алексеевны к Огареву и Герцену.

2

(Брюссель. 31 мая 1860 г.)¹

Милый мой Папаша,

Пишу тебе из первого отеля, в котором остановились. Море было очень тихо. M-lle Turner и Emily были ужасно больны, Лиза вела себя превосходно, Натали не была больна. Я всю ночь осталась на палубе, совсем одна, с капитаном и steward^{7*}ом^{7*}, и только утром меня немного тошнило. Утро было превосходное, хотя было довольно свежо. Солнце встало около трех часов огненным шаром. В Ostende мы прибыли в шестом часу и прямо отправились на таможню, а с таможни прямо на же-

^{7*} коридорным (англ.).

лезную дорогу, так что никак не успели прежде написать. Теперь мы <в> Брюсселе в Hôtel des chemins-de-fer^{8*}.

Как мы сошли с корабля, двадцать или тридцать комиссионеров нас окружили, я, право, думала, что они нас с ума сведут, на всех языках кричат и предлагают то отель, то карету и Бог знает что еще.

На таможене мы должны были заплатить 8 fr. за шелковое платье.

Прощайте, Папаша и Огарев, скоро опять напишем.

Крепко целую вас обоих, и Ольгу обнимите за меня.

Ваша Т а т а

Четверг

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

Мы едем очень хорошо – все были больны, кроме меня. Пасу свое стадо с любовью, все веселы, хотя устали. Прощайте, обнимаю тебя, Огарев, вашу руку, Герцен².

¹ Обоснование датировки см. в ЛЖГ III, 120. Тата ехала с Н.А. Тучковой-Огаревой в Германию через Брюссель: Тата к Рейхелям, Тучкова-Огарева – для свидания с приехавшей за границу сестрой Е.А. Сатиной.

² Герцен ответил 1 июня (XXVII, 58).

3

(Дрезден.) 12 июня 1860¹

Милый мой Папаша,

Ты говоришь, что ждешь описание Dresden'a, много сказать о нем нельзя. Город в сравнении с Лондоном, конечно, игрушка, хотя он больше, чем я ожидала, недавно к нему прибавили еще часть окрестности, так что он разделен на две части, в одной все ново, а в другой все старо, Neu Stadt, Neu Markt^{9*} и т.д., потом Alt Stadt, Alt Markt^{10*} и т.д. Улицы малы, и в них всегда неприятный запах, но зато у самого нашего дома сад вроде парка, только, по-моему, лучше, потому что больше деревьев, он похож на маленький лес, сад этот называется Groß Garten^{11*}, там концерты дают, театр и есть можно. Это, право, удивительно, куда ни повернись, везде сидят немцы и едят во время концерта, в театре и, словом, везде и всегда. Насколько я видела, немцы, кажется, очень бедный и грязный народ.

В воскресенье мы были на довольно высокой горе возле Loschwitz'a (местечко с той стороны Elb'y), там тоже очень хорошо, хотя в Саксонской Швейцарии лучше. С <тех> пор, что Сатины уехали, немножко скучно здесь; видишь, погода превосходная, хочется гулять, а не с кем, Маша² не может детей оставлять, Рейхеля дома нет или он занят, Софья Карловна Руцен, молодая певица, которая тоже живет у Рейхеля, обещалась ходить со мной, но она вечно занята. Впрочем, мы ожидаем сегодня Ста(н)кевича с женой³ и племянницей Душей⁴, она моих лет, тогда будет повеселей, хотя они только на несколько дней. Ты меня спрашиваешь о Сатиных, ну что же тебе сказать? Леля, старший из мальчиков, напоминает Ольгу, он такой же живой, смуглый и беспокойный, меня очень удивило, что ему позволяют по целым стаканам пива пить и черного кофе после обеда. Тата – старшая из всех, ей теперь минуло десять лет. Она очень тиха и спокойна, чрезвычайно мила и ласкова, но уже слишком серьезна, это ей придает вид маленькой барыни. Коля, второй мальчик, совсем не похож на брата, он тоже довольно тих, третий Саша, тоже тих и на Тату похож, ну, последняя, Маня, т.е. Елена, немножко избалована, как меньшой ребенок, ей около трех лет. Сатина самого я не стану описывать, ты его скоро увидишь.

Лиза Ольгу очень поминает и часто о ней плакала, так что нельзя было при ней об Ольге говорить. Ну, теперь описание здешних ребятишек, Морица⁵ нет, он живет у тетки и только в июле приедет, Саша, крестник мой, пресмешной мальчик, он не-

^{8*} Железнодорожной гостинице (франц.).

^{9*} Новый город, Новый рынок (нем.).

^{10*} Старый город, Старый рынок (нем.).

^{11*} Большой сад (нем.).

ГЕРЦЕН С ДЕТЬМИ – САШЕЙ, ОЛЬГОЙ И ТАТОЙ

Фотография. Лондон, (1856). Внизу дарственная надпись Герцена: "A J. Domange souvenir d'un ami. 2 Janvier 1857 London" ("Ж. Доманже на память о друге. 2 января 1857 Лондон")

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970

красив, у него маленькие голубые глаза и неразрезанные, как у Ольги, только что у него это заметнее. Машу он не слушается, меня он, кажется, очень полюбил, когда он шалит или не слушается, мне стоит ему только слово сказать или даже ⟨подать⟩ знак, и он слушается, потому что я ему вперед сказала, что уеду, если он будет шалить. Потом у него страсть до сказок, он по целым часам сидит и слушает. Ему теперь около семи лет, но он для своих лет удивительно много знает, во-первых, он читает почти без остановки и недавно всего "Робинзона"⁶ прочел один и все помнит и обо всем расспрашивает. Скоро будут давать "Цаубер Флёту"⁷. Рейхель обещался свести его туда, так он заставил Рейхеля ему всю оперу несколько раз сыграть и спеть и с большим вниманием сидит и слушает, потом сам перечитывает то, что ему больше всего понравилось. Учиться он очень любит и попевает.

Учителя рисования еще не нашли, кажется, это довольно трудно, потому что Маша даже перед нашим приездом хлопотала. Но как можно скорее достанем. Рейхель очень тихий учитель, т.е. терпеливый. Ты спрашиваешь, что я читаю, я продолжаю Shakespeare'a читать, а потом я начала "Kateg Mupг" 'а читать⁸, Огарев мне советовал еще в Лондоне.

Надеюсь, но не знаю, хватит ли мне деньги, которые мне дал. Жар ужаснейший, а мне решительно нечего надеть, единственное легкое платье это то, что ты мне купил, но оно еще не сшито, потом мне нужна легкая мантилья и летняя шляпа. Жаль, что не в Лондоне все купили, здесь продают такие гадости, что ужас, надобно все закладывать. Ты мне дал 6£10 s., теперь уже осталось только 5£, остальное пошло на нужное, и глупостей я никаких не покупала.

Однако прощай, я должна играть для Рейхеля, пока С.К. Руцен дома нет. А то вот какие концерты бывают, налево m-lle Руцен играет и поет, в кабинете Рейхель играет, над кабинетом какой(-то) немец тоже играет, а надо мной кто(-то) на скрипке учится.

Крепко всех целую.

Твоя Т а т а⁹

¹ Ответ на письмо Герцена от 7-8 июня (XXVII, 63).

² Маша – М.К. Рейхель.

³ Жена А.В. Станкевича – Елена Константиновна, урож. Бодиско.

⁴ Душа – Евдокия Ивановна Токарева (в замужестве Герье), племянница Е.К. и А.В. Станкевичей, воспитывавшаяся в их семье. Тата подружилась с Душей в Дрездене; после расставания они некоторое время переписывались, однако переписка их вскоре прекратилась. Позднее, в письмах Е.К. Станкевич к М.К. Рейхель из России, Е.И. Токарева в приписках спрашивала: "Что с Татой? Она совсем забыла меня", просила "хоть словечко написать о Таточке" и замечала: "Я Тату, голубчика, так полюбила, что меня огорчает очень, если она забыла" (письма от 11 декабря 1861 г. и 12 марта 1862 г. – автограф РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 791, л. 27-31). См. также прим. 5 к письму Таты к М.К. Рейхель от 22 декабря 1861 г.

⁵ Мориц – сын А.Рейхеля от первого брака.

⁶ Роман Д. Дефо "Робинзон Крузо".

⁷ Опера В.-А. Моцарта "Волшебная флейта" ("Die Zauberflöte").

⁸ Роман Э.-Т.-А. Гофмана "Житейские воззрения кота Мурра". В ответ на это сообщение Герцен писал дочери: "Ты можешь и еще что-нибудь Гофмана прочесть – я его с восхищением читал, когда был в твои лета" (XXVII, 67).

⁹ Герцен ответил 15 июня (XXVII, 65-67).

4

(Дрезден.) 13 июня 1860

Ну вот, Папаша, и Ста(н)кевичи приехали, она очень обрадовалась, когда увидела меня, но я совсем не узнала, забыла или он переменился. Они оба находят, что я не очень переменилась, один нос горбатый сделался, что я даже говорю, как тогда говорила. Она премилая женщина и очень добрая, жаль, что она так скоро уезжает, они через четыре дни собираются опять ехать, и тем более жаль, потому что с ней племянница ее Душа, совсем моих лет, премилая девушка, тихая и умная, мы уже подружилась с ней, поэтому-то жаль, что они не остаются.

Вот у Ста(н)кевича горничная Наташа, она ее оставляет здесь, она превосходно шьет, не хуже Duval, и белье тоже. М-ме Ста(н)кевич ее очень хвалит и рекомендует; вот, если б ты хотел русского, она сейчас пойдет, она немолода и очень порядочна.

Не слыхали ли вы что-нибудь о Натали? Все письма я посылала в Heidelberg, poste restante, как она мне велела, и два раза писала, а от них и слуху и духу нет.

Мария Александровна¹ в Париже, знаешь ты это? А где Татьяна П(етровна)², заедет за мной с Сашей или нет? Я тебе, кажется, уж говорила, что Ста(н)кевичи и не собирались в Англию, они прямо в Москву через Варшаву.

Что ж ты мне не отвечаешь, позволяешь ли ты или нет, чтобы я пожила с Сатинными или нет?³

Ну, прощай еще раз, крепко целую тебя, Огарева и Ольгу.

Твоя Т а т а Г.

Кланяйся Jules⁴, Tassinari и Katarina⁵.

¹ Писательница М.А. Маркович (Марко Вовчок).

² Т.П. Пассек. Предполагалось, что Тата вернется в Англию вместе с нею или с братом.

³ Письмо, в котором Тата спрашивала отца, можно ли ей пожить у Сатиных, остается неизвестным. Герцен отвечал на него 7 июня, но этого вопроса не коснулся. В ответе от 15 июня он писал дочери: "К Сатиным я не думаю, чтоб было полезно тебе потом заезжать, иначе как на самое короткое время. Ты не забывай, что это твое рабочее время, а праздну проводить дни – как вообще путешествующие – для тебя рано" (XXVII, 66).

⁴ Слуга в доме Герцена Жюль.

⁵ Горничная (см. о ней в письмах Н.А. Тучковой-Огаревой к Огареву).

5

(Дрезден.) 27 июня 1860 г.¹

Милый мой Папаша,

Конечно, я не забыла о Сашином рождении и писала ему².

Я беру три урока рисования в неделю, учитель не может чаще, он кончает какую-то большую картину. Он начал меня учить прямо красками, то есть под цвет кожи, и двумя красками, как я в Лондоне училась, и, кажется, доволен.

Я получила письмо от Саши, он спрашивает, как ты все устроил, кто заедет за мной, он или Т(атьяна) П(етровна)?

Да, Папаша, мне теперь кажется, бог знает, сколько времени я уехала и тебя да Огарева не видела, никак не могу поверить, что только что три недели минули с отъезда; да, я останусь у тебя адъютантом³ и надеюсь, что хоть через год мы вместе уедем из Англии.

Благодарю тебя за то, что позволил заехать к Сатиным, они, верно, останутся в Heidelberg, там, говорят, так хорошо, но как это устроится, кто заедет? Саша или кто? Напиши.

Рейхель пробовал мой голос и советует учиться пению, но находит, что теперь еще рано, надобно хоть год еще подождать.

Он директор здешней Академии и Консерваториума, иногда я хожу и слушаю, как поют; я познакомилась там с премиленькой молодой девушкой, но ужасно далеко живет, так что я ее только в Академии могу видеть, она готовится быть певицей, голос у нее хорош. Консерватористы дают праздник каждый год и через две недели опять дадут, *Vogelschießen*^{12*}, все стреляют, поэтому так называется. Рейхель приглашен и я тоже; должно быть, будет весело, девушка, с которой я познакомилась, тоже будет.

Я опять была в театре, Рейхель меня больше для музыки берет, чем для самой оперы, потому что актеры плохи, декорации тоже, а оркестр очень хорош, в этот раз я видела "Figaro"⁴. Но, право, немцы так нехорошо играют, что просто отнимают охоту ходить в театр. Figaro был отвратителен, а хуже всех графиня, у нее манеры такие неграциозные, она ломается и гримасничает, Сузана была хороша, лучшая дрезденская певица Frau Jannes-Krall, а лучший певец Sihnор, я его видела в "Freischütz"⁵, только он чересчур толст, но далек от Голицина.

Третьего дня и вчера была здесь Jahrmarkt^{13*}, это великое событие в Dresden'e, тогда всем дарится что-нибудь, ну и я отправилась, игрушки так дешевы, что просто смешно, на несколько шиллингов я множество накупила, осчастливила Сашу⁶, шесть человек детей, которые в нашем доме живут, и горничных. Некоторые вещи удивительно дешевы, как например, лучшие места в театре стоят 3 S.

Погода превосходная, уже слишком жарко, но вечером и утром восхитительно хорошо. Здесь довольно поздно ложатся, в 11 или в 12-ом, а встают около 6, чай пьют в половину 8.

Ну, прощай, Папаша, крепко, крепко обнимаю и целую тебя и Ога(реву).

Твоя Тата Г.

№ 8, Albrechtgasse.
Dresden

^{12*} стрельба птиц (нем.).

^{13*} ярмарка (нем.).

Ольгу поцелуй за меня и скажи ей, что Татьяна Алек(сеевна) Астракова прислала ей Кольцова с картинками, я его с собой привезу.

Кланяйся Бенни, Чернецкому, Т(х)оржевскому, Жюлу, Tassinari и Катерине да всем знакомым.

Маша кланяется, не может ничего писать, дети нездоровы⁷.

¹ Ответ на письмо Герцена от 23 июня 1860 г. (XXVII, 70), в котором он напоминал, что 25/13 июня – день рождения Саши – “и не только рождение, но и совершеннолетие” (ему исполнился 21 год).

² Это письмо Таты до нас не дошло.

³ 23 июня Герцен писал о сыне: “Итак, он из детей перечисляется в Mannsperson’ы (лица мужского пола (нем.)). Ну, а ты пока остаешься – при мне адъютантом” (XXVII, 70).

⁴ Опера Моцарта “Свадьба Фигаро”.

⁵ Опера К.-М. Вебера “Вольный стрелок”.

⁶ Сын М.К. Рейхель – Карл-Александр.

⁷ Герцен ответил на это письмо 30 июня (XXVII, 73).

6

15-ого дек(абря) 1862.

22, Rue de Choiseul. Paris¹

Милейший Папаша,

Верно, вы уже все знаете, знаете, что вчера с самого утра за нами пришли Левицкие² и нас увезли, что сейчас же после завтрака я должна была лечь у Левицких с ужаснейшей головной болью, сегодня прошло, но зато губа ужасно болит – помнишь, прыщик у меня был, теперь вся нижняя губа распухла, не знаю, гвоздь ли или что-нибудь другое, несмотря на это Левицкий несколько портретов сделал.

Ты, пожалуйста, не сердись на этот раз, письмо будет непорядочное, но что прикажешь – Мальвида только что отослала письмо³, не сказавши мне, – а теперь все Л(евицкие) меня окружают, играют, шумят. Следующая станция будет последняя, отсюда я все подробно опишу. Видела я *Сверчкова*, живописца, Томошевского и Чумакова – со всех снимали фотографии большие в костюмах крестьянских для *Сверчкова*.

Все, т.е. Левицкие, Галле и Тургенев, нас приняли как нельзя лучше⁴.

Петруша⁵ опять всем по подарочку.

Не могу больше писать, пожалуйста, извини, Папаша, – читала и перечитывала поутру сегодня, что ты мне в книжке написал еще⁶, благодарю и крепко тебя за то целую.

Твоя Т а т а

Все тебе кланяются, особенно Воля⁷.

¹ Тата и Ольга 12 декабря выехали из Лондона в Италию (через Париж и Ниццу).

² В Париже жил со своей семьей двоюродный брат Герцена фотограф *С.Л. Левицкий (Львицкий)*. См. выше в наст. кн. письмо к нему А.А. Герцена.

³ Письмо Мейзенбуг остается неизвестным.

⁴ 16 декабря И.С. Тургенев писал Герцену: “А дочки твои прелестные; особенно Тата, такое славное, умное, здоровое и здоровое существо! (...) Все наши просьбы не могли убедить m-lle Meysenbug остаться в Париже день лишний – и нам пришлось только пожелать им счастливого пути” (*Тургенев. Письма V*, 77).

⁵ *П.А. Захарьин*, брат жены Герцена.

⁶ Напутственное письмо Герцена дочерям от 5–10 декабря в записной книжке (XXVII, 267–269, 722).

⁷ *Воля* – сын *С.Л. Львицкого* Володя. Герцен ответил 20 декабря (XXVII, 272).

Пятница 19 и чет(верг)^{14*} 20 декабря 1862 г.
Hôtel des Anglais. Nice

Милый Папаша,

Не могу еще опомниться, все не верится, что мы в самом деле в Ницце. Рано поутру мы были на кладбище – гроб я сейчас узнала, по деревьям, и место я еще так живо помнила – цветов теперь очень мало, одни гераниумы, а деревья очень выросли, их, конечно, надо оставить, они так долго тут стояли, да с самого начала¹. Ольга во всей дороге была очень умна, ни разу не жаловалась и не делала затруднения, особенно здесь она была очень мила ко мне; приехавши, я с ней поговорила и просила особенно здесь быть милой; видя, что я печальна, она обещала и сдержала слово. Пора тебе, Папаша, приехать – Ницца так меняется! Через сад Maison Douis² проходит железная дорога, ее строят – везде строят огромные богатые дома.

С кладбища мы сошли к Рокке, где нас, конечно, приняли как ближайших друзей – там я нашла твое письмо, Папаша, в котором ты упрекаешь³, но, надеюсь, ты теперь получил мою записочку из Парижа⁴ и знаешь, что М(альвида) два раза писала и отсылала письма⁵, не говоривши ничего, что мне, право, оч(ень) нездоровилось, хотя я и была у Левицких. Я там лежала, до Marseille меня мучила моя губа ужасно, в Marseille я целый день пролежала – вся левая щека распухла от нарыва – не понимаю, что это было, но после несколько припарков он прорвался, и все стало лучше и лучше, но до сих пор не совсем прошел, и вот я, самая сильная и крепкая, всех больше даю хлопот – теперь у меня насморк, но это ничего. Завтра надобно в 4-том часу встать, чтоб поспеть на дилиженс – так сейчас (?) подроб(но) не могу тебе описать – но все припомню и напишу из Флоренции – теперь поздно, а днем мы повсюду были, ходили – все находят, что Ольга очень напоминает мамашу – должно быть, мое сходство совсем прошло...

Прощай, крепко тебя обнимаю и целую, твоя Тата Г.⁶

¹ В своем напутственном письме (см. прим. 6 к п. 6) Герцен писал: "Я хотел, чтоб вы ехали через Ниццу. Я хотел, чтобы, вступая в Италию, в новый отдел жизни, ты посетила нашу могилу, чтоб ты привела туда Ольгу – и вместе, с благоговением поклонилась земле, под которой схоронена ваша мать, цветам – растущим на ней" (XXVII, 269).

² Дом Дуйса в предместье Ниццы С.-Элен, в котором Герцен с семьей жил с августа 1851 г. по май 1852 г. В нем умерла Н.А. Герцен.

³ Это письмо неизвестно.

⁴ См. пред. письмо.

⁵ Эти письма Мейзенбург к Герцену неизвестны.

⁶ Герцен ответил 24 декабря (XXVII, 273).

Четверг. 25 декабря 1862 г.
Флоренция. Hôtel du Nord

Вот мы и во Флоренции, милый, добрый Папаша. Целы и здоровы! Надеюсь, вы получили телеграмм вчерашний¹. Что вы теперь поделываете? Были мы на почте, но писем от вас нет – один Тхоржевский, бедный, милый, – "Punch" прислал, еще не смотрела. Но теперь, чтобы начать с начала – т.е. с Ниццы: выехали мы в 5 часов утра – Рокка с женой нас провожали и загрузили всякими запасами пирогов, вина, куриц и цветов – наш дилиженс был получше дилиженса из Arcs в Ниццу, в этой были подушки, и места пошире. Ночь была не очень темная, виды чудесные, видели мы восхождение солнца и взгляд назад – на Ниццу – это описать нельзя, да вообще вся "Corniche"², хотя нам предсказывали, что так хорошо, это превзошло все ожидания, и день был такой ясный, но, впрочем, здесь это ничего, все дни ясны, от 9 (до) 2–3

^{14*} В автографе описка: вместо суббота – чет(верг). – Ред.

жарко, прежде и после просто холодно – ночью часто мороз. На границе дилиженс остановился – мы побежали вперед, чтобы согреться, дилиженс нас догнал, и мы очень просто опять сели и поехали, но как бедная Жеоржина³ испугалась, вы себе представить не можете, она осталась в дилиженсе и думала, что мы пропали. Какое утомительное путешествие – боже мой! До сих пор чувствуем. Я всегда представляла себе, что дилиженсы гораздо лучше омнибусов – а вижу, напротив, вдесятеро хуже – мы себе брали *купэ*, а Ж(еоржине) место внутри, а внутри так низко, что я не могу стать прямо, под ногами солома с блохами, ног вытянуть невозможно, но, не смотря на это, – в этом есть много веселого – и жаль мне будет, если дилиженсы совсем уничтожат – одна радость, когда приезжают и знают, что “вот кончено, можно отдохнуть” – это чего стоит, – потом ночью все вокруг темно, одни спины и уши лошадей, ярко освещенные фонарем дилиженса, и крик “iou-ю, ю!” делает пресмешной, веселый эффект. Но представь себе, что дилиженс только *раз* останавливается в 24 часа. Это ужасно! Лошадей меняют часто, каждые четверть часа или 20 минут, но это делается так скоро, что пассажиры, особенно дамы, не могут выходить. Выехавши в 5 часов, мы только остановились в 2 – чтобы позавтракать – в гаденьком трактире. Садившись в дилиженс, я уже слышала, что за нами сидят русские, но тут за завтраком я их в первый раз увидела. Старик, старуха, вроде Татьяны П(етровны)⁴, и молодой человек, сын – рыжий, с белыми ресницами и немецким лицом – противный. Сели они и сейчас начали спорить и жаловаться. – “Ну, взгляни, ну, посмотри – лиловое вино, фу, какая гадость! и дилиженс этот противный, все кости болят, просто *курятник*, голова болит, тошно – эка мерзость – а все твоя вина (старуха сыну), мечешься, не хотел вчера посмотреть, говорила ж тебе, пойди, взгляни, расспроси, не пошел – ну пусть – страдай теперь”. “Все моя вина, из терпения выводите, уж лучше все брошу, клянусь, никогда не буду больше брать билетов”. – Ты понимаешь, что я была в ужасно неприятном положении, понимая все – и вот, что еще лучше, пока мы кончали завтрак, Мальвида побежала вперед, чтоб согреться, думая, что заплатила, а *garçon* взял с нее денег на одну персону – только кондуктор кричит: “*En place, m(essieurs) et m(esdames)*”^{15*}, а у нас и у Ж(еоржины) ни грошу денег нет. Я уверена была, что все заплочено, ухожу, вдруг *garçon* меня останавливает – я покраснела до ушей, так что сама боялась, чтоб щечки не лопнули, и, не зная, что лучше делать, адресовалась к русской старушке *по-французски* – конечно, все пассажиры разом вынули кошельки, но кондуктор заплатил.

Приехавши в Геную, я опять с ней заговорила, пока ждали багаж, и хотела с ней заговорить по-русски, но имела присутствие духа спросить сперва, остается ли она в Генуе? “Нет (по-французски), мы отдохнем денек или два здесь в Г(енуе), а потом на зиму во Флоренцию”, – тогда я решила поговорить по-русски – простилась и отправились все в *Hôtel Royal*. Это, право, очень порядочный и дешевый отель – тут мы еще поспали, а потом отправились рассматривать дворцы. Количество белого мрамора – это удивительно – внутри, снаружи, потолки, полы – все из белого мрамора – впрочем, ты все это сам хорошо знаешь, ты же рассказывал⁵, – внутри галереи – маленькие, но большая часть семейных портретов – все *Van Dyke, Rubens*, есть картины, *Pâris Bordone* головы прехорошие – в первом “*Palazzo Durazzo*”¹⁶ портрет маленького *Durazzo* в белом атласном платье, мальчик 4–5 лет *Van Dyke*’а, – чудо что за картина – во втором “*Palazzo Brignole-Sale*” большие картины, его же, хозяина верхом и его жены – и везде эти великолепные лестницы и входы из белого мрамора. А некоторые из этих дворцов все покрыты фресками, снаружи не то чтобы очень артистически сделанные, напротив, но некоторые пресмешные, представь себе дом – ни одного камня не видать, всё разные арабески и окны нарисованные, в одно окно выглядывает дама и делает *piéd de nez*^{16*} мужчине, который ей кланяется с верхнего этажа – и подобные преоригинальные сцены.

^{15*} “Займите места, г(оспод)а и д(ам)ы” (франц.).

^{16*} показывает нос (франц.).

26-ого декабря 1862

Во дворце “Дожев”⁷, нынечный Palais Royal, мы тоже были и собор⁸ видели, какое странное здание, не правда ли? Не могу сказать, что мне очень нравилось, помнишь, все белые и черные полосы, внутри и снаружи все мрамор – в старину на этом же месте стоял римский темпел¹⁷*, из него сделали маленькую византийскую церковь, которую все увеличивали и до сих пор увеличивают, но теперь ее всю испортят, потому что передняя внутренняя часть тоже из белого и черного мрамора, а “fond”¹⁸* будет золоченый и совсем как нынечные церкви, – были мы еще в каком (-то) саду на горе с правой стороны, чудо что за вид на всю Геную. “Gênes la Superbe! La voilà!”¹⁹*, как с гордостью нам говорил милейший laquais de place Hêlici²⁰*. М(альвида) совсем в него влюблена была – в этом саду росли и растут перец, камфара, кофе и разные подобные деревья, потом каскады устроены так, что можно купаться в какой-то гроте, окруженной скалами и растениями, – все это мы видели в первый день, остались мы два дня, потому что корабль²¹* “Principe Umberto” только уезжал во вторник в 10 часов вечера – утром мы поехали на скалу de “Quarto”, работники поставили маленький памятник тут – это место, в котором Garibaldi посадил на корабль волонтеров, скрывшихся у Vacchi в Villa Spinola⁹. Воротились мы усталые, и было уже поздно, но не хотелось мне уехать, не побывши на гробу Вильмы бедной¹⁰, и так мы туда отправились – кладбище на горе, вид тоже чудесный на Геную и все ее окрестности, на гробу бедной Вильмы белый камень мраморный, окруженный решеткой, надпись латинская.

Дамы, крестьянки и даже из аристократических семейств почти все носят белые кисейные вуали, это очень красиво, причесываются они, как я, – только вдвое выше, спереди волосы – старухи носят бумажные шали с огромными рисунками птиц и цветов (совсем как бумага в гостиной Crauford’a¹¹, если припомнишь), эта шаль им служит покроем (!) ночью. Чтоб иметь “сувенирчик” из Генуи, мы купили себе филигрантовые вещицы. М(альвида) мне к рождению подарила брошку, я себе купила на 5 фр. запонки – единственная трата из денег, которые ты мне дал. Ольге М(альвида) подарила брошку и себе купила. Вечером в 8 мы были на корабле, выехал он в 11 – в Livorno мы были в 9 ут(ра). Но как итальянцы милы, учтивы – премилый народ и улицы совсем не такие вонькие – напротив, гораздо чище и лучше “pavées”²²*, чем в Париже и Лондоне; квартиру мы уже нашли, т.е. Фрикен нашел¹², право, это удивительно, как он все для нас устроил, комнаты взял в отеле, потом выбрал 5–6 квартир, restaurant, из которого нам будут носить обед, словом, все все уж устроено, и мы через четверть часа переезжаем. Квартира премилая, только на 4 этаже – мне это, конечно, ничего, напротив, для ф(илейных) мясов отлично – план пришлось в следующем письме. И остальное до будущего письма, теперь прощай, обнимаю тебя и крепко целую.

Твоя Т а т а Г.

Теперь буду Саше писать, если письмо будет слишком толсто, pošлю особо. Что дети? Знаешь, Лизочка моя милая, что я видела мальчика 2 1/2 лет, внука Рокки, нашего повара в Италии, и представь себе, что он уж читает – вот как, и шляпка у него черная, а на ней золотыми буквами написано “Diablotin”, чертенок. Мальчики в Ницце много этих шляп носят, у одного написано было “Tarageur”²³*, у другого “Espîègle”²⁴* – вот как, Зеночек мой милый – что делает Шарик и что делает Туху¹³.

17* храм (лат. templum).

18* “фон” (франц.).

19* “Генуя Великолепная! Вот она!” (франц.).

20* ливрейный слуга с площади Hêlici (франц.).

21* Над словом корабль в автографе написано: пароход. – Ред.

22* “мостовые” (франц.).

23* “Буян” (франц.).

24* “Шалун” (франц.).

¹ Эта телеграмма из Флоренции, полученная Герценом 25 декабря (XXVII, 274), остается неизвестной.

² “*Corniche*” (“Карниз” – *франц.*) – живописная дорога, выходящая между Ниццей и Ментоной по крутому берегу Средиземного моря (ср. V, 73–75; X, 279–280; XX, 603–604).

³ *Жеоржина* – горничная.

⁴ Пассек.

⁵ Описание Генуи см. в “Письмах из Франции и Италии” (V, 75–77).

⁶ Дворец *Дураццо-Паллавичини*, построенный Б. Бианко; в нем располагается знаменитая художественная галерея.

⁷ Дворец “*Дожев*” (дожей) – старинная резиденция дожей, построенная в конце XIII в.

⁸ Кафедральный собор XI–XVI вв. Сан-Лоренцо.

⁹ Дворец *Спинола*, теперь носящий название “*Della Casa*”; построен в XV в.

¹⁰ *Вильма* – дочь Л. Кошута, подруга Таты; умерла в Италии 22 апреля 1862 г.

¹¹ О том, что Герцен изредка бывал в Лондоне в доме английского дипломата Дж. Кроуфорда, дочь которого Джорджина стала женой друга Герцена А. Саффи, свидетельствует Тучкова-Огарева, описавшая подробности свадьбы Кроуфорд с Саффи (*Тучкова-Огарева*, 133–135). *Бумага* – обои (*франц. papier*).

¹² Живший в Италии русский искусствовед А.Ф. Фрикен взял на себя заботу о приехавших во Флоренцию дочерях Герцена. Об этом Герцен просил Фрикена в своем письме от 3 декабря (XXVII, 266–267).

¹³ Герцен ответил 31 декабря (там же, 275).

9

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

1-го января 1863 г. № 22
Lung’arno. Casa Aretina. Firenze

Поздравляю тебя, милый, добрый Ага, и Папаша, (с) Новым годом и хорошим началом, т.е. нашим началом. Мы, кажется, устроились довольно скоро *grâce à Fricken*^{25*} для квартиры и других домашних вещей, “*grâce à Gallait et Alexandre gar Ussi*”^{26*} ¹ и “*grâce à*”^{27*} то, что мы твои дочери. M-lle Marianna Giarra² остается 2 часа вместо одного; конечно, много болтает, но тем лучше, я уже начинаю немножко понимать.

3 янв(аря)

Так как у меня ничего не было ему показать, он мне задал рисунок с натуры, на пробу – это так же, как в Брюсселе у Галле, я в первый раз *так* боюсь, что гораздо хуже делаю, но это скоро пройдет. Ussi очень мил и любезен. Но как ты ошибаешься, думая, что у нас голубое небо и жарко³.

Климат ничем не лучше лондонского и, может быть, даже холоднее – в галереях рисовать *невозможно*, теперь не скоро будет теплее. Не бойся, Папаша, не думай, что это будет потерянное время, я буду целый день рисовать – я уже начала, Юсси мне прислал молодую италианку, премилую девушку, я кое-как с ней болтаю и знаками разговариваю.

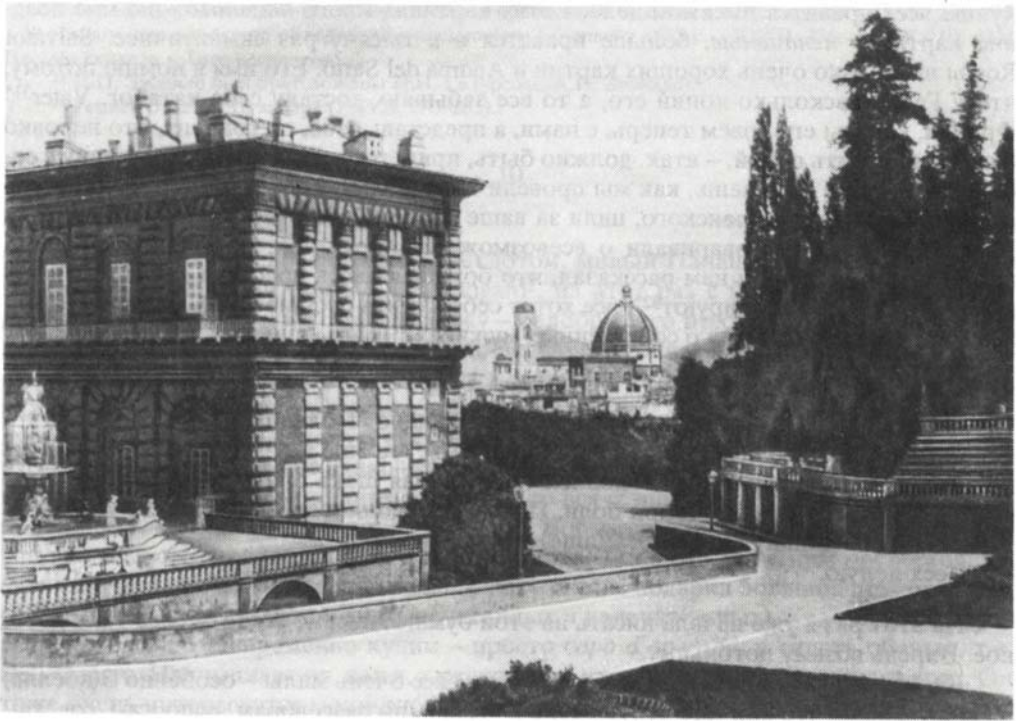
Она, кажется, любимый модель русских дам и девушек, вот сегодня она у русской, которая тоже живет на Lung’arno. Ты уж, верно, испугался – что много русских здесь. Опять говорю, не бойся, мы до сих пор, кроме Фрикена, никого не видели и никого не увидим, кроме Забелла (ты же его рекомендовал)⁴, певца⁵ и художника Ге (ты скажешь: “Да это уже много – *три!*”). Они придут сегодня вечером.

Фрикен очень серьезно рекомендовал Ге, русского, как *очень* порядочного художника, серьезного человека, готового мне советовать, помогать, уступать даже ателье⁶, право это очень приятно; Забелло и певца ты сам рекомендовал, но если они неприятны, нам не нравятся, мы не обязаны их видеть. Успокоился ты, Папаша, или нет? Если ты и этого не желаешь, напиши слово – и этих не будем видеть⁷.

^{25*} “благодаря Фрикену” (*франц.*).

^{26*} “благодаря Галле и Александру гар Юсси” (*франц.*).

^{27*} “благодаря тому” (*франц.*).

ФЛОРЕНЦИЯ. ПАЛАЦЦО ПИТТИ

Фотография Дж. Аникини. Конец XIX в.

Из альбома: Ricordi di Firenze, 68 vedute, (Firenze), s.a.

4 часа

Только воротилась из Palazzo Pitti. Ах, какая прелесть! Несколько картин я уже знала по копьям Галле и по собственным: моего друга Рембрандта я видела и Галилея одного, но не моего⁸; Рембрандт мой очень напоминает оригинала, но как последний *анпатирован*⁹!

Ну, а потом Мадонна Рафаэля¹⁰. Помнишь, Шёфт¹¹ говорил, что оригинал у него, и Саша так восхищался Магдалиной, – взглянул бы он на эту – нетрудно узнать, какая настоящая. Мне, если припомнишь, шёфтовская совсем не нравилась – все цвета были так темно-серы, а в этой цвета чистые, теплые – чудесные. Рисунок точь-в-точь тот же – может быть, у Шёфта старинная копия или копия самого Р(афаэля), но вряд ли. Потом сколько портретов Тициана, Рубенса, которого я срисовывала с шёфтовской копии. Я вижу теперь, что он очень похож, только, конечно, нехорошо сделан. А *groros*^{28*}, Саша ему отдал или нет?

Недостатка в оригиналах не будет – теперь все зависит от меня, я знаю это – и это меня пугает, но надеюсь... Но не согласна я с Мальвидой – опять старая история – не могу я восхититься прерафаэлитами, настоящими, даже учителем Рафаэля Перуджино и его, т.е. Р(афаэля), первыми работами – они все еще слишком похожи на византийские мадонны, которых я просто терпеть не могу. Я знаю, что ты тоже так думаешь, поэтому тебе я это говорю, а то я молчу и жду – может, придет время, *meine Augen werden aufgehen*^{29*} – как говорит М(альвида). Чего я не понимаю – это что Галле тоже восхищается этими старинными вещами: “Il y a tant de naïveté, de sentiment dans toutes ces figures”^{30*}. Он и срисовал одну Мадонну Перуджино – она мне

^{28*} Кстати (франц.).^{29*} мои глаза откроются (нем.).^{30*} “столько наивности, чувства во всех этих лицах” (франц.).

лучше всех нравится. В самом деле, в этих картинах много *наивного* – но мне поздние картины, *ненаивные*, больше нравятся и в тысячу раз симпатичнее. Salvator Ros'ы несколько очень хороших картин и Andrea del Sarto. Его имя я помню потому, что у Галле несколько копий его, а то все забываю, достану себе каталог. Vater^{31*} Фрикен, как мы его зовем теперь, с нами, а представь себе, он говорит, что неловко будет мне ходить одной, – итак, должно быть, придется всегда брать Жеоржину с собой. Да, ты еще не знаешь, как мы провели Новый год. С одним фатер Фрикеном – достали бутылку шампанского, пили за ваше здоровье, за русскую пропаганду и за мою живопись... Разговаривали о всевозможных предметах, особенно о русском, крестьянском деле. Он нам рассказал, что большая часть крестьян желают и надеются, что общину аболируют^{32*}, все хотят себе купить особые клочки земли; Тургенев мне тоже это говорил о собственных мужиках. Что ты думаешь, правда или нет?

(6 января.) Вторник

Папаша, можешь ли ты прислать нам последнюю “Полярную звезду”? – Та, в которой глава “Осеано пох”; в моих “Былое и думы” ее еще нет¹². Вчера я целый день пролежала с эссенсой^{33*} (от) головной боли. Левая щека опять распухла, все лицо скривилось. Этот раз от зубной боли. Последние ваши письма с Машиным получены¹³. На днях напишу Н(атали), С(аше) и Аге.

Всех целую.

Твоя Т а т а

На этот раз я уже начала писать на этой бумаге, письмо было бы все-таки двойное. Впредь возьму потоньше.

Да, были у нас Забелла, Ге и Кондратьев – все очень милы – особенно З(абелла) и Ге; я уверена, что они мне будут очень полезны, по разговорам, вопросам, советам и т.д., оба женаты и “pater (!) familias”^{34*}. Кондратьев не особенно – но судить еще нельзя – в роде Доманже – нос больше, волос меньше. Послезавтра посетим ателье Ге и З(абеллы)¹⁴, они двоюродные братья¹⁵.

¹ Во время встречи в Париже 14 или 15 декабря 1862 г. Л. Галле передал Тате рекомендательное письмо к итальянскому художнику А. гар Юсси.

² М. Джарра преподавала Тате и Ольге итальянский язык.

³ Отклик на слова Герцена в письме от 27 декабря 1862 г.: “Я откровенно счастлив за то, что вы под голубым небом и под гением Буонаротти” (XXVII, 274).

⁴ В письме от 24 декабря 1862 г. Герцен рекомендовал Тате посоветоваться со скульптором П.П. Забелло об оформлении могилы Н.А. Герцен в Ницце (см. XXVII, 273 и п. 10). Характеризуя демократические настроения в русском художественном кружке во Флоренции, архитектор Л.В. Даль писал другу в Россию 6 апреля 1860 г. о Забелле: “Это чуть ли не учитель Ге, он считает себя наставником всех русских по части Герцена” (РГАЛИ, ф. 179, оп. 1, ед. хр. 34, л. 1–2). О Забелле см. подробно в работе Л.Р. Ланского “Странное прощание...” (кн. 1-я наст. тома).

⁵ Певца Г.П. Кондратьева рекомендовал Герцену в качестве человека, достойного внимания его дочерей во Флоренции, композитор В.Н. Кашперов (см. XXVII, 267).

⁶ Свое знакомство с Татой и Ольгой Н.Н. Ге описал в мемуарах “Встречи” (“Сев. вестник”, 1894, № 3, с. 234–235). В ответном письме от 10 января 1863 г. Герцен не советовал Тате работать в “ателье незнакомомого Ге” (XXVII, 280).

⁷ 27 декабря 1862 г. Герцен писал Мейзенбуг: “Ради бога, как можно меньше знакомых {...} Страна, статуи, картины, алеатико, небо – все хорошо, к черту людей” (XXVII, 274). Откликаясь на эти доводы Таты, он 10 января 1863 г. пояснял: “Когда я был против дельных знакомств? Я писал и говорил – о пустых знакомствах, о потере времени, о русских – празднующихся, о политиках без дела” (XXVII, 280).

⁸ В 1862 г. Н.А. Герцен сделала копию с портрета Галилея работы неизвестного художника.

⁹ Написан пастозно (от франц. *empâté*), т.е. с нанесением на грунт густой пасты-краски.

¹⁰ Очевидно, “Madonna del Imbrannata” (около 1514).

¹¹ Шёфт – лондонский знакомый семьи Герцена.

¹² Раздел II главы “Осеано пох” ч. V “Былого и дум” был напечатан в “Полярной звезде на 1859 год”; полностью глава опубликована в т. IV отдельного изд. мемуаров в Женеве (1866). Тата говорит о тт. I–III этого изд., вышедших в Лондоне в 1861–1862 гг.

^{31*} Отец (нем.).

^{32*} упразднят (от франц. *abolir*).

^{33*} эфирным спиртом (франц. *essence*).

^{34*} “отцы семейства” (лат.).

¹³ Письмо Герцена от 30–31 декабря 1862 г. с приписками Огарева и А.А. Герцена (XXVII, 274–275; в 30-томном изд. ошибочно объединено с письмом от 2–5 января 1863 г. – XXVII, 276; ср. ЛЖГ III, 422). Письмо Рейхель к Тате неизвестно.

¹⁴ П.П. Забелло был братом жены Н.Н. Ге (урожд. А.П. Забелло).

¹⁵ Герцен ответил 10 января (XXVII, 280–281).

10

⟨Флоренция.⟩ 2 февр⟨аля⟩ 1863¹

Я должна начать пресмешным анекдотом, милый Папаша. Третьего дня, т.е. в воскресенье, мы были опять у Dell'Ongaro², на этот раз с Ольгой, потому что он очень просил. Входим, и кого же я вижу – белобрысого русского, который с нами в дилиженсе ехал из Ниццы в Геную. Dell'Ongaro его сейчас же подвел ко мне и представил как соотечественника: “М-г Семенов (?) – m-lle Herzen”. Я ему сказала, что я, кажется, имела уже честь его видеть, и т.д. Он узнал, долго верить не хотел, что я русская и дочь *того* Герцена, Гер⟨цена⟩-Искандера, – пока не заговорила с ним по-русски. Он автор, чего – не знаю – кажется, по-французски много писал, на вид очень глуп. Фрикен знает ⟨его⟩ по дяде, говорит, что вся семья принадлежит партии “анти-колоколистов”. Как он попал к Dell'Ongaro, Бог знает. Dell'Ongaro в последние дни вступил в место Фрикена и был нашим *cicerone*^{35*}, видели мы с ним превосходные фрески *Andrea del Sarto* в церкви *Annunziata*³ – он мне подарил большой портрет свой, списал множество стихотворений, печатанных и непечат⟨анных⟩. Какой у него портрет Гарибальди! Непременно купим – просто *capo d'opera*^{36*}, и сидеть обещал, т.е. Dell'Ongaro. Напоминает он, как я, кажется, уже писала, Тассинари, но хуже его... Он тоже очень интересуется моим рисованием, анкуражирует^{37*}. Нет, Папаша, в своем таланте я не сомневаюсь⁴: трудно бы было после того, как Галле, Юсси и столько других говорили и говорят, что у меня способностей много и в силах, конечно, недостатка нет. Поэтому я и работаю как можно больше, Юсси был опять очень доволен вчера – надеюсь, милый Папаша, ты не пожалеешь, что отпустил меня в Италию. В одном мы тебя не послушались, Папаша, но делать было нечего: т.е. мы назначили день – вечер, по средам, – чтобы принимать гостей, – потому ⟨что⟩ нам, как и тем, которые приходили, было неловко, они все очень скромны; познакомились мы с женами. М-ме Ге с сестрой⁵ очень приятные, простые дамы, совсем не à la Теплякова⁶, напротив, очень понимают, что, приходя так неожиданно, они мешают то чтению, то занятиям, то дома нас не найдут. Что же и им по-пустому бегать? М-me Zabella – швейцарка, очень миленькая. Раз мы у них были, а она здесь еще не была. И что же – в самом ⟨деле⟩ – раз в неделю можно пожертвовать вечером, тем более, что я при них могу продолжать рисовать. Они же все интересуются моей работой. Я все показываю, они критикуют.

О памятникке завтра же поговорю с Забеллой⁷. Он уже делал один большой памятник для того же кладбища, для какой-то русской дамы. Не думай, что я позабыла. Нет. Но не знала, как начать речь, – так мне казалось неловко. Хотя Фрикен читает нехорошо, запинаясь, чтение подвигается, книгу Сисмонди кончили; вчера вечером прочли “Восстание Мазаниело, бедного рыбака”, короткий, но очень интересный рассказ⁸ – кого, не знаю ⟨...⟩^{38* 9}

¹ Ответ на письма Герцена от 20 и 24–26 января (XXVII, 282–283 и 283–284).

² Ф. Дель-Онгаро, итальянский поэт, сподвижник Гарибальди, был знаком с Герценом (см. XXVII, 280; XXIX, 43, 48, 84). Об упоминаемом далее лице см. выше в п. 8.

³ В церкви Сантиссима Аннунциата (Благовещения; основана в 1250 г.) находятся фрески Андреа дель Сарто “Рождество Богородицы” (1514), “Мадонна дель Сакко” (1525), а также “Проповедь Иоанна Крестителя”, “Снятие с креста” и др.

^{35*} проводником (итал.).

^{36*} шедевр (итал.).

^{37*} ободряет (от франц. encourager).

^{38*} Конец письма не сохранился. – Ред.

⁴ 20 января Герцен писал: “У тебя, Тата, слишком много недоверия к силам. Заносчивость нехороша – но веру к себе надобно иметь. Иначе не пойдет и труд...” (XXVII, 282).

⁵ Во Флоренции вместе с семьей Ге жила сестра его жены Анны Петровны – Александра Петровна.

⁶ Супруги *Тепляковы* посетили Герцена в Лондоне в конце ноября или начале декабря 1862 г. (см. XXVII, 280, 289).

⁷ В письме от 24 января Герцен просил Тату “спросить мнение” скульптора насчет памятника на могиле Н.А. Герцен в Ницце. В ближайшие дни Забелло по просьбе Таты сделал керамический эскиз памятника, который не удовлетворил Герцена (см. XXVII, 283, 294, 299, и п. 15). Около 10 января 1865 г. там был установлен памятник по проекту архитектора Я.В. Дала (см. п. 28 и 31).

⁸ Возможно, книга: L. S i m o n d i. Histoire des républiques italiennes du Moyen Age (сокращенное изд.; его Герцен намеревался переводить еще в 1834 г. – см. XXI, 415; XXX, 846).

⁹ В несохранившейся части письма, очевидно, Тата осведомлялась, когда Герцен придет за ними, и просила разрешения на поездку в Рим. В ответном письме от 7 февраля он, в частности, замечал: “Сказать, могу ли я приехать и когда, теперь мудреннее, чем прежде. В Париже – большая дружба с русскими (...) Если очень хочется, поезжайте в Рим”, – но не одобрял этой поездки: “Времена мрачные, работать и работать надобно – думать и читать” (XXVII, 289).

11

(Флоренция.) 1 марта 1863

Мерси, милый Папаша, за книжку и “Колокола”, которые я аккуратно получаю¹ и с Meysenbug прочитываю сейчас же, чтобы передать их как можно скорей здешним русским: они все очень бедны, выписывать не могут, у Vieusseux только один номер, достать его очень трудно. Если ты можешь посылать мне два номера, ты осчастливишь несколько душ. Потом у меня еще несколько просят (тоже чтоб осчастливить кого-то), а именно m-lle Giagà: 1) несколько слов, написанных тобой по-французски; 2) твой портрет, это я сама достану от Левицких; 3) два автографа Осипа Ивановича² – у тебя их столько!

О митинге ты, верно, все знаешь от Meysenbug и Ольги – знаешь тоже, что Телеки был³, нарочно приезжал из Пизы, чтоб присутствовать и молчать, но его упростили, и он сказал коротенькую, но отличную речь (по словам тех, которые ее слышали, я не принадлежу к этому числу, потому что стояла за трибуной). Он велел тебе дружески кланяться и сказать, что часто о тебе думает. Знаешь ли ты, что письмо, которое ты получил от здешнего Комитета, прислано было мне, что я его перевела, но так как Фрикен тут был, я его попросила сделать – ты, верно, узнал его руку⁴. А когда ты думаешь приехать? Чтоб остаться месяц или два или только чтоб нас оторвать из Италии? Скажи-ка, Папаша?

Работаю, работаю, тружусь и мучаюсь.

Твоя Тата Г.

4-ого марта

Очень, очень меня обрадовал “первый результат”, как ты говоришь; французский “Колокол” и все письма получены и отданы. Разве вы не узнали мою руку, ведь я надписывала адрес на письме Долфи, а ты мне об этом пишешь, как о новости⁵.

5-ого марта

Ах, Папаша, если бы ты знал, какой у меня был модель! Старый солдат Наполеона Первого, он с ним был в России и видел, как горела Москва, – ему больше 80 лет, без бороды, весь в морщинах.

Вчера мы были в первый раз в большом аристократическом театре “La pergo-la”^{39*}, слышали сестер Маркизио в “Семирамиде”⁶. – Как они пели, просто чудо! В антракте Кашперов Ольгу повел за сцену, она познакомилась с Маркизио и всеми актерами⁷.

Теперь еще раз прощайте, всех обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.⁸

^{39*} “Беседка” (итал.).

¹ Ответ на письмо Герцена от 24 февраля (XXVII, 293).

² Так в шутку, на русский лад, называли в семье Герцена Дж. Мащини.

³ В неизвестных письмах Мейзенбуг и Ольги рассказывалось о состоявшемся во Флоренции митинге солидарности с восставшей Польшей. На нем выступил участник венгерской революции 1848 г. *Ш. Телеки* (приятель Герцена еще со времени парижской демонстрации июня 1849 г., затем встречавшийся с ним и в Лондоне – см. XI, 46, 189, 476–477; ЛЖГ I, 493).

⁴ 25 февраля Герцен получил пересланное через Тату и А.Ф. Фрикена письмо от Дж. Дольфи, возглавившего Флорентийский комитет помощи Польше. Он просил Герцена о содействии в установлении связей с представителями варшавского Временного революционного правительства. Герцен переслал письмо Ю. Цверцкевичу, представлявшему повстанческую Польшу в Лондоне, а его адрес сообщил тотчас Дольфи в ответном письме (см. XXVII, 294, 336; оба письма не сохранились).

⁵ Тата отвечает на письмо Герцена от 26–28 февраля. Сообщая о получении письма Дольфи “через Фрикена”, Герцен также писал: “Первый результат дел такой, что я полагаю полезным отсрочить вам еще вашу флорентийскую жизнь. Мы говорили (...) до 1 мая – кажется, можно вам прибавить еще месяца два” (XXVII, 294).

⁶ Известные певицы *Маркизио* – Барбара (контральто) и Карлотта (сопрано) исполняли главные партии в опере Дж. Россини “Семирамида” (1822).

⁷ Композитор *В.Н. Капнеров*, приятель Огарева с конца 1840-х годов, в 1858–1865 гг. жил в Италии, поддерживая переписку с Герценом и Огаревым. В марте 1863 г. во Флоренции была поставлена его опера “*Rienzi*”. В “Колоколе” (л. 160 от 1 апреля) напечатан фрагмент письма “Из Флоренции (23 марта)” о провале спектакля: “Публика не хотела слушать музыку, сочиненную русским” (с. 1325, в составе статьи Герцена “Бедное русское имя”; в 30-томном Собр. соч. она ошибочно напечатана без этого заключительного абзаца – см. XVII, 117–118). Об этом же эпизоде сообщается в письме Таты к Огареву от 19 марта (в *BN* сохранился лишь черновик его начала).

⁸ Герцен ответил 12 марта (XXVII, 297).

12

(Флоренция.) 6-ого марта 1863

Милый Папаша!

Вот я опять прихожу с вопросом о *Риме*¹. Выслушай-ка меня. Несмотря на то, т.е. уж не говоря о том, что желание растет не по дням, а по часам, надобно бы и об этом подумать, что уехать из Италии, не видевши Рима, даже в своей *décadence*^{40*}, было бы грешно, особенно нам, *мне*, ведь я только для искусства приехала. А если ехать позволяешь, лучшего время найти невозможно.

Говорят, одним ехать нельзя. Провожатель готов – м-г Фрикен без того едет в Рим; интересно и взглянуть на разные серемонии^{41*} папские. Ты думаешь о работе – неужели это будет потерянное время? У нас в последнее время только об этом и говорили, все знакомые художники удивляются, что ты сумлеваешься в пользе. Позже будет слишком жарко и нездорово – а там, еще позже, Бог знает что может случиться, и попадем ли мы когда-нибудь еще в Италию? И без того я должна бы скоро переменить работу – то, что я теперь делаю, это, конечно, единственная хорошая и серьезная дорога, по мнению Юсси, полезнее копирования, но она тоже рассчитана на долгое время, на несколько лет, а не на несколько месяцев. А так как мы здесь только на несколько месяцев, я думаю, что лучше и выгоднее пользоваться тем, что в Англии и нигде, кроме здесь, нельзя достать, т.е. копировать и просто учиться, рассматривая мастеров – ты сам знаешь, как это полезно. Если мы поедем, ведь это будет только на три-четыре недели, чтобы изучить всё, что там есть для изучения, – вдобавок с Фрикеном, который все знает, все “студировал”. Потом опять вернемся, и работа по-прежнему, если не лучше. Но теперь время подвигается – решиться надо – пожалуйста, пришли решительный ответ – просто да или нет².

Надеясь получить первое словечко, обнимаю и целую тебя, Огарева, Натали, Сашу и ребятишек.

Твоя Тата Г.

^{40*} упадке (*франц.*).

^{41*} церемонии (*франц. cérémonies*).

¹ 2 февраля Тата просила у Герцена позволения съездить в Рим.

² В ответном письме от 12 марта Герцен писал: "Ты занята исключительно собой и желанием ехать в Рим – смотри, этим путем как бы не развить в себе равнодушный эгоизм (...) В Рим, пожалуй, поезжай-те" (XXVII, 297).

Обнимаю и тысячу раз целую тебя, милый Папаша, за то что ты позволил нам ехать в Рим, не будет и это потерянное время, будь уверен, Папа. Приехали мы вчера около пяти часов вечера – об этом расскажу позже. Сегодня мы с утра отправились на Форум, долго там всё рассматривали – подумала я и о вас всех, стоя перед триумфальной аркой Септима С(евера). Может быть, кто-нибудь из вас рассматривал в эту минуту картину, висящую в столовой Orsett House¹. Оттуда отправились мы в Колизей, которого всего больше хотелось видеть, я просто жгла (!)² от нетерпения скорей увидеть его. День был удивительно хорош – в полдень так пекло, что мы даже искали тени. Колизей был неописуемо грандиозен и хорош, мы остались в нем до пятого часа, не замечая, как время прошло. Люди, особенно крестьянки, все подходили к среднему кресту и целовали его, подконец тоже вошла процессия монахов. И какой вид на окрестности с высшего этажа Колизея – все это опьянительно хорошо – только многое портит гибель иностранцев и еще больше постоянный шум барабана и трубы французских солдат³.

Не понимаю, Папаша, отчего Рим тебе не с первого раза понравился? Помнишь, ты говоришь в "Письмах из Франции и Италии", что надобно сперва вжиться. Как твои описания хороши в этих письмах, Папа, я только что перечла письма из Рима⁴. Через несколько минут мы пойдем на Терм Каракалы, где ты сидел с молодым итальянцем и рассуждал о том, как Буанаротти, Раф(аэль) и т.д. отделявали ненужные вещи...⁵ Вот и воротились мы, посылаем тебе или лучше Саше, он их побережет, цветочки с Колизея и с Термов Карак(алы). Какое великолепие – люди, верно, сидят на самом том месте, где ты был, с которого видны акведуки, горы, Тиволи, начало Фраскати, остатки стены, а сзади – S.-Pietro – словом, весь Рим с окрестностями перед вами, когда взлезешь на высшую скалу.

Ну, а о путешествии теперь. Ты знаешь – решено было, что мы поедем во вторник. Так и было – все благополучно устроили и выехали из Флоренции по железной дороге в 7 часов утра⁶. В этот день, Папаша, я, право, была довольна, что тебя не было с нами... Во-первых, перед самым отъездом, после инвентаря^{42*}, Жеоржина прибежала с испуганным лицом. Что такое? Уронила туалетный столик. Лоханка и кувшин в дребезгах. Потом мы чуть-чуть не уехали без моего чемодана. Часть вещей мы оставили в Флоренции у m-lle Giarrà с m-me Cattermole. В вагоне мы забыли релвераки⁷ – к счастью, все время было очень тепло – вчера мы их получили.

Ветурино^{43*} у нас был отличный, большой, с пятью лошадьми – иногда прибавляли вдруг еще пару, в *Orvieto* мы приехали около 7 часов вечера, я с ужасной головной болью, остальные с ужасным аппетитом. Ты, кажется, не был в этом местечке, оно лежит на возвышении, на скалах, которые трудно отличаются от стен, так что издали все вместе имеет форму крепости и напоминает *Königstein* в Саксонии.

Остановились мы в каком-то разваленном дворце, который теперь называется отелем. Тут начались серьезные мучения (от) "скакунов"⁸. Меня они не любят и всего меньше мучают – но бедная Ольга в отчаянии. На следующее утро мы осмотрели собор, украшенный барельефами Niccol'a Pisano. Площади были покрыты крестьянами и крестьянками, более или менее одетые в лохмотьях, но не так картинно, как грациозно. Женщины там носят на голове красный суконный платок, который покрывает также часть талии. Это удивительно хорошо. По дороге из *Orvieto* в

^{42*} сдачи вещей по описи (*итал.* inventario).

^{43*} Здесь: экипаж на далекие расстояния (*итал.* vetturino).

Viterbe мы встречали множество крестьян на ослах – все разодетые по случаю праздника – “именин матери Христа”. Иногда двое сидели на бедном звере – мужчины поженскому, а женщины по-мужски – “калифуршон”^{44*}.

Всего не могу написать сегодня, скажу еще только, что несмотря на то, что все во Флоренции нас пугали “briganti”^{45*}, – мы ни с кем не встречались, кроме с (1 нрзб.) у входа (в) Porto del Popolo – и еще с Щедриным⁹ – друг Фрикена, который нам нанял вперед квартиру, очень милую – но дорогую – теперь сезон иностранцев – англичан почти столько же, сколько итальянцев.

Ну, Папаша, видели мы папу – не нашего, должно быть в том же печальном виде, как ты его видел во второй раз¹⁰ – вид у него был ужасно утомленный и истасканный¹¹.

¹ Вероятно, в лондонском доме Orsett House, где Герцен с семьей жил с середины ноября 1860 г. до конца июля 1863 г., висела картина, изображающая римский Форум и находящуюся рядом с ним Триумфальную арку римского императора Септимия Севера (сооружена в 203 г.).

² Очевидно, ошибочно, – вместо “горела”.

³ С 1849 г. Рим находился под французской оккупацией.

⁴ См. “Письмо пятое” “Писем из Франции и Италии” (V, 81–86). 6 апреля Герцен так откликнулся на эти строки Таты: “Ты очень хорошо делаешь, что читаешь “Письма из Италии” на месте – это наше свидание в Риме” (XXVII, 304).

⁵ В “Письме пятом” передается разговор с “молодым итальянцем” – Л. Спини (см. о нем в “Лит. наследстве” т. 96, с. 217–230). На замечание его о бесполезности римских арок и колонн Герцен возразил: “Вся поэзия жизни состоит из ненужностей. Рафаэль рисовал ненужные картинки, Микель-Анджело делал каменные куклы...” (XXVII, 85–86). Термы Каракаллы – величественные здания общественных бань, построенные между 212 и 223 гг., при императорах Каракалле и Александре Севере.

⁶ Тата с Ольгой и Мейзенбург выехали из Флоренции 24 марта и приехали в Рим 26 марта.

⁷ рельераки (рельвераки) – плащи.

⁸ Вероятно, блохи.

⁹ Тата и Ольга общались в Риме с А.А. Щедриным, архитектором, двоюродным братом А.Ф. Фрикена.

¹⁰ Папой римским с 1846 по 1878 г. был Пий IX. Герцен видел его дважды в декабре 1847 г. (см. письмо шестое “Писем из Франции и Италии” (V, 90–91).

¹¹ Отвечая на наст. письмо, Герцен писал 6 апреля “Я очень рад, что вам в Риме так хорошо, смотрите – учитесь – читайте по камням и картинам” (XXVII, 303).

14

6-ого апреля 1863 г.
75, via S-to Basilio. Piazza Barberini. Roma

Нехорошо начался день твоего рождения для нас, милый Папаша. Мальвида никаких усталостей не выносит – сегодня она должна опять остаться в постели, чтоб лишне сил не тратить и быть в состоянии видеть фейерверк вечером. Вчера мы видели, как папа благословлял народ с S-to Pietro¹ На этой огромной площади было столько народа, что прохода почти не было – к счастью, мы еще нашли несколько свободных стульев под аркадой колоннады.

Конечно, часть площади была занята солдатами, но, считая их и остальной народ, – говорят, было около 100 000 человек.

Тут мы очутились в самой середине народа – множество крестьян проходили, нас окружали. Не нахожу я, чтоб они так красивы, как я ожидала, напротив, они меня поразили своей некрасотой и глупым, почти зверским выражением, особенно пастихи, зато иногда встречаются удивительно красивые лица, это правда, но очень редко. Женщины итальянские бывают очень хороши – но гораздо реже, чем ожидала, и костюм теряется; в самом Риме, кроме моделей^{46*}, никто не ходит в крестьянских платьях; говорят, даже в “сапрагна”^{47*} принимают городское платье, но во всем

^{44*} “верхами” (франц. califourchon).

^{45*} “разбойниками” (итал.).

^{46*} натурщиц (итал. modella).

^{47*} “деревне” (итал.).

ПАПА ПИЙ IX БЛАГОСЛОВЛЯЕТ НАРОД

Гравюра Гошара по рисунку Э. Байара, 1870-е годы

Из книги: Rudolf Kleinpaul. Rom in Wort und Bild. Band II. Leipzig, 1883

смешно, он благословляет народ направо и налево, потом бросает три бумажки “индульгенции” – сотни рук поднимаются, чтобы поймать эти бумажонки, которые потом за безумную цену продаются англичанам. (О, Папаша! Только что получили колоссальный букет от Фрикена, по случаю твоего рождения!..) Ну, когда все кончилось, папу унесли, толпа мало-помалу разошлась, мы еще вошли в S-to Pietro и долго там просидели – удивительно, как все пропорции теряются в таком колоссальном удалении. Кто может поверить, что бронзовый катафалк, который стоит в середине над остатками отрубленной головы Св. Петра, – помнишь этот катафалк, сделанный из старинных римских бронзовых колонн, ваз и т.д., – величиной с Лувра (!) в Париже, а на вид, конечно, он очень велик, но все-таки никак нельзя этому повер(ить). Но это рассчитано и мерено – величина всей церкви не поражает сразу – мало-помалу, сравнивая и рассчитывая, то видишь колоссальность. Напр(имер), на пьедесталах колонн катафалка – герба пап: шапка, ключи и три пчелы; издали кажется, как будто бы Ольга легко дотронется до всего этого – подходя, видишь, что и до первой пчелы ей трудно достать – и так все – все теряется. Вечером мы видели S-to Pietro в своем самом блестящем виде. Какая прелесть – освещенный S-to Pietro. На самой площади мы не были, там кроме огненной массы, ничего не видно, говорят. Мы были на M(on)te Pincio, откуда очень хорошо видно – особенно с одной точки – все кажется одно видение – фонтан, окруженный дерев(ьями), которые составляют рамку вида овала, этот огненный собор, который отсвечивается в фонтане, – все делает удивительно хороший эффект – сзади меняют освещение, т.е. прибавляют, тем, по-моему портят: контуры теряются^{48*}.

этом они очень грациозны, учтивы и милы. Вот вчера, стоя между народом, мы видели хорошую сцену. Молодая буржуазка подошла, крича, толкая, суетясь, – с ней была девочка пяти или шести лет. Между нашими стульями и колонной проходить было почти невозможно, – однако маленькая девочка прошла, пока мать с кем-то говорила сзади, но, вдруг, увидя, что дитя прошло, она рассердилась, потащила ее назад, дала ей плюху в лицо, говоря: “Как ты смела идти вперед, пройти первой – сперва я, а потом ты”. Ворча и всех толкая, она прошла, стала впереди, потащила за собой и девочку испуганную – ей самой было хорошо видно, девочка ничего не могла видеть – так возле, на пьедестале колонны, стояли две пребедные крестьянки, старуха и молоденькая девушка, с белыми платками на головах; старуха сжалась над девочкой и так мило ей уступила место, обняла ее, все время за ней смотрела, это было, право, трогательно.

Ну, а о самой церемонии ты знаешь, она пресмешная². Папу приносят на большом кресле, за ним стоят два дурака с большими веерами из разноцветных перьев, это ужасно

^{48*} Конец письма, по-видимому, не сохранился. – Ред.

¹ В соборе св. Петра папа благословил народ в связи с праздником Пасхи.

² Церемония благословения народа папой описана Герценом в письме шестом "Писем из Франции и Италии" (V, 91).

15

75, Via S-to Basilio, Piazza Barberini. Roma.
7 апреля 1863 г.¹

Как же вы отпраздновали ваше рождение, Папаша? Мы вот что делали: все утро пробыли в *Capitolio* (в галерее картинной – в каменной – были в прошлой неделе – какие там портреты *Van Dyke* – просто чудо – да много других чудес, *(o)* которых ты пишешь²), оттуда сошли опять на Форум Романум и в Колизей. День был опять превосходный, после обеда (мы обедаем в *Restaurant*) за нами зашли Боткин³ – отлично – и Щедрин – двоюродный брат Фрикена; пили мы за твоё здоровье "*Orvieto*", как я тебе предсказывала, в 7 часов, – что вы делали в это время? Верно, тоже обеды с Чернецким и Тхоржевским? Ну, *girándola*, или фейерверк, был великолепный, особенно последняя вещь – одна ракета летела по проволоке с террасы *M(on)te Pincio* до Обелиска, разделяясь на несколько частей, которые тоже по проволокам отправлялись к шестам, стоящим кругом площади, зажигали там бенгальский огонь и возвращались к Обелиску – очень артистически устроенному.

Мерси, милый Папаша, за деньги⁴. Мы, конечно, стараемся тратить как можно меньше, но приехали в несчастное время когда все вчетверо дороже, кареты до безумия дороги, хуже Лондона и Парижа (но, говорят, это пройдет с праздником), обеды на дом тоже, поэтому мы ходим в маленький скромный ресторан, здесь обед обходится около двух франков с головы. Ты, Папаша, не заботься и не тревожься о проекте Забеллы, он только сделал маленький глиняный эскиз – это равняется рисунку⁵.

Здесь газет никаких не получаем, но слух неся, что все покончено – что после взятия Лангевича побили всех инсургентов. По твоему письму видно, что не так⁶, – дай бог, чтоб поляки, которых вы провожали, приехали благополучно, – по каким путям они отправились – морем до каких пор?

Что Бак(унин) и m-me Бак(унина)⁷? Всем кланяйся, вас всех обнимаю и крепко целую.

Твоя Т а т а

Боткин и Фрикен вам всем кланяются.

Папаша, скажи-ка, говорил ты о переводе "*Corsica*" или "*Stadt Rom*" *Gregorivius'a*?⁸ Переведено что или нет? Он странный человек, истый немец, и говорит à la Кинкель. Да, à *groros* – ты никогда не отвечал – как же это Кинкель так часто стал к вам ходить – какой у вас заговор вместе?⁹

¹ Ответ на письмо от 24 марта (см. XXVII, 299–300).

² Имеется в виду письмо пятое "Писем из Франции и Италии" (см. V, 82, 84–88).

³ Живописец, гравер и искусствовед *М.П. Боткин* (встречался с Герценом в Лондоне в 1862 г., а пересылался с 1859 г. – см. XXVI, 240–241).

⁴ Герцен сообщал, что накануне отправил дочери и Мейзенбург (через флорентийского банкира Фенси) 1500 фр., и предостерегал от излишних трат (см. XXVII, 299).

⁵ В письме от 24 марта Герцен оценил проект памятника на могиле своей жены, предложенный П.П. Забелло, как "казенно-обыкновенный" и добавил: "Зачем же он делал модель – я говорил о рисунке карандашом" (XXVII, 299; см. п. 10). Тата успокаивает его, указывая, что глиняный этюд оплачивается как рисунок.

⁶ 24 марта Герцен сообщил дочерям об отправке 21 марта из Лондона морской экспедиции Ю. Демонтовича и Ф. Лапинского в помощь польским повстанцам ("мы провожали") и о поражении (19 марта) отряда М. Лангевича, разъясняя: "Но это далеко не значит, что Польша побита" (XXVII, 299).

⁷ А.К. Бакунина приехала в Лондон из России в первой половине марта; не застав там мужа, поселилась в время у Герцена. М.А. Бакунин же 21 февраля уехал в Швецию для установления контактов с деятелями скандинавского национально-освободительного движения. 1 апреля Бакунина выехала к мужу в Стокгольм.

⁸ С немецким историком Ф. Грегоровиусом Тата, Ольга и Мейзенбург познакомились, очевидно, за несколько дней до наст. письма: 5 апреля в его римском дневнике сделана запись о приезде "юных доче-

рей Александра Герцена" (см. ЛЖГ III, 478). Вероятно, в несохранившейся части п. 14 Тата, сообщая об этом знакомстве, просила выяснить возможности перевода на английский язык книг Грегоровиуса "Corsica" (Bd. I-II, Stuttgart und Tübingen, 1854) и "Geschichte der Stadt Rom in Mittelalter" (Stuttgart; в 1859–1862 гг. вышли тт. I–IV). О переговорах Герцена с Н. Трюбнером по этому вопросу см. XXVII, 422, 429 и др.

⁹ Об отношениях Герцена и немецкого революционного эмигранта И.-Г. Кинкеля см. в "Былом и будущем" (XI, 152–155) и "Лит. наследстве", т. 96, с. 182–189.

16

(Рим.) 13 апреля 1863 г.

Уж который день недоумеваем, что это писем нет, Папаша? Наверно, одно потеряно. Надобно попробовать посылать на французском; все жалуются на здешнюю почту.

На прошлой неделе мы были в разных виллах, как ты узнаешь по письму (к) Натали¹, бегали по виллам и дворцам. Какие богатства во всех этих домах, вчера еще мы были в Farnesina, видели фрески Рафаэля "Титан" – видел ли ты их или нет? Сказка о Психее – в второй картине: Амур показывает Психею трем грациям, одна из них – удивительной красоты тело, она поворочена спиной к зрителям; потом Венера, умоляющая Юпитера ее отомстить, тоже очень красива, – она с таким невинным милым видом и выражением подходит (нельзя представить себе, что она просит такую благородную (?) вещь, ты знаешь, она сердится на Психею, потому что та красивее или так же жива, как она). В другой комнате "Triomphe de Galatée" и колоссальная голова, нарисованная разным карандашом Michel Angel'ом, пока он ждал Daniel Volterra, который тут работал и к которому он пришел с визитом, ничего особенного в ней нет, только ее сохраняют как *кьюрезитет*^{49*}. "Galatée" Рафаэля – шефдоевер^{50*}. Дворец в ужасно опустелом виде; бог знает что валяется в этих комнатах: гибель неполированной мебели, карета – словом, всё в ужасном виде. Дворец реставрируют – он теперь принадлежит Франциску II².

Был ли ты в галерее Doria (одна из самых богатых), видел ли ты портрет Jeanne de Naples Leonardo da Vinci? Все так восхищаются этой картиной, – не понимаю, почему она не хочет мне нравиться. Сама еще не знаю, в чем состоит это – надобно будет опять сходить. Я вообще очень глупа, почти никогда не понимаю красоту вещей с первого раза. Может быть, оттого, что до сих пор так мало видела картин, т.к. в Англии мало ходила по галереям. Папаша, можешь ты мне сказать, кто такой *Вент*? Имя я это хорошо помню, но кто именно это, не припомню. Третьего дня, гуляя в Villa Borghese, молодой белокурый человек подошел к Фрикену, которого видел накануне у Боткина, сказал, что ты для него был *отцом* и *спасителем* и он не знает, как оказать свою благодарность; что он занимается *антикваритетами* и будет нашим чичероне, если хотим³. Фр(икен), не зная, кто такой, отказал, говоря уж не знаю что, и, конечно, хорошо сделал. Не тот ли это юноша, который часы проиграл?

14-ого апреля

На сей раз надобно кончить, чтоб отослать письмо – на днях напишу Саше, его письмо я получила третьего дня⁴, т.е. 12 числа. Теперь мы начали ходить в Vatican, который некоторое время был заперт, и посвятим ему целую неделю. До сих пор мы только видели Врассио Nuovo, в которой знаме(ни)тый Атлет, утирая пот, статуя. Какой chef d'oeuvre, с него глаз нельзя свести!⁵ Как раз хорошенько взглядишься – самая красивая *Минерва* тут⁶ и столько статуй, которые замечательны, по одной драперии^{51*}, простой, такой изящной. Жаль, что придется все это покинуть скоро. Я бы охотно выпила бочку целую воды фонтана Trevi (говорят, что кто хочет вернуться в Рим, должен накануне отъезда выпить стакан этой воды).

Ну, прощай, всех вас обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.⁷

^{49*} редкость (нем. Kuriosität).

^{50*} шедевр (франц. chef d'oeuvre).

^{51*} расположенности складок (франц. draperie).

¹ Письмо Таты к Тучковой-Огаревой от 7–11 апреля см. ниже в наст. томе.

² На вилле Фарнезина сохранились фрески по картинам Рафаэля, выполненные его учениками: “Амур и Психея”, “Триумф Галатеи”, а также “Галатея и Полифем” Б. Перуцци.

³ Очевидно, К.-Х. Вендт, который много лет провел в Италии, в занятиях римскими древностями и археологией, впоследствии готовил магистерскую диссертацию “о римских термах” (см. его письмо к В.И. Герье от 27/15 октября 1875 г. – авт. РГБ, ф. 70. 38. ед. хр. 77). Как явствует из наст. письма, он посетил Герцена в Лондоне.

⁴ Письмо А.А. Герцена от 24 марта и ответ Таты от 14–15 апреля см. в наст. книге.

⁵ В *Браччио Нуово*, одной из галерей Пию-Клементинского музея Ватикана, находится римская копия скульптуры Лисиппа IV в. до н.э. “Апоксиомен” (буквально – “соскребающий”), т.е. атлет, очищающий тело от грязи после борьбы.

⁶ *Минерва (Афина)* “Полиас” – древнегреческая статуя неизвестного скульптора.

⁷ Отвечая Тате, Герцен писал 20 апреля: “Если вам больно хорошо в Риме – так и не торопитесь” (XXVII, 310).

17

№2

41, Via Porta Pinciana, Roma.
7-го мая 1863 г.

Вот я опять принялась за работу, милый Папаша, да, пора. Несмотря на уговаривания Боткина¹ сейчас начать красками, я решилась сделать еще рисунок черным карандашом – если он удастся, начну красками. Так рисую портрет неаполитанки Stella, с типическим итальянским лицом, хотя неправильным. Премилое тихое существо, иногда она вдруг начинает петь, тихоньким, но очень приятным голосом, и поболтать охотница, когда отдыхаем. Я уже всю ее историю знаю, как ее дядя и отец притесняли, насильно в Рим привели; сначала она землю обрабатывала, но от сильных усилий захворала, дядя сделал из нее модель^{52*} – потом все пошло хорошо, она вышла замуж, великая княжна Марья (кажется)² ей дала 100 скудов в приданое, потому что сын ее рисовал (хотя она ее прежде уговаривала идти в монастырь). Порядок дня мы переменили, как ты, верно, уж знаешь, так как теперь в полдень выходить нельзя, мы в это время обедаем, утром будут ходить модели, после ходим кое-что рассматривать. Вечером читаем. Хотя в Риме circulating library^{53*} нет, у нас бездна книг: у нашей хозяйки целая библиотека самых разнообразных книг, однако большею частью романов – она около двадцати лет собирала их – т.е. путешественники ей оставляли, (у) нее целый Dickens, Thackeray, Walter Scott и т.д. (Tauchnitz edition). У Боткина русская библиотека, нынче он мне принес том Гоголя и Лермонтова, я перечитываю “Герой нашего времени”.

А вот новое, 7-ое, письмо пришло. Ах, Папаша, радость наша! Ты плутуешь, ответ наш, верно, вперед знаешь³, так же как и я слово в слово предказала твой ответ насчет Неаполя (однако все-таки надеюсь, что не уедем из Италии, не выдавши Неаполя, Помпеи и Геркуланума – это было бы *grex!*). Ты просишь *просто* и *откровенно* ответить, что, по нашему мнению, полезнее, так буду отвечать, как будто ты ответ еще не угадал.

Очевидно и ясно, как дважды два четыре, что надобно еще остаться до весны. Это ты, Папаша, сам видишь, но ты любишь подразнить, поэтому медлил предложить.

Мы между собой и знакомыми давно уж об этом рассуждали – все, начиная от Грегоровиуса и кончая хозяйкой нашего дома, говорят, что ты слишком благоразумен, чтоб сам не видеть, что лучше ничего не выдумашь. Однако я говорю, как будто ты уже согласился. Надеюсь, что так и будет, и с нетерпением буду ждать ответа – и твоего приезда. Отчего ты, Папаша, все выбираешь такие странные места для rendez-vous^{54*} – Милан, Флоренцию, Сомо и т.д. Все от них бегут – они знамениты своим невыносимым жаром от июня до сентября, ты недели не проживешь там, все знатоки Италии советуют ехать в Неаполь или в Sorrento. У тебя, верно, зуб против

^{52*} натурщицу (*итал. modella*).

^{53*} библиотеки с выдачей книг на дом (*англ.*).

^{54*} свидания (*франц.*).

этих городов, а почему? Нам так бы хотелось с ними познакомиться; ты нас представишь – и ты же сам Неаполь очень любишь. Может быть, ты думаешь о расходах? Так ошибаешься: это будет самое дешевое путешествие – езды отсюда 12 часов, все по железной дороге и стоит 5 *скудов*, т.е. побольше фунта с лица!

Обдумай-ка еще хорошенько⁴.

Рассуждения и объяснения о том, почему полезно оставаться, предоставляю Мальвиде, а тебе я повторяю просто и откровенно, что уверена и чувствую, что оно *будет очень полезно*. И хотя было бы очень сладко видеть тебя в августе, т.е. *au mois d'août*^{55*}, надеюсь, что прежде увидимся, августейший Батюшка. Так до свидания, крепко, крепко тебя целую.

Твоя Тата Г.

На этот раз больше писать не могу. Саше прошу переслать как можно скорее письмо мое, он вам потом сам перерасскажет.

Рукой М. Мейзенбуг:

P.S. Nous n'affranchissons pourtant pas, parce qu'on vient de nous dire que les lettres vont plus sûrement d'ici^{56*}

Рукой Н.А. Герцен:

7-ое письмо получено. Колоколов *нефр*(анкированных) нет. Это ужасно досадно, и именно № о Потембе, которого, конечно, хорошо помню⁵.

¹ М.П. Боткин.

² Вероятно, великая княгиня Мария Николаевна, дочь Николая I, президент Академии художеств.

³ Отклик на просьбу Герцена в письме от 2 мая высказать свое мнение: "Что полезнее: *ехать в Лондон со мной* или остаться еще?" (в Италии до весны 1864 г.) (XXVII, 320).

⁴ В письме от 20 апреля Герцен советовал дочерям и Мейзенбуг провести часть лета "во Флоренции или на даче возле", а затем – с ним вместе "где-нибудь хоть в Сото – погулять месяц-другой" (XXVII, 310).

⁵ 27 апреля Герцен выслал дочерям л. 161 "Колокола" и № 18 "Cloche", а 2 мая, отправляя вышедший накануне л. 162 "Колокола", просил ответить: «Получен ли "Колок(ол)" франц(узский) и русс(кий)? Два листа я нарочно не франкировал. В послед(нем) "Кол(околе)" превосходная статья Ага о смерти нашего Потемби – вы верно его помните?» (XXVII, 321; см. 313). Речь идет о статье Огарева "Надгробное слово" (*Огарев I*, 647–657). С. А. Потембней, руководителем революционного Комитета русских офицеров в Польше, погибшим 4 марта в рядах польских повстанцев, Тата могла познакомиться в один из первых его приездов к Герцену и Огареву в Лондон (во второй половине июля – августе или в конце сентября 1862 г. – см. ЛЖГ III, 364, 386).

Как от вас долго писем нет, Папаша, уж не потеряно ли одно? Последнее, 2 мая написанное, получено 7-ого¹. С тех (пор) я познакомилась с Grant-Duff'ами², которые тебя очень любят и уважают. Они несколько дней тому назад воротились из Неаполя, сейчас велели нам сказать, что очень желают познакомиться, мы отправились, нас очень мило приняли и сейчас же пригласили меня съездить с ними в Тиволи³. Старушка мне рассказывала, как она уже давно столько слыхала о тебе, и вот, наконец, ты пришел на обед, она *"имела счастье"* сидеть возле тебя и говорит: "He is certainly the most amiable, clever, interesting, etc. man I ever met with"^{57*}. Дочь то же самое говорит. Не знаю, помнишь ли ты ее, худенькая, с чересчур английским лицом, но умная и очень милая женщина. Она меня, кажется, полюбила, жаль, что они не остались здесь, – муж ее швейцарский доктор, живут они всегда в Zürich'e. А мать едет прямо в Лондон – и будет у вас – так уж, пожалуйста, прими ее хорошенько и приласкай.

^{55*} в августе месяце (франц.).

^{56*} Мы не франкируем все-таки, потому что нам сейчас сказали, что так надежнее отправлять отсюда (так) (франц.).

^{57*} "Он, бесспорно, самый любезный, умный, интересный и пр. человек из всех когда-либо встреченных мною людей" (англ.).

МАДОННА ДЕЛЬ САККО

Фреска Андреа дель Сартто. 1525

Церковь Благовещения (Santissima Annunziata), Флоренция

“... превосходные фрески *Andrea del Sarto* в церкви *Annunziata* (...)” (Тата Герцен – Герцену.

2 февраля 1863 г.)

В Тиволи нам было очень весело, Грегоровиус был с нами и был чрезвычайно любезен с дочерью, т.е. m-me Obrost. На следующий день она опять заехала за нами, чтобы покататься, но нас не было дома, мы были в нескольких русских студиях с Боткиным; он просил, чтобы мы пошли, потому что они – все “колоколисты” – большею частью очень бедны; один из них был даже крепостным – этот крепостной пишет на зеркалах группы детей – очень мило. Теперь он кончает четвертое зеркало для одной из великих княжон. Но лучший, по моему, живописец из русских, которых мы видели, – Бронников. Если не ошибаюсь, он тоже был крепостным или дворовым, пишет, большею частью, картины с сюжетами из древней римской истории⁴.

“Колокол” все еще не получила и боюсь, что уж не буду получать, очень жаль и досадно – какая тут *liberté*^{58*}, что тебе пишет Мальвида?⁵ Ни одной из твоих книг не пропускают, ни “Пунш”. Так что m-г Фрикен должен в Флоренции открыть все наши чемоданы и вынуть все твои сочинения – так досадно.

Сношений между Римом и Флоренцией почти нет – так что нефранкированные письма совсем не отсылаются. Для “Колокола” вот как можно бы устроить: послать кому-нибудь во Флоренцию, хоть *Vieusseux*, *sous bande*^{59*} – а они в письме пошлют в Рим – так пропустят, можно попробовать⁶ (из Англии в письме будет слишком дорого). Хочешь? А знаешь, старый *Vieusseux* умер, говорят, это огромная потеря для Флоренции. Его собрания по субботам были самые интересные. Племян-

^{58*} свобода (франц.).

^{59*} бандеролью (франц.).

ники не могут в этом заступить его места – но книжную торговлю будут продолжать.

Иные говорят здесь, что Лангевич убежал, что он дал слово остаться в городе и не бежать, если ему дадут свободу. Ему дали, а он и убежал, другие – что неправда, что он хотел бежать из тюрьмы, но его поймали опять. А войны, по-видимому, не будет.

Вчера мы были на куполе Св. Петра – оттуда понимают только вышину церкви. Я с Ольгой даже вскарабкалась до шара – у Мальвиды сил больше не доставало (это был хороший экзерсис^{60*} для филейных мясов) – и были уж награждены: видели, что батюшка, покойный Николай I, собственноручно написал – что здесь был и за Россию молился⁷.

Но какой жар уже теперь – просто ужас: мы немножко опоздали, т.е. возвращались в 12 часу утра – удивляюсь, как у нас удара не было. Не советую тебе, Папаша, приезжать, пока еще так жарко – ты не выдержишь – и решишь уж на Sorrento или Capri – Неаполь⁸, вот Grant-Duff'ы только что были и говорят, что непременно надобно там быть, а летом надобно хорошо располагать день, тогда от жара не страдаешь, т.е. (тебе, верно, понравится) вставать в четыре или *три*, если возможно, до жарких часов работать или гулять – в жар спать; вечером, когда уже прохладнее, опять выходить или работать – ведь это отлично!

Теперь я опять начала учить Ольгу – в последнее время она не занималась. Начала очень хорошо, и другие ее учительницы очень довольны. M-lie Bongiorno (или что-то) довольна ее игрой на рояли, сеньорина m-me Flegnaso довольна успехами nella lingua italiana^{61*}, – вообще она умна, резва, смешна.

Сейчас придет sig(nora) Flegnaso, после нее обед, после обеда – модель – Stella, поэтому я должна кончить.

Всех крепко, крепко целую.

Твоя Т а т а

Были мы тоже у знаменитого итали(анца)⁹, который на всех выставках выставляет камни, у него в самом деле удивительно хорошие вещицы, тебе, верно, бы понравились. Все так артистически сделано, просто скульптура в миниатюре. И вот еще благодаря m-me Mac'Grant-Duff я познакомилась у них вечером накануне отъезда с Lehmann'ом¹⁰ – верно, ты о нем слышал, он хороший немецкий художник, пишет всё италианок, италианцев и Италию да жену свою – молодая, пребогатая шотландка, друг дочери m-me Grant-Duff. Он довольно стар, сейчас предложил свои услуги, если в чем-нибудь может мне быть полезным, пригласил взглянуть на ателье и т.д.

№ 4. 16-го мая. Папаше¹¹.

¹ См. предыд. письмо.

² Мать и сестра английского писателя, члена парламента М.-Э. Грант-Даффа, с которым Герцен был знаком с 1859 г. (см. XXX, 583–584; *Проблемы*, 34–35).

³ Тиволи – местечко близ Рима.

⁴ В.А. Бронников – сын иконописца из Шадринска. Окончив в 1854 г. Академию художеств с большой золотой медалью, был отправлен за границу пансионером Академии, поселился в Риме; в 1863 г. получил звание профессора исторической живописи.

⁵ См. п. 17 и прим. 4 к нему. 27 апреля Герцен писал: «Ужасно жаль, что ты не получаешь “Колокола”. Как же это Мальвида пишет, что у вас такая либерте, что чудо» (XXVII, 313). Это письмо Мейзенбург Герцену неизвестно.

⁶ В ответном письме от 23 мая Герцен просил: «*Напишите мне, каких №№ “Колокола” вам недостает*» (XXVII, 332).

⁷ Ср. XIII, 18. Николай I был в Риме в 1845 г.

⁸ 31 мая, откликаясь на этот совет, Герцен писал: «Я действительно, может, пропущу главные жары – и поеду к вам, каж(ется) в конце августа». Относительно же места встречи он – до окончательного решения – просил дочерей пока «оставаться в Риме» (XXVII, 332, 334).

⁹ О ком здесь говорится, не установлено.

^{60*} упражнение (франц. *exercice*).

^{61*} в итальянском языке (*итал.*).

¹⁰ Имеется в виду немецкий художник Р. Леманн, друг Ф. Грегоровиуса и Ф. Левальд (а не его брат А. Леманн, как ошибочно указано в комментарии 30-томного изд. Герцена – ср. XXVII, 333, 769, 949). О жизни Р. Леманна в Риме в 1861–1866 гг. см.: R. L e m a n n. Erinnerungen eines Künstlers. B., 1896, S. 147, 198, 200–203.

¹¹ Герцен ответил 23 и 31 мая – 1 июня (XXVII, 331–332 и 334–337).

19

(9 июня 1863 г.). Вторник. Roma

Милый Папаша, я надеюсь, что вы не совсем ослепли, читая мои письма, – вперед буду писать крупнее, но за это прошу тебя отвечать *пояснее*¹. В последнем письме я несколько слов совсем прочесть не могла! Верно ль ты сделал, что отложил приезд свой до конца августа? Ты бы не вытерпел жар – но мы до этого время никак не можем остаться в Риме – пусти нас хоть в Капри или в Сорренто, но как-то чтобы мы ехали², *туда же* едут друзья Gregor(ov)ius'a – m-г и m-me Lindemann³ – он обоим очень хвалит. M-г Lindemann очень хороший пейзажист, m-me L(indemann) очень слаба здоровьем, но зато сильна умом и добрым сердцем, у них 12-тилетний сынок, который уже подружился с Ольгой. Вообще круг Ольгиных друзей расширяется, недавно она познакомилась с соседками, две премиленькие девочки, умные и хорошо воспитанные. Я этому очень рада, так она, по крайней мере, во что-нибудь играет, говорит, а то до сих пор к ней ходили всё почти что уличные дети; я, конечно, не говорю это в аристократическом смысле, но все-таки эти совсем необразованные дети не могут быть Ольгины подруги, их гораздо легче притеснять или приказывать и т.д. Хорошего ничего от них не выучишься, а соседки, хотя и принадлежат к небогатым bourgeois, очень хорошо воспитаны; младшим девочкам 12 и 13 лет – они читают Данте с наслаждением и по несколько кантов^{62*} знают наизусть и хорошо говорят; видно, что понимают. Все семейство страшно либерально. В воскресенье у них, т.е. во всей Италии, был праздник "La festa del Statuto"^{63*} – так как в Риме либералы ничем другим не могут показать свою симпатию, – они, т.е. все *либералы*, остаются дома целый день и дома радуются и пируют; дети же столько об этом наговорили Ольге, что она ни за что не хотела выходить с нами. "Ich habe geschwören nicht auszugehen u(nd) werde es mich nicht tun – ich will nicht schwarz sein!"^{64*} Черными называют здесь реакционеров. Так она у них провела весь полдень, пока мы с Gregorovius'ом и m-г Lindemann были в "Kneipchen"^{65*} – Gregorovius приходит время от времени за нами, чтобы идти в "Kneipchen" или trattoria^{66*} мы отправляемся пешком в какую-нибудь "Vigna"^{67*} с хорошим видом – с ним очень приятно ходить, он всегда рассказывает очень много интересных вещей, только до русских и вообще славян не касайся! Тогда беда – у него немецкая болезнь – т.е. врожденная ненависть к русским, – потом он говорит, что освобождение Польши – гибель России, потому что главные ее сношения с Европой тогда прекращены. "Russland wird dann zu einem asiatischen Reich – es wird keine Fortschritte in seiner Revolution mehr machen"^{68*}. Все, что ей останется делать, – это свою азиатскую часть цивилизовать, т.е. Сибирю, – она же только к этому и способна, способнее других наций, потому что сама в таком – в полудиком состоянии – и ближе к ней. Скажи-ка мне, Папаша, что из этого правда и что нет?????⁷⁴

"Колокол" мы все еще не получаем – ни одного номера, очень досадно, ничего порядком не знаем. Здесь все журналы противоречатся. Привези с собой портрет

^{62*} песней (*итал. canto*).

^{63*} "Праздник Статута" (*итал.*).

^{64*} "Я поклялась не выходить и не сделаю этого – я не хочу быть черной!" (*нем.*)

^{65*} кабачке (*нем.*).

^{66*} "трактирчик" (*итал.*).

^{67*} Загородный ресторанчик при винограднике (*итал.*).

^{68*} "Россия станет азиатской империей – и не сделает больше ни шага вперед в своей революции" (*нем.*).

Пустовойтовой или пришли в письме, так хотелось бы видеть⁵. У Gregorovius'а портрет Лангевича – но совсем не похожий, а визитная карточка, верно с рисунка (менее похожего моих), помнишь ли ты – у нас была песня Пестеля с гравюрой – он представлен молодым нежным красавцем в тюрьме – так и Лангевич походит тут на какого-то молодого белокурого франта с завитыми волосами и крошечными усиками⁶....

Что это за вздор писали об Ольге в русских журналах – в каком и кем писано?⁷

Работа идет так-сяк, начала еще головку “Stella” – на этот раз на полотне пробую, что выйдет!” Antonio”, Стеллин муж, уж untermalt^{69*}, но далеко не кончен, хотя Мейзенбург говорит, что хорошо, я в этом сильно сомневаюсь и недовольна им⁸.

В прошлой неделе два дня было потеряно здесь преважным обстоятельством – т.е. ковры у нас сняли в комнатах, а то бы мы решительно были съедены “скакунами”⁹ – настоящее мученье – вот раз. Второй день посвящен был “Corpus Domini”¹⁰. Признаться, я ожидала больше, чем видела, – только один случай был – показывает итальянскую трусость. Когда проезжала лейб-гвардия, лошадь, было, стала на задние ноги – ну, дамы начали визжать, кричать, падать в обморок; мужчины хуже их: стали толкать людей, стоявших на стульях за ними. Мы были на первом ряду, стулья наши пошатнулись, Ольгу и Meysenbug поддержали сзади, я схватила передо мной стоявшего французского солдата за плечи и этим удержалась. Лошадь ничего не сделала, а сами люди опрокинули даму – она очень ушиблась. Meys(enbug), кажется, очень перепугалась – ну, а у меня нервы покрепче – ничего, только в первую минуту как поднялся шум, я, право, думала, что будет какая-нибудь демонстрация или кто на папу выстрелили – потому что лошади мы не видели, а только народ, который давил и старался убежать.

Вот прочла я еще роман Bulwer-Lytton) “Cola di Rienzi” – очень интересная книга, что ты против него имеешь? Помнишь, ты мне все говорил не читать его?¹¹ Конечно, роман его, который я прочла в Bournemouth'e, был чересчур плох – это “Lucresia” – не Borgia, а так, злая англичанка. “Ernest Maltravers” уж гораздо лучше, и исторические его романы, по-моему, очень хороши, во-первых, верны и интересны.

Ну, прощайте, крепко всех вас обнимаю и целую. Жду ваше мнение о “Stell'e”.

Твоя Т а т а

Так как m-г Фрикен более недели тому назад уехал, я твоих поручений, конечно, исполнить не могла¹². В какую вы глушь едете!¹³

В какой день вы бросаете письма на почту? Мы бросаем по средам или субботам. Почта быстрая идет по четвергам и воскрес(еньям) рано поутру.

10 июня 1863 г. Среда¹⁴.

¹ Ответ на письмо Герцена от 31 мая – 1 июня, в котором он просил писать “покрунее”: “Мы припущены твои письма читать под Сашиным микроскопом” (XXVII, 336).

² 19 июня Герцен ответил: “Мне хотелось вам показать самому лучшую часть Италии, но так как я всегда уступаю фантазии необходимости и вам в Риме или в его окрестностях оставаться нельзя, то и поезжайте куда хотите” (XXVII, 344).

³ Немецкий художник К.-А. Линдеманн в 1860-е годы преподавал живопись в Риме.

⁴ Герцен отвечал 19 июня, что его не удивляет непонимание Ф. Грегоровиусом “русского вопроса и России”: “Ограниченность и национализм немцев поразителен. Во всех ужасах, которые теперь делают, всякий не-немец – да и не-француз – поймет полное разложение петербургских порядков и начало социальной революции” (XXVII, 344).

⁵ Сообщениями о дочери русского генерала, участнице польского восстания Генриетте (Анне) Пустовойтовой, адъютантке М. Лянгевича, пестрела в 1863 г. русская и иностранная пресса.

⁶ Тата познакомилась с М. Лянгевичем в конце ноября или в начале декабря 1862 г., когда он посетил Герцена в Лондоне (см. XXVII, 289).

⁷ 20 / 8 декабря 1862 г. в вып. 49 реакционного петербургского еженедельника “Домашняя беседа” была напечатана, с пометой “Сообщено”, анонимная статья “Дочь Герцена в церкви”, передающая мысли о посещении Ольгой летом 1862 г. “в сопровождении пожилой дамы” православной церкви в Париже. Она якобы там “коленопреклоненно молилась” и плакала о своей “несчастной участи – быть доче-

^{69*} подмалеван (нем.).

рю безбожника" (с. 483–484). В № 7 лондонского "Листка" кн. П.В. Долгорукова от 19 мая 1863 г. помещена его статья "Услужливый дурак опаснее врага", опровергающая "выдумки вралеписца". 23 мая Герцен послал эту статью дочерям в Рим (см. XXVII, 332).

⁸ Первый портрет итальянской крестьянки Стеллы, сделанный углем и отправленный в Лондон с А.Ф. Фрикеном в подарок А.А. Герцену ко дню его рождения (25 июня), как и названный здесь второй, неизвестен. Упомянутый далее портрет Антонио также до нас не дошел.

⁹ См. прим. 8 к п. 13.

¹⁰ Католический праздник "Тела Господня".

¹¹ Роман Э.-Дж. Булвер-Литтона "Rienzi, the Last of the Roman Tribunes", L. 1835). Других сведений об отношении Герцена к творчеству Булвер-Литтона не найдено.

¹² 1 июня Герцен просил Тату известить Фрикена, что получил его письмо, и сообщить ему о недоумении с обращением Флорентийского комитета помощи Польше от 17 апреля по поводу денежных пожертвований (получено лишь 30 мая). В связи с отставкой Ю. Цверцякевича, которому адресовались эти суммы (см. п. 11 и прим. 3 к нему), советовал "выслать деньги" представителю Временного национального правительства в Париже. Герцен поручил также передать Фрикену: "Я продолжаю думать, что ему следовало бы ехать в Россию" (XXVII, 336–337, ср. о том же 289).

¹³ 1 июня Герцен сообщил дочерям, что договорился об аренде дома Elmfield House в Теддингтоне (близ Лондона; семья Герцена жила там с конца июня – до середины июля 1864 г.).

¹⁴ Герцен ответил 19 июня (XXVII, 344–345).

20

41, Via Porta Pinciana. Roma.
23-его июня 1863 г.

Должна я тебе описать нашу милую "parlatrice"^{70*} – Clotilda Baltrazaar. Во-первых, снаружи тип "of a real old maid – neat, clean, mittheilsam, wrinkled etc., etc."^{71*}, старушка, т.е. 40 лет, мала ростом, на вид очень тиха, но иногда закипит в ней итальянская кровь, она вдруг вспрыгнет, жестикулирует и так забавно и смешно рассказывает, что до слез хохочем. Во-первых, она страшнейшая "Nera"^{72*}, т.е. за папу, попов, жезуитов и т.д. иногда она ужасно бранит "i Piemontesi col loro nuovo governa"^{73*} – рассказывает, какие они ужаси делают, как народ ими недоволен – а мы молчим – как можно больше – она все горячится, горячится да вдруг вспрыгнет – кулаком воздух начинает бить: "E vero, saga mia, e verissimo, figlia mia"^{74*}. Потом престранный голос у нее, обыкновенно высокий, почти дишкант, но как разгорячится или захохочет, голос ее превращается почти что в мужской бас, сухой, такой странный, описать никак нельзя: "Ха, ха, ха" – как будто из пустой бочки. Знает она, конечно, все обычья народа, монастырей и т.д. – обо всем этом мы ее расспрашиваем, она до мельчайших подробностей рассказывает. Сегодня был забавный день, стала она рассказывать, какие жезуиты <!> благодетели, как они учены, честны, *никогда не выходят* из своего заведения...

3 июля

Что это за беспорядок на почте, в самом деле уж из рук вон – четвертое письмо пропадает – всего досаднее Сашино, 3 листа, 12 страниц ему написала к рождению, письмо было послано в субботу, так 5 дней до 25-ого¹ – два письма к m-me Gallait, письмо к miss Reeve в Неаполь, в Вико к Мамонову остались без ответа. Бог знает, что делается, – *доссссссадно!*

Ах, милый Папаша, как мне жаль, что твой план и сюрприз не удастся, напиши, по крайней мере, почему². Какой, однако, это милый план был! – Поздравляю вас всех с благополучным переселением³ – вот и нам скоро придется укладываться и переезжать. Miss Reeve же с радостью нас ожидает⁴.

Жар растет не по дням, а по часам – с ним вместе глупость и нетерпение, да малопомалу показываются и дурные стороны наших милых итальянцев – почти у них

^{70*} "ораторшу" (итал.).

^{71*} настоящей старой девы – опрятна, чиста, общительна, морщиниста, и т.д., и т.д. (англ. и нем.).

^{72*} "Черная" (итал.).

^{73*} "пьемонтцев с их новым правительством" (итал.).

^{74*} "Это правда, моя, истинная правда, дочь моя" (итал.).

у всех главное *деньги* да *деньги*!.. Потом мы ежедневно видим какое-нибудь доказательство их жестокости. Даже брюталите^{75*} – матери с детьми, женщины между собой, за безделицу сейчас хватают нож – потом с зверьми – видно, что здесь нет закона против мучения их. О “coltellat’ax”^{76*} они говорят, как об укусе блохи; узнала я теперь, что Antonio и Stella отличились в этом искусстве. Крадут (т.е. итальянцы) не хуже англичан: на днях из большого магазина шелка римского дама украла или увезла материи на несколько сотней скудов и пропала.

Работаю все еще над портретом Stella масляными красками – подвигается медленно, но “chi va piano, va sano”^{77*}.

А что же Сапа ни словечка не написал о рисунке, должно быть и ему тоже не понравился?⁵

Да, вот, чтобы не забыть, если войны не будет, м-г Боткин поедет в Россию через месяц или 1 1/2 и спрашивает, нет ли комиссий? Еще у него просьба к Саше. Узнай-ка ты, заказывают ли еще и можно ли достать *большую* коллекцию фотографий с Рафаельских картин в Kensington Museum – закажи и пришли с случаем или *Панашей*. Кинкель может тебе все это объяснить^{78*}.

M-lle Meysenbug все советует Егору Иванов(ичу)⁶ послать кое-что – я охотно бы сделала, но боюсь: подумают, что это за деньги – да M(eysenbug) поэтому и хочет – от этого решиться не могу – выйдет скверно – не правда ли?

На твой вопрос о Ольге я уже отвечала, учу я ее ежедневно, но надобно ее упрашивать и уговаривать, охоты мало – она уж по-италиански лучше знает, чем по-русски⁷.

Adieu, прощайте, кланяемся Теддингтонской слободке.

Ваша Т а т а

Жар, в самом деле, мешает писать. Бедный Abicht!⁸

¹ Это письмо Таты к А.А. Герцену до нас не дошло, как и ее письма к Л. Галле, Э. Рив и Э.Д. Мамонову.

² Отклик на письмо Герцена от 19 июня, в котором, отказываясь от плана “показать самому лучшую часть Италии”, дочерям, он писал о намерении приехать “просто во Флоренцию в сентябре” (см. XXVII, 344).

³ В письмах от 19, 24 и 27 июня, на которые отвечает Тата, Герцен писал о ходе переселения семьи, Вольной русской типографии, а также Л. Чернецкого с женой и В.Т. Кельсиевой в Теддингтон (см. XXVII, 344, 346, 348–349).

⁴ Дочери Герцена, а также Мейсенбург 7 июля, очевидно, отправились из Рима в Неаполь, где жила друг семьи Эмилия Рив. Вторую половину июля они провели в Вико, а в начале августа переехали на о. Капри.

⁵ 13 июня Герцен так оценивал портрет Стеллы в письме к Тате: “Мне нравится общность рисунка, но я меньше привык к черному карандашу, чем к краскам” (XXVII, 342). См. также отзыв Огарева – XXVII, 359 и п. 23.

⁶ Е.И. Герцену, дяде Таты.

⁷ 19 июня Герцен спрашивал Тату: “Учишь ли ты Ольгу, и чему? – И особенно, читаешь ли с ней по-русски?”, а 27 июня отмечал, что ответа об этом еще нет (XXVII, 345, 349).

⁸ 19 июня Герцен сообщил дочерям, что в Варшаве повешен Г. Абихт, польский эмигрант в 1858–1859 гг. работавший наборщиком в Вольной русской типографии в Лондоне; в марте 1862 г. он нелегально вернулся в Польшу для участия в подготовке восстания; в ноябре 1862 г. арестован. На его казнь 31 мая 1863 г. в Варшаве Герцен откликнулся в статьях “Подлые!” и “Россиада” (“Колокол”, л. 166 и 167 от 20 июня и 10 июля – XVII, 192–193 и 177–178).

Поздно вспомнила, что день почты, поэтому успею только наскоро написать записочку. От M(альвиды) ты узнаешь подробно наши планы, как мы почти что решили ехать в Вико, между Сорренто и Помпеи.

^{75*} зверство (франц. brutalité).

^{76*} ударах ножом (итал.).

^{77*} “Тише едешь – дальше будешь” (итал.).

^{78*} Фотографий самого большого формата – одно стекло, кажется, сломано, поэтому одну возьми поменьше – вся коллекция что-то около 3 Э.

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЛЕГЕНДЫ ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ

Фрески по картонам Рафаэля, около 1518 г.

Вилла Фарнезина, Рим

"... вчера еще мы были в Гатесина, видели фрески Рафаэля (...) Сказка о Психее – во второй картине: Амур показывает Психею трем Грациям, одна из них – удивительной красоты тело, она поворочена спиной к зрителям, потом Венера, умоляющая Юпитера ее отомстить, тоже очень красива, – она с таким милым видом и выражением подходит (...)"
(Тата Герцен – Герцену. 13 апреля 1863 г.)

Неаполь с misse Reeve Безув(ий)

Вико сеп (?) Mamonoiff

Ischia

и Corrodi

Schweifel Bach

Sorrento

Capri

Lindemann²,

потому что это и близко, притом и хорошо и дешево. Там же друзья – Боткины, Мамоновы, живописец с женой, которую Б(откин) очень хвалит³, и с детьми, которые будут с Ольгой играть и по-русски болтать, это ей будет гораздо полезнее всяких чтений. Я читаю с ней ежедневно, она это делает неохотно, по-италиански она уже говорит лучше и скорее, чем по-русски.

Как вы праздновали Сашино рождение?⁴ 24-ого числа был здесь большой праздник S-to Giovanni – мы отправились накануне (не Тургенева⁵, а именно 24-ого числа), т.е. 23 вечером, в 9 – на площадь церкви S-t. Jean Latran, на которой Rienzi создал народ, – а в Varisterio он купался в порфиновой ванне Константина⁶. На этот раз, однако, там собрались множество мужиков – продавали они букеты и целые растения чеснока, старый обычай. Нас провожали m-г Боткин и Щедрин – зашли мы там в osteria^{79*} и пили за Сашино здоровье, за твое, ваше и т.д. и воротились только во вто-

^{79*} кабачок (итал.).

ром часу, – 25-ого мы за Сашино здоровье ели мороженое на Piazza d'Espagna у Nazari.

А вы что делали?

Завтра и послезавтра здесь опять большие праздники S-to Pietro и S-to Paulo – завтра опять будет освещен Св. Петр – послезавтра будет *джирандола* – т.е. фейерверк, а 7 июля – прощай, нет, до свидания, Рим, – пойду и выпью стакан acqua Trevi^{80*} – чтобы наверное воротиться.

Вот уже четвертый день, что жар так силен, что и купаться бы не нужно, я во сне ничего подобного не видела.

Ну, прощайте, крепко всех целую. Жду письма от Огарева.

Ваша Тата Г.

Не забудь, что 14-ого июля рождение Натали. Кланяйся знакомым.

На обороте: Секрет(но). Папаше

¹ Ответ на письмо Герцена от 9 июня (XXVII, 344–345).

² Приводимые в автографе географические названия (Неаполь, Везувий, Вико, Сорренто и др.), а также фамилии знакомых, живущих поблизости, в городах, на островах и побережье (Э. Рив, Мамонны, Линдеманы) помещены Татой вокруг набросанного ею от руки контура Неполитанского залива.

³ С семьей Мамоновых (художником Эдуардом Дмитриевичем и его женой Ольгой) Тата познакомилась в Риме, где они тогда жили.

⁴ А.А. Герцену 2 июня исполнилось 24 года.

⁵ Игра слов связана с названием романа И.С. Тургенева “Накануне” (1860).

⁶ Эпизоды народного восстания 1347 г. в Риме под руководством К. ди Риенце.

22

12 августа 1863 г.,
Hôtel de m-r Bourgeois. Isola di Capri

Милый Папаша, опять пишу только несколько слов, потому что почта отправляется сегодня, а я еще не успела написать письмо порядочное.

Как мне жаль, что не прямо проехали сюда, т.е. я рада, что видела Vico, но насчет работы, а здесь сейчас человек до полсотни артистов^{81*}, ты не можешь себе представить, как это весело, и поневоле даже вдвое работаешь. M-lle Volkmar, немецкая женщина-художник¹, с первого дня меня пригласила ходить с нею рисовать – вот и хожу я после обеда с ней, а утром с m-г Lindemann'ом, до сих пор рисую карандашом в Сашином альбоме, кроме них еще штук двенадцать художников, из которых мы только три француза знаем. Все трое очень талантливые: m-rs Fleury, Lionnet et Salomé².

Квартерой мы тоже очень счастливы. Весь дом с довольно большими и для Capri чистыми комнатами к нашим услугам. Питание ничего, и все это за три ducat'a в день. Но здесь могут жить только художники – ты можешь приехать, но больше недели вряд ли пробудешь, потому что в это время тебя уже весь Capri будет наизусть знать.

Вот маленький Манфред, Ольгин друг и сын Lindemann'a, пришел за мной. Прощай, целую всех.

Т а т а

Напиши, когда приедешь?

Только что получили письма и “Колокол”³ – мы в последнее время писали очень часто – беспорядок почты не понимаем⁴.

¹ По приезде в Неаполь (28 сентября) Герцен познакомился с пейзажисткой и портретисткой Антуанеттой *Фолькмар* (см. о ней подробнее в п. 23).

^{80*} воды (фонтана) Треви (*umal*).

^{81*} художников (*франц. artistes*).

² В начале 1860-х годов в Италии жили молодые французские художники Т. Робер-Флёри, ученик П. Делароша; Ф. Лионне, жанрист и пейзажист, ученик К. Коро, и жанрист Э. Саломе.

³ В частности, письмо Герцена от 2 августа, в котором он спрашивал, получен ли л. 167 “Колокола” от 10 июля, и высказывал недовольство недоразумениями с почтой (XXVII, 358, ср. 353).

⁴ На наст. письмо Герцен ответил 18 августа (см. XXVII, 365–366). С удовлетворением узнав, что Та-та “наладила работу”, он разрешил ей задержаться на Капри до 20 сентября.

23

ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

Hôtel Barba chez m-r Bourgeois. Capri.
Четверг, (13) август(а) 1863

Должна я опять начать с описания вчерашнего дня, милые мои, дорогие. Позвольте сперва побольше познакомить вас с госпожой Volkmar – во-первых, она знакомая Грегоровиуса, он хотел ее с нами тоже познакомить, но все не удавалось – а вот случай нас все-таки бросил вместе. Ну-с, она знаменитый женщина-живописец, в маленьком городе Германии, и в самом деле делает очень милые вещицы.

Ну, как я уже писала, она с первого дня объявила мне, что ужасно любит Jugend^{82*} и в особенности девушек, хотя сама еще совсем не стара, т.е. на вид она 40 лет, головой меньше меня, горбатенькая, лицом напоминает старую Taylor, которая у нас была, выражением – меньшую дочь Шлезингера, но собой ужасно дурна и говорит, что ей только что минуло 30...?

О тебе, Папаша, она очень много слышала и для тебя швермирует^{83*}. Ну, так вот как я провела день. Утром я отправилась рисовать вид города Капри – жар ужасный, мы так загорели, что вряд ли ты нас узнаешь, работали до часу. Он¹ делает премильный вид масляными красками, я рисую карандашом. Манфред и Ольга тут бегают и играют – в кипящем солнце мы возвращаемся к обеду, каждый к себе.

После обеда мы часик спим, потом я отправляюсь с m-lle Antoinette Volkmar опять рисовать, но в этот день было ужасно ветрено, шляпы, бумага, карандаши и мальчик, державший зонтик, – все летело, потому мы решились пораньше кончить и побегать, отослали мальчишку с вещами и пошли по направлению высшей точки, чтобы видеть захождение солнца.

Идем, идем мы “über Rock und Ruin”^{84*} по ужасной дороге между стенами, вдруг видим ворота, смотрим – очень красивая villa с удивительно хорошо содержанным садом. Я, как обыкновенно, не хотела войти, но Fr(eulein) V(olkmar) храбрее и сделала шаг. Красивая девочка, лежавшая на земле, сейчас сказала: “Entrate, entrate”^{85*} – и побежала за толстой женщиной, которая тоже стала приглашать: “Favorite, Sig(nore) favorite”^{86*} – и побежала за длинным, тонким господином, с первого взгляда можно было узнать, что он репрезентант “of Great Britain”^{87*}.

Ах, не могу хорошенько кончить, ваши письма и “Колокола” пришли². Ах, Папаша, приезжай скорей – как мы тебя дождаемся! Боже мой, 8 месяцев мы не виделись!! Уж не упрекай больше, Папаша, что мы не последовали тебе, нам самим досадно было, но, Папаша, ты ведь сказал, что план “невозможен”, что же было делать?³ Но будет об этом – забудь и приезжай скорей в Неаполь. Капри ты должен же тоже посетить, ты себе представить не можешь, что это за прелесть – именно в твоём жанре – т.е. огромные скалы – бесконечное море... Как стараюсь как можно больше утомляться, бегая по скалам, чтобы похудеть к твоему приезду! Здеших знакомых не бойся, мы живем совсем особо, а они с утра до вечера работают – нам нисколько не будут мешать.

^{82*} молодежь (нем.).

^{83*} (тобой) восторгается (от нем. schwärmen).

^{84*} “мимо скал и развалин” (нем.).

^{85*} “Входите, входите” (итал.).

^{86*} “Сделайте милость, суд(арыни), сделайте милость” (итал.).

^{87*} представитель “Великобритании” (англ.).

План твоего путешествия очень хорош⁴. Ах, знаю я теперь, с каким волнением ты будешь приближаться и проезжать через эти места – жаль мне очень, что не буду с тобой и что ты с нами не был, когда мы были там.

Надеюсь, что и план швейцарский не будет только “château en Espagne”^{88*} – а что вы, в самом деле, бросите хоть на годок Англию⁵. Это всем вам было бы очень здорово после нехорошего воздуха в Elmfield House.

По минутам я так живо вас всех вижу, мне почти кажется, что я с вами разговариваю и мы не расставались. Мерси, милый, добрый мой Ага, за письмо твое длинное, крепко тебя за него целую. Мерси и за замечания о Стелле⁶. Как я уже Саше писала⁷, вы не привыкли к рисункам, сделанным одним углем, – их надо издали смотреть, но, несмотря на это, верно, у моего рисунка это уж слишком грубо, если вам так бросается в глаза – теперь увидим, как моя написанная Стелла⁸ Папаше понравится и флорентийские рисунки, я несколько взяла с собой, чтобы тебе показать, милый Папаша, но они все, мне кажется, не так dokonчены, как Стелла, и поэтому, может быть, тебе покажутся тоже очень грубы.

До сих ^{пор}, кроме немножко в Вико, я еще не пробовала ландшафты делать масляными красками, но как же ты можешь думать, что я этим “пренебрегаю”, как ты говоришь, милый Ага⁹. Кто может пренебрегать природу, и такую, как здешнюю!!! Нет, всеми силами буду стараться исполнить твою просьбу, когда воротимся в Рим. Ах вы, бедные мои, на воздухе посидеть всем даже не суждено, чаем согреваетесь! Ха, ха, ха, а мы чай бросили, утром пьем молоко, потом все воду со льдом или лимонад, а то жить бы нельзя было. Я во сне не думала и не гадала, что можно до такой степени потеть, как здесь, – хуже Бакунина.

17-ого

Милый Папаша, не понимаю, что ты ожидаешь от меня насчет памятника?¹⁰ Ты ведь знаешь, как это затруднительно: во-первых, я теперь художников, т.е. скульпторов, никаких не знаю; потом, если бы ты хоть сколько-нибудь определил, в каком роде ты желаешь и что – но так ведь ужасно трудно – ты видишь по примеру Забелла¹¹.

Не знаю, что делать... Теперь, Папаша, попрошу тебя кое-что привезти нам – кружочки означают главные вещи:

- ① Штучку или две для мозолей.
- ② Чулки для меня 1/2 дюж(ины) на рост Натали en fil d'Ecosse^{89*}, лучше у Swan and Edgars, и зонт 3 ^{шил.} 3 п(енса) – пара.
- 3) Моя голубая гарибальд(ийская) рубашка и ее пояс.
- 4) Жеорж(инина) тетка тебе даст для нее ботинки, они ей этим путем достанутся даром.
- 5) Если уж выставлены материи осенние – можно платье – получше – здесь все вдвое, ужасно дорого и скверно, но это слишком хлопотно.
- 6) Да мои белые русские рубашки – их трое, все в чемодане были.
- 7) Фотографии Боткина.

Потом благословляю бедную В(арвару) Т(имофеевну) и кланяюсь ей, барышне¹², Черн(ецкому), Тхор(жевскому) и всем знакомым. Вас всех обнимаю.

Тата Герцен

Другим напишу на днях – непременно. Ну, Папаша, укладывайся скорей и будь осторожен на пути!

Прибавлю только, что англичанин этот был чересчур учтив и корреспондент “Теймса”¹³.

^{88*} воздушным замком (франц.).

^{89*} фильдекосовые (франц.).

¹ К.-А. Линдеманн.

² См. прим. 3 к п. 22. Вероятно, к 15 августа, когда Тата продолжила наст. письмо, получены были также л. 168 "Колокола" от 1 августа, письма Огарева – Герцена от 22 июля – 6 августа и Герцена от 8–10 августа (см. XXVII, 359–362).

³ Эти упреки содержались в письмах Герцена от 17 июля, 2 и 6 августа (XXVII, 353, 358, 361). 8 августа он писал вновь: "Жаль, что вы затруднили переписку, переменяя одно дикое место на другое и (...) разрушили мой план путешествия вашей, по-видимому, не очень удачной поездкой в Неаполь, Вико и пр." (XXVII, 362; ср. 344).

⁴ 8 августа Герцен писал, что намерен отправиться через Женеву и Эстрель в Ниццу, оттуда съездить в Монако и Ментону, затем "из Ниццы – в Геную" (XXVII, 362).

⁵ О "новом проекте" – переселиться "с будущего лета" всей семьей в Швейцарию "годика на два" – Герцен сообщил Тате 10 августа (XXVII, 362).

⁶ Речь идет о письме от 22 июля – 6 августа (XXVII, 359–361). О "Стелле" Огарев писал: "Мне твой рисунок чрезвычайно нравится, т.е. очерк; он правильно и легко сделан; а с тенями я примирюсь только на известном расстоянии, т.е. шагов за восемь от картины. Ближе тени кажутся грубы".

⁷ Это письмо неизвестно.

⁸ О втором портрете Стеллы см. в п. 19.

⁹ 30 июля Огарев писал Тате: "Ты сделаешь огромную ошибку, если пренебрежешь пейзажем. Краски природы дадут тебе столько понимания фигуры и колорита человека, что ты сама этого не ожидаешь". 6 августа Герцен в своей приписке присоединился к рекомендациям заняться пейзажем, "чтоб не терять время" (XXVII, 360, 361).

¹⁰ Отклик на замечание Герцена в письме от 10 августа: "А ты все же не пишешь о памятнике" (XXVII, 362).

¹¹ См. прим. 5 к п. 15

¹² 10 августа Герцен сообщил дочерям, что В.Т. Кельсиева уезжает с дочерью Марией (Милушей) в Константинополь к мужу В.И. Кельсиеву.

¹³ Герцен ответил на это письмо 24 и 25 августа, назначив встречу в Неаполе (см. XXVII, 367 и 368).

24

ГЕРЦЕНУ, ОГАРЕВУ И Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

2-го дек(абр) 1863.
St.-Niccolo in Tolentino. Roma

Верно, Папаша уже воротился¹, как и мы, только что мы начали немножко бурно – т.е. путешествие было отлично: мы ехали на "Онисе", на котором ехал Папа с Сашей², – море было так тихо, что я премило отобедала, в первый раз – а остальное время проспала. Благодаря рекомендациям Линдемманна мы счастливо прошли границу и таможду.

На станции нас ожидали уже Manfred, Ольгин друг³, Мамонов и Грегоровиус.

Все было бы отлично, если б квартера не была так дорога. Это нас приводит в отчаяние – все другое хорошо устроилось.

Из плана Lehmann'a ничего не вышло – у него были, кажется, семейные несчастья. Словом, ничего не устроил – поэтому, обдумавши и переговоривши хорошенько, мы решились на следующее: Линдеманн (который знает Папу⁴, я это прибавляю, чтобы вы его не перемешивали с Lehmann'ом) сказал, что если я не буду ходить в другой ателье, двух уроков в неделю с ним мало. Если мы хотим, он возьмет меня совсем к себе, будет говорить, что делать, заставлять работать у себя и ходить ко мне в галереях. Дело уже начато, сегодня я была у него в первый раз в маленьком ателье возле его – я буду ходить ежедневно – на сколько время хочу – он очень строг для рисования и вообще хочет, чтобы занимались серьезно – чему я очень рада. Хорошо и то, что будет кто-нибудь меня "подогревать". M-lle Volkmar я еще не видела, потому что мы все бегаем, ищем квартиру подешевле и иностранцев, которые бы взяли нашу. Сама по себе она очень мила и хороша (с солнцем, это важная вещь в Италии, потому что тогда не нужно столько топить). Единственный недостаток – это несчастные 50 scudi, т.е. 272 франка в месяц. Это ужасно много⁵, но в самом деле не знаем, что случилось, – не по дням, а по часам все становится дороже. Потом Мальвида жалует на даль – но это было бы ничего. Ежедневно приходится нам, т.е. мне и Ольге, ходить в Ринетту и к Линдеманну и Дидригсону (будущий учитель Ольги). Ходьбы много-много 20 минут, это скучно для прислуги, которая должна так часто ходить взад и вперед, потому что мы никак не можем ходить одни в Риме.

Поздравляю тебя, милый мой Огарев. Надеюсь, что Папаша приедет вовремя, чтоб ты получил мои недорисуночки в день рождения.

Вчера вечером я видела наших русских знакомых⁶, они не очень довольны нашими учреждениями, говорят: “Вздор копировать с рисунков Линдемманна – надобно работать дома и с натуры”. Мне кажется, совсем напротив, что это будет очень полезно и на его доме я гораздо больше работаю – дома всякие разности могут мешать, а там все тихо⁷. Il n'y a pas de distractions^{90*}. Надеюсь весною исполнить твою просьбу в Альбано⁸.

Только что получили Папашино письмо из Женеви⁹ – телеграм тоже был получен в Ливурне. А он получил ли наш? Отыскал ли он черное белье? Я все положила в середний мешок чемодана.

Ольга теперь сидит с m-r Diedrigson и Manfred'ом. Этот господин норвежец, профессор, ученый, умирающий почти с голода, – знает все Папашины сочинения, очень его уважает, говорит, что все, что он пишет, переводится на датский язык. Он будет ходить ежедневно, оставаться 2 часа и учить Ольгу и Манфреда географии, истории, арифметике и вообще с ними разговаривать. М-me Mamonoff тоже просит, чтобы русские уроки скоро начались.

Ну, прощайте на этот раз.

Крепко всех вас обнимаю.

Ваша Тата Г.

Не правда ли, Папаша, ты никогда не был в переписке с Ке(т)чером и никогда от него не получал ни писем, ни статей? Пожалуйста, скажи¹⁰.

Не франкируйте писем, неаккуратность почты ни на что не похожа.

Все еще ищем forestier'ов^{91*}, которые бы взяли квартиру.

4-го декабря 1863 г.¹¹

Рукой Мейзенбуг:

Je vous salue de tout mon cœur pour votre jour de naissance, et je voudrais que vous puissiez être ici et vous chauffer à notre soleil qui nous luit si bien dans la chambre que nous n'avons pas besoin de feu.

Adieu. Je vous serre la main ainsi qu'à m-me Ogareff et j'embrasse les enfants^{92*}.

¹ Герцен вернулся в Теддингтон из путешествия на континент 6 декабря – в день рождения Огарева (см. XXVII, 385–386, 804).

² Старшие дети и Мейзенбуг провожали Герцена от Флоренции до Ливорно, откуда 26 ноября он выехал на пароходе в Геную, а затем поездом в Женеву. 28 ноября, дождавшись его телеграммы из Генуи или Турина, дети отправились на пароходе “Aunis” в Чивитавеккью (и оттуда поездом в Рим). А.А. Герцен, проводив их, вернулся во Флоренцию (ЛЖГ III, 578–581). 26–28 сентября на том же пароходе “Aunis” плыли Герцен с сыном из Ливорно в Неаполь для встречи с Татой и Ольгой (см. XXVII, 375; XX, 605).

³ 12-летний сын К.-А. Линдемманна.

⁴ Знакомство Герцена с Линдемманном произошло, очевидно, в Неаполе, где Герцен был со старшими детьми и Мейзенбуг с 28 сентября по 13 октября.

⁵ 12 декабря, отвечая на это письмо, Герцен писал: “Квартера ваша если удобна и с солнцем, я советую, без новой, еще удобнейшей, не менять” (XXVII, 388).

⁶ По-видимому, М.П. Боткина и А.А. Щедрина.

⁷ 12 декабря Герцен отвечал: “У Линдемманна учиться хорошо, но я считаю это совершенно недостаточным – без сомнения, надобно еще работать в галереях и с натуры. Вообще не очень подчиняться одним немецким методам – и работой, работой” (XXVII, 388).

⁸ 30 июля Огарев в письме к Тате просил ее нарисовать для него пейзаж в Альбано (“В этой картинке ты испробуешь и силы своей любви, и силы своего таланта”. – XXVII, 360).

⁹ Письмо Герцена к дочерям, написанное около 30 ноября, неизвестно. В нем Герцен выражал тревогу за них в связи с бурей на перевале Мон-Сени. Вслед за отправкой письма Герцен получил от дочерей телеграмму (неизвестна), что путешествие на “Aunis” было “великолепным” (см. XXVII, 385).

¹⁰ Вероятно, речь идет о Н.Х. Кетчере в лондонский период деятельности Герцена (к его пропаганде Кетчер относился резко отрицательно); об идейном разрыве друзей юности (см. XXV, 16; XXVII, 56, 214; XXVIII, 126).

¹¹ Герцен ответил 12 декабря (XXVII, 388).

^{90*} Никаких отвлечений (*франц.*).

^{91*} иностранцев (*итал.*).

^{92*} Я вас приветствую от всей души по случаю вашего дня рождения, и я хотела бы, чтобы вы смогли быть здесь и погреться на нашем солнце, которое так хорошо светит нам в комнате, что нам не нужно огня. Прощайте. Жму руку вам, так же как г-же Огаревой, и целую детей (*франц.*).

10-ого декабря (1863 г.)

№ 63. San-Niccolo in Tolentino. Roma

№ 3

Милый Папаша!

Вы, верно, будете все соединены, когда получите это письмо. По случаю 14 Декабря – всех вас целую, друзьям жму руку – особенно Чернецкому и Тхоржевскому.

Я только что получила письмо от Маши, предлинное и милое¹. Я совсем не знала, что у них еще родился сынок Макс, которому теперь 10 месяцев, что все здоровы и веселы покамест, бедные; Рейхеля здоровье совсем поправилось. Только Маша жалуется на тебя, что мало пишешь, – она несколько раз спрашивала тебя о нашем адресе, но ты все забывал отвечать.

Что же тебе рассказать о нас? Деятельная жизнь сейчас началась – как только мы въехали в Рим, все шалости и глупости, и “дурацкие шапки” исчезли – сама не знаю, как и почему, – мне самой странно. Должно быть, оттого, что вошли опять в порядок – поэтому ты не отчаивайся, милый Папаша, и не думай, что я вечно такая, какую ты меня видел.

Хожу все к Лидеманну и стараюсь как можно больше работать – он мной доволен до сих пор. Во все время я только нарисовала два маленьких рисунка, не больше этого письма, но зато аккуратные, как фотография.

На днях вечером была m-lle Volkmar; вот что она говорит: пейзажист не может давать советов в писании голов и фигур (хотя я думаю, что он может советовать в копировании), поэтому всего лучше употребить зиму совсем на ландшафт – весной прервать это устройство, т.е. ходить раз-два к нему в неделю, а остальное время – с натуры работать (должно быть, с ней).

Мне хотелось поговорить и посоветоваться с ней, прежде чем решить совсем дело с Л(индеманном), но Мальвида отсоветовала, говоря, что она меня слишком возьмет под свое покровительство. Мне было досадно, но все-таки дело было устроено и решено без нее, поэтому вышло что-то вроде ревности между ней и Л(индеманном). Ты помнишь, в Неаполе мы с ней говорили тогда – мы почти решили, что вместе возьмем ателье и вместе будем брать модели, потому что очень дороги они.

Она нас ждала, ждала, вдруг ничего из этого не вышло – должно быть, ей досадно. Но, может, весной устроится.

Знакомых мы видим мало – во-первых, я дома бываю только с 5-ого часа. Верный Грегоровиус приходит иногда вечером, мы заставляем его иногда читать по-английски, – бывает Volkmar да Боткин был раз – в другие вечера мы читали каж-

ТРИУМФ ГАЛАТЕИ

Фреска Рафаэля (фрагмент), 1515

Вилла Фарнезина, Рим

«... вчера еще мы были в Farnesina (...) "Galatée" Рафаэля – "шефдосвер"» (Тага Герцен – Герцену. 13 апреля 1863 г.)

дый для себя, вчера, однако, я Мальвиде читала вслух “King Richard the II” Shakespeare.

Здоровье Мальв(иды) совсем нехорошо – не знаю, действие ли это холода или просто она простудилась – вот третий день она страдает ужасной головной болью, и щека распухла.

12-ого дек(абря)

Письмо это вы не получите вовремя, но что же делать, прямая почта отправляется только сегодня.

Здоровье Мальвиды поправляется. Ольга, которая на днях нас тоже испугала, теперь совсем здорова – раз утром она проснулась с красными пятнами на обеих щеках. Мальвида сейчас подумала, что это милиер^{93*} – да я тоже испугалась, потому что она жаловалась на головную боль.

Послали мы за доктором, и что же вышло? – Что, должно быть, просто укус неприглашенного гостя.

А я покамест худею – радуйся! Первое слово всех знакомых было: “Поздравляю вас, вы похудели!”

Милый Папаша, если это тебе не слишком трудно, – мог бы ты мне прислать фотографии с бабушкиного и дедушкиного портретов (писанные масляными красками)? Хоть к рождению²...

Ну прощай, крепко всех вас еще раз обнимаю.

Твоя толстая Тата Г.

Завтра ровно год, что мы выехали из Лондона³ – помните, а 24 д(екабря) мы въехали в Флоренцию.

Пожалуйста, нумеруйте письма.

С иллюстрациями дело не идет ладно⁴, Папаша, не могу.

¹ Это письмо М.К. Рейхель (как и другие ее письма к Тате и Герцену) неизвестно.

² Портреты И.А. Яковлева и Л.И. Гааг (маслом на меди, работы И.З. Летунова) были привезены Герцену из России 6 апреля 1862 г., а в конце декабря 1863 г. посланы Саше Герцену во Флоренцию для пересылки Тате (см. XXVII, 394, п. 29; ее день рождения – 25/13 декабря). Вероятно, ею сделаны затем, в 1864 (?) г., копии маслом на холсте, хранившиеся у правнука Герцена Л. Риста в Версале (переданы им в Музей А.И. Герцена в Москве – см. их воспроизведение в наст. томе).

³ 13 декабря 1862 г. Герцен проводил Тату и Ольгу с Мейзенбург и горничной Жеоржиной из Лондона (через Париж в Италию). – Ср. XXVII, 270, 272.

⁴ Вероятно, Герцен просил Тату иллюстрировать ее письма рисунками.

26

ГЕРЦЕНУ, ОГАРЕВУ, Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

15-ого декабря 1863. № 63,

S.-Niccolo da Tolentino. Roma. 2° piano

№ 5

Поздравляю вас с моим рождением¹.

Милый Папаша!

Новый план просто чудо!² Только жаль, что Милан ты выбрал, отчего именно Милан? Верно, от политических обстоятельств зависит – где свободнее. Не знаю почему, но мне кажется, что Милан один из самых прозаичных и неинтересных городов Италии. А когда я отправлюсь в Россию!!!!.. 19 лет, какая я уже старуха, еще год, и пора будет, а то поздно. Как ты думаешь, переменятся обстоятельства, т.е. будет мне возможно ехать или нет?

В прошлое воскресенье мы долго гуляли, т.е. m-lle Volkmar нас пригласила к немецкому “кофью”, после которого к ней пришли два художника, скульптор Корф³ и какой-то венгерец, говорящий по-русски. M-lle V(olkmar) живет у смотрителя Villa

^{93*} лихорадка с сыпью (франц. miliaire).

Mattei, которая с некоторого время принадлежит монастырю и не публична, только этот смотритель дал нам ключи с позволением рвать цветы.

Мальвида была в “экстазах” – и в 999 раз сказала, что “вот настоящая вилла, которую ты должен купить”.

В самом деле, стоило бы, хоть за один вид. Конф нас пригласил на концерт здешнего “Künstlerverein”^{94*}.

Мы сделаемся чистыми немцами!⁴ Однако там не одни немцы, Мамонов член, мы сидели возле его жены и барышни русской Ермоновой.

19-ого декабря⁵

Что же вам рассказать: жизнь наша проходит так монотонно, что рассказывать нечего, – порядок вы, я думаю, уже наизусть знаете. Встаем довольно рано, в 8 уже приходит Дидригсон к Ольге – я в 10-том ухожу к Линдемманну и возвращаюсь в 5-том.

Это вы уже двадцать раз слышали, единственные перемены состоят в том, что вечером к нам приходят иногда кое-кто и да вот вчера я была у Мамоновых, одна (у Мальвиды болели зубы) – они чрезвычайно милые люди, так нами интересуются, т.е. принимают столько участия в наших делах, – она дает мне разные книги; за то я ей даю ваши сочинения. Вчера она мне дала последний роман графа Толстого “Казаки”⁶ – ты, верно, знаешь – и статью *Guizot* в “Revue des Deux Mondes” – “Un projet de mariage royal” – о Карле Первом (английском)⁷.

Теперь – напишите же, что вы думаете об устройствах, что вам не нравится и чем вы довольны??? Да, вот у меня два дня свободных, т.е. утром, по понедельникам и пятницам я хожу к Линдемманну только с 2–4 часов, потому что у него другие ученики, – с воскресным даже *три*. По совету Огарева, я стала рисовать целые фигуры, как спящая женщина, наш старый друг Antonio, муж Stella (сегодня был в первый раз)⁸. Мне уже давно хотелось начать, но деньги, несносные деньги, останавливали, но я все-таки решилась брать модели, если б и пришлось платить собственными деньгами.

Потом мне бы очень хотелось хоть раз в неделю брать уроки музыки – я боюсь все забыть, что знала, – одно переигрывание того, что давно знаю, не много служит⁹.

Итальянцы начинают заниматься классической музыкой – устраиваются концерты, в которых итальянцы играют квартеты, квинтеты, сонаты и все сочинения Бетховена, Моцарта, Hayden’a и т.д. За это Рим, конечно, должен благодарить иностранцев.

Вы на что решились, остаетесь ли вы в Теддингтоне или еще раз перемените жилище до отъезда?

Как вы соберетесь, мне кажется, это невозможным! Рассказывайте побольше о себе. Хоть ты, Натали, о бибушках¹⁰ и Лизе.

Прощайте, крепко вас всех обнимаю и целую, кланяйтесь знакомым.

Ваша Тата Герцен

20-ого

Сию минуту получила записочку от Саши, он здоров и весел и очень доволен своим образом жизни и Флоренцией¹¹.

Ольга тоже вас всех обнимает, она, в самом деле, очень занята с приготовлением уроков и не успевает писать вам. Но на днях будут *вакации*^{95*}, и она напишет. Нос ее совсем успокоился – она мечтает еще о верховой езде – да, скоро начнется.

Пожалуйста, попробуй присылать “Колокол” (Platenauer¹² сам предложил) да, может, какой-нибудь другой Weekly-paper^{96*} для Мальвиды. К ним письма не раскрывают.

^{94*} “Общества художников” (нем.).

^{95*} каникулы (франц. vacances).

^{96*} еженедельник (англ.).

Папа, вот оказия чудесная пересылать мне “Колокол” – на имя Edward Richards (Platenaur’у это не надо писать) chez la Marquise de Devonshire. Hôtel de Londres. Roma¹³.

¹ См. прим. 2 к пред. письму.

² Отклик на письмо Герцена от 4–7 декабря, в котором излагался план перевода Вольной русской типографии из Лондона в Лугано: “Мы все переедем туда на лето, а осенью в Милан (...) важная задача климата и деятельности будет решена к общему удовольствию” (XXVII, 386).

³ Очевидно, немецкий скульптор И. фон Конф, с 1852 г. живший в Риме.

⁴ В связи с этим сообщением Герцен 24 декабря писал: “У вас что-то много немцев, – нельзя ли сколько-нибудь подальше от них” (XXVII, 390).

⁵ Далее Тата отвечает на письмо Герцена от 12 декабря (XXVII, 388).

⁶ Повесть Л.Н. Толстого “Казачи” была напечатана в “Русском вестнике”, 1863, № 1.

⁷ Статья Ф.-П.-Г. Гизо “Проект королевской свадьбы” напечатана в “Revue des Deux Mondes”, 1862, 15 июля – 1 октября.

⁸ 7 декабря Огарев писал Тате об одном из присланных ею ему в подарок рисунков (не сохранился): “Сидячая сонная женщина мне больше всего и чрезвычайно нравится. Выработывай себе genre во всех размерах – и в росте, и в уменьшенной величине” (XXVII, 387). Портрет Антонио также до нас не дошел.

⁹ 24 декабря Герцен отвечал: “Уроки музыки бери на особый счет – я тебе пришлю (...) Повторяю, что Линдеманн недостаточен. За модели, что надобно, плати” (XXVII, 390, ср. 389).

¹⁰ Т.е. о Елене и Алексее, младших детях Герцена и Тучковой-Огаревой – “бибушках” (от англ. baby – ребенок).

¹¹ Эта “записочка” неизвестна.

¹² Платенаур – близкий знакомый Герцена с первых лет его жизни в Лондоне. В 1863 г. он находился в Риме с сыновьями лорда Девонширского в качестве их воспитателя. Герцен воспользовался возможностью посылать через него дипломатической почтой дочерям в Рим “Кол(окол)”, не пропускавший папской почтой впрямую. 24 декабря он писал: «“Кол(окол)”, л. 175 от 15 декабря) и превосходный “Пунш” для пробы посылаю (...) Напиши о “Кол(околе)”, это очень интересно, дойдет ли». В противном случае Герцен советовал попросить “другой адрес у Плат(енауэра)” (XXVII, 390).

¹³ Ответ Герцена и Тучковой-Огаревой от 24 декабря (XXVII, 389–390).

27

24-ого декабря 1863 г.
№ 63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma¹

№ 7

Милый мой Папаша!

Жаль мне, что ты все думаешь, что это от Сашиного присутствия я тогда так дурчилась; уверяю тебя, что не от этого – а потому, что все это время было так праздно. Ты знаешь, меня малейшая вещь рассеивает – а тут мы, как номады, с одного места в другое, тут две недели, там одну, здесь два дня, в Флоренции 3 недели – от нечего делать, от беспорядка, неустроенной жизни, – но если б Саша здесь был с нами, я не говорю для него, ему, в самом деле, делать нечего, особенно для естественных наук здесь ничего нет, а антиквитеты^{97*} его не очень интересуют – но для нас и, может, больше для Ольги, чем для меня, – его присутствие было бы совсем бесполезно, верь мне, Папаша!

Утро. 25 декабря

Повеселее будет этот день², чем прошлого года, надеюсь! Утро чудесное, такое веселое (правда, веселее людей – но что же делать?).

В девять часов я думала о вас – вы, верно, просыпались, начинали одеваться и думали о нас. Ольга мне подарила фотографию Колизея, а Мальвида – “Моисея” Микеланджело и материю на белое платье, – когда я его одену? Я уже радовалась, что тогда не купила в Флоренции, потому (что) не было бы случая надеть.

Потом Мальвида все что-то устраивает – столовая заперта – Georgina хлопочет не менее Кало³, – а Мальвида жалуется на усталость и на то, что начала дело это, – говорит, что было бы гораздо лучше, если б ничего не делала, – что тогда бы денег по-

^{97*} древности (от нем. Antiquität).

траченных не было, что она тогда бы не простудилась и “dann hätten wir das schöne Wetterchen genossen, so ganz *en famille*”^{98*}.

Поэтому я подозреваю, что она пригласила наших двух-трех “немецких знакомых”.

14/26-ого.

И в самом деле так вышло. Ну вот, вам расскажу в порядке:

7 часов утра.

О л ь г а. Тата, Тата! Komm mal her!^{99*}

Т а т а (*еще в постели в другой комнате*). Ich bin noch im Bett!^{100*}.

М а л ь в и д а: Komm doch, Tatascha!^{101*}.

Ну, я прихожу, Ольга меня презентует, как я уже сказала, фотографией Колизея, М(альвида) – “Моисей”. Тотчас после кофе М(альвида) пропала в столовую – до двух часов я просидела одна с Ольгой и Манфредом в гостиной и, к несчастью, чувствовала, что голова все тяжелеет, тяжелеет – в третьем часу мы отобедали в трапезной. Вернувшись, я должна была лечь – в седьмом часу пришли гости, т.е. m-lle Volkmar, Грегоровиус, Линдеманны и (отгадайте кто еще?) П – – – –

Я встала, несмотря на головную боль; однако, как только стала на ноги, мне сделалось так тошно, что я рассталась с обедом, но все-таки вернулась в гостиную и просидела весь вечер. Бедная Мальвида так хлопотала и трудилась, но судьба не хотела, чтобы все обошлось совсем весело.

Наша старушка-кухарка столько выпила, что была совсем пьяна и ни к чему не годна, – к счастью, пришел молодой Ettore, который очень ухаживает за Georgin’ой, стал помогать всей душой и силой. В 8 ч. двери отворились, и мы увидели очень мило устроенное дерево и комнату, украшенную зеленью, как М(альвида) делала в былые годы.

После этого был ужин миленький, на котором, конечно, пили за мое здоровье.

Словом, все могло бы быть очень мило и весело, но, как на смех, у меня разболелась моя глупая голова до такой степени, что не была в состоянии вымолвить слово, ничего не ела и не пила – и опять же в первый раз в Риме. А сегодня все прошло.

Досадно!!!!

Теперь о занятиях, как я тебе писала в последнем письме⁴, я сама вижу, что мне это недостаточно – ходить только к Линдеманну. На первый случай я беру модели два раза в неделю, а третьего дня я написала просьбу principess’e Sciatта^{102*} копировать в ее галерею.

Вот почему мы выбрали именно ее галерею – потому что она *приватная*. В ней позволено только двум людям копировать разом – публике она открыта только по субботам, и тогда не работают.

Для меня это очень важно, особенно чтобы начать, потому что мне было бы ужасно копировать в Боргезе⁵, например, там с утра до вечера толпа. Надеюсь, что мне позволят начать около 10-ого января.

Прощайте, друзья мои, мы сегодня вечером будем у Мамоновых, по случаю 26/14 декабря.

Обнимаю и всех крепко целую.

Ваша Тата Г е р ц е н

Кто же у нас был? Старый, добрый Platenauer – он приходит по временам и нас очень забавляет рассказами о жизни, об образе жизни своих Даунширских маркизов⁶ – он скоро возвращается в Англию и, верно, будет у вас.

Теперь уж не будем больше писать до будущего года.

Вы что поделявали это время?⁷

^{98*} “тогда бы мы наслаждались чудесной погодой, совсем *en famille* (по-семейному)” (нем. и франц.).

^{99*} Поди-ка сюда! (нем.).

^{100*} Я еще в постели (нем.).

^{101*} Приходи же, Таташа! (нем.).

^{102*} княгине Шьярра (итал.).

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 18 декабря.

² День рождения Таты.

³ Намек на эпизод из части первой “Былого и дум” – о том, как рьяно готовился камердинер Л.А. Яковлева К.И. Кало к ежегодным празднованиям дня рождения Герцена в годы его детства (VIII, 24–25).

⁴ См. п. 26.

⁵ Известная картинная галерея Palazzo Borghese (Дворец Боргезе), сооруженная в Риме в конце XVI – начале XVII в.

⁶ См. прим. 12 к п. 26.

⁷ Ответ Герцена, отправленный, по-видимому, около 31 декабря, неизвестен.

28

ГЕРЦЕНУ, Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ И ЛИЗЕ

2 января 1864.

№ 63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma.

№ 10

Начну с анекдотом о Platenauer’е – знаешь ли ты, Папаша, отчего он нам каждый год присылал что-нибудь в Рождество? Несколько лет тому назад, т.е. 7–8 лет, он был у нас вечером, было много русских, говорили о немецком языке, о форме фраз – и о том, что глагола дожидаться никогда нельзя. Один из русских сказал, что это очень хорошо, потому что слушатель должен внимательно слушать до конца, – другой сказал, что это знак терпения – и знатное дело, что немцы всех терпеливее. На это ты сказал, что “нет, помилуйте, еще народ существует, который гораздо терпеливее”. – Кто же – кто такие? – “Жиды, – ты сказал, – сколько столетий они ждут Verbum^{103*} – все не дождалось, а терпение не теряют!” – Это привело Platenauer’a в такой восторг, что “il a fait un vœux”^{104*} посылать нам безделицы каждый год на Рождество – и до сих ^(пор) сдержал слово¹ – нынче он боялся, что не удастся, но удалось – если не тебе лично прислать дичи, так нам: Мальвиде зайца, Ольге и мне конфет. – Какой странный человек!

3 января. Воскресенье

Просыпаюсь я сегодня, и что же вижу? – все покрыто снегом!!! Я была в восторге – Мальвида в отчаянии. (Ольга в ночной рубашке и в постели – с Линдой: у Ettore, Georgin’ин друг, открылась собака, крошечная, которую тоже зовут Линдой, он ее уступил Ольге на несколько дней – конечно, он ее этим осчастливил до высочайшей степени.)

Ольга должна была взять сегодня первый урок верховой езды. Даль должен был прийти за нами, но вдруг мы получили записочку, в которой он говорит, что сестра его скончалась вчера вечером и он прийти, конечно, не может – а утром мы его встретили, он был так счастлив, другая его сестра только что приехала – больной было, по-видимому, лучше. Но это, кажется, счастье: она с рождения все была больна – последние 4 года почти все лежала.

Папаша, кто это такое написал эту ужасную, гадкую статью в “Сев(ерной) пчеле”⁷² Старалась догадаться – но не могу – я только помню, что Писемский тебе прислал свои сочинения на I(sle of) Wight. Но, Папаша, у тебя тоже ужасные выражения – на первой колонне 1443 страницы “Колокола” 15 декабря³.

Новый год мы встречали очень печально – я была приглашена к Мамоновым, но опять ничего не вышло, и я должна была лечь в 9 от головной боли – всё по праздникам.

7-ого января

Пришли ваши письма № 64. Неужели Лиза это одна написала? Душечка ты моя, Лизочка, не верится мне, что ты такая умница. Пиши мне, мой Лизок, и побольше, и я буду тебе писать.

^{103*} Слова, Глагола (лат.).

^{104*} “он дал обет” (франц.).

Лучше я Лизе на особом листе напишу – вы ей отдайте. Всех вас целую.
Ваша Тата Г.

Как уже писала, “Колокол” 15-ого декабря¹ получен, “Пунш” тоже.

На днях Platenauer привел к нам вечером одного из своих лордов, высокий до невероятной степени – 18–19 лет. Он очень прост и мил, играл с Ольгой и с собачкой, но зато, кажется, и глуп...

С Далем я еще не успела говорить. Ты понимаешь, что у него довольно забот после приезда одной сестры и смерти другой⁵ – к тому Марья Ник(олаевна) здесь и по обязанности рассматривает работу всех русских художников⁶. Потом он не может судить без натуры – не лучше ли оставить до вашего приезда?

Натали, ты меня бы очень обрадовала, если б как-нибудь переслала амазонку. Platenauer вам, может быть, даст оказию – Ольгу мы теперь поведем в манеж в первый раз – до сих пор нехорошая погода и другие обстоятельства помешали, мне так хотелось весной иногда погулять с ней в компании⁷.

¹ В ответном письме от 15 января Герцен так откликнулся на эти строки: “Твой анекдот о Verbe нас с От(аревым) просто в лоск положил, даже совестно стало – ты понимаешь, что с моей стороны это был просто-напросто каламбур. Бедный и добрейший Пл(атенауэр)” (XXVII, 417).

² Речь идет о корреспонденции “Из Плоцка” с подписью Св. – Стр., напечатанной в “Северной пчеле”, № 308 от 19 ноября ст.ст. 1863 г., и содержавшей клеветнические обвинения в инспирировании Герценом польского восстания. Тата прочла выдержки из нее в ответной статье Герцена “Ввоз нечистот в Лондон” (“Колокол”, л. 175 от 15 декабря 1863 г. – XVII, 298, 300–301, 468). Автор корреспонденции был ему неизвестен (см. XXVII, 417).

³ В статье “Ввоз нечистот в Лондон” Герцен с возмущением писал об “антиингилистическом” романе А.Ф. Писемского “Взбаламученное море” (опубликован в “Русском вестнике”, 1863, №№ 3–8; в гл. XVI–XX в пасквильном виде представлена деятельность редакторов “Колокола”): «Какой-нибудь экс-рак “Библиотеки для чтения”, романист, аферист, драматист, ставит на сцену новую русскую жизнь с подхлупозой точки зрения подъячего (...) делает шаржи на события, от которых еще до сих пор льются слезы, и чертит силуэты каких-то дураков в Лондоне, воображая, что это наши портреты» и т.д. (XVII, 299). Далее в форме пародии на роман описывалось, как его будущий автор, приехав в Лондон в середине июня 1862 г., послал ему на о. Уайт свои сочинения вместе с письмами, полными уверений в любви и уважении (см. XVII, 299–300; ЛЖГ III, 323, 324, 326–327). На замечания Таты Герцен 15 января ответил, что Писемский в романе “самым гнусным образом рассказал историю о взятии” на границе П.А. Ветошникова (везшего от Герцена и Огарева в июле 1862 г. их издания и письма, что послужило поводом для арестов в России и “Дела о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами” – см. “Былое и думы”, XI, 327–328). “Все догадаются, что это его (Писемского) записка помещ(ена) в моей статье. А ты как же думаешь, Тата, что их за такие проделки по головке гладить?” (XXVII, 417).

⁴ Письма Герцена, Тучковой-Огаревой и Лизы, написанные около 31 декабря 1863 г., неизвестны. Ответ Таты Лизе от 8 января и Тучковой-Огаревой от 10 января см. далее в наст. томе.

⁵ Герцен, вероятно, просил поговорить с архитектором Л.В. Далем о заказе ему памятника на могиле Н.А. Герцена в Ницце. 15 января, откликаясь на наст. письмо, Герцен писал: “Жаль Даля, но ты не бойся: именно теперь это было бы для него занятие по душе” (XXVII, 417, с неверным прочтением: “Дол(орукова)”, вместо: “Даля”; см. также XXVII, 436, и п. 32). Памятник по проекту Даля был установлен на кладбище в Ницце, вероятно в присутствии А.А. Герцена, около 10 января 1865 г. (см. ЛЖГ IV, 81).

⁶ Вел. кн. Мария Николаевна, дочь Николая I, была с 1852 г. президентом Академии художеств.

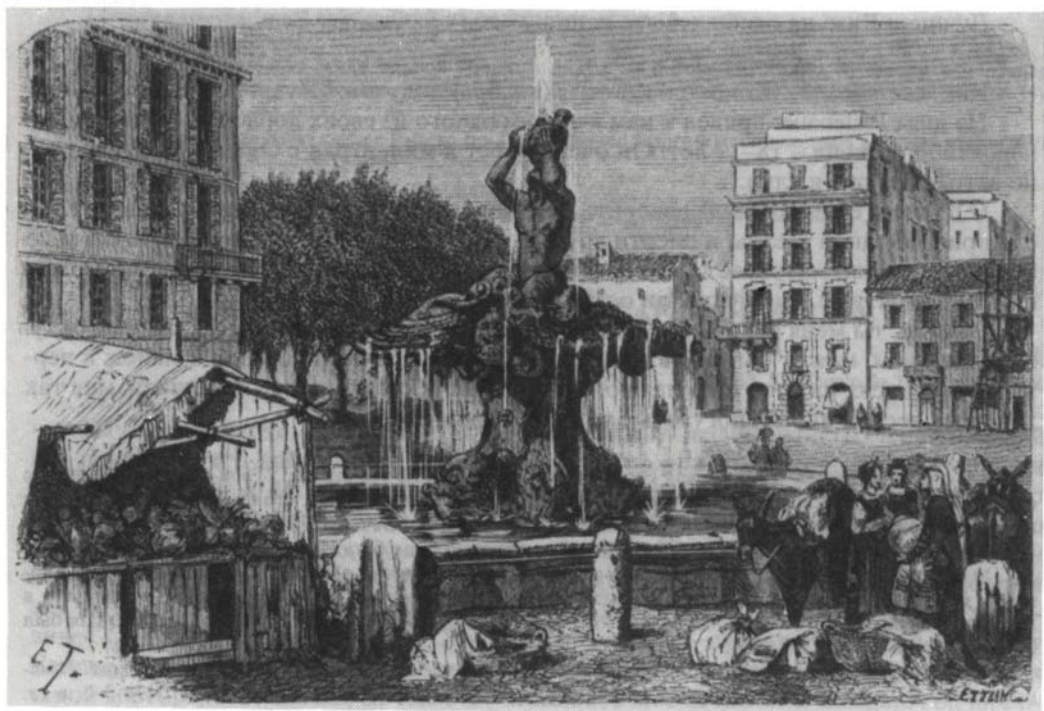
⁷ Герцен ответил 15 января (см. XXVII, 417–418).

№ 13

Люди добрые, скажите, люди добрые, не скройте, отчего вы пишете, что послали Саше портреты, книги и т.д., а он ничего из всего этого не получал??¹ И отчего вы “Колокол” не присылаете прямо в Рим по адресу Edward Richards – casa of the Marquise de Dewonshire – 24, Belgrave Square^{106*} – мы вам уже так часто писали². Они еще не уезжают – все его ждут с нетерпением – и Боткин молодой³ тебе, между прочим, кланяться велел.

^{105*} В автографе описка: декабря. – Ред.

^{106*} Эдуарду Ричардсу – дом маркизы Девонширской, Белгрейвская площадь, № 24 (итал. и англ.).

РИМ. ПЛОЩАДЬ БАРБЕРИНИ С ФОНТАНОМ "ТРИТОН"

Гравюра Эттлинга по рисунку неизвестного художника, 1870-е годы

Из книги: Rudolf Kleinpaule. Rom in Wort und Bild. Band II. Leipzig, 1883

Возле площади Барберини (ул. Никколо да Толентино) жила Тата Герцен вместе с сестрой Ольгой и М. Мейзенбург с начала декабря 1863 г. по 12 июня 1864 г.

Ну-с, cher petit Papa^{107*}, — ты знаешь, что я исполняю твое и собственное желание — я начала копировать в галерее⁴. Холод ужасный, я выхожу оттуда, как ледяная сосулька. Многие говорят, что я нехорошо сделала, что начала именно в такой холод — но кто же об этом думает, когда здоровье, как у меня. Если почувствую, что вредит, — перестану опять на некоторое время — но сомневаюсь, чтобы это имело влияние на меня. Здесь неслыханный холод: в Неаполе солдат-сторож замерз, а здесь фонтан Barbergini был покрыт льдом. Завтра начну ходить в академию, о которой я вам, кажется, уже писала, — на Corso, Palazzo Claudio. Там рисуют два часа, каждый вечер с 1/2 8 до 1/2 10 с (моделей в) разных костюмах. Модель приходит два вечера сряду. Линдемани хочет тоже ходить — мы запишемся на первый случай только на полмесяца — на пробу^{108*}.

Что ты боишься немцев, милый Папаша? Из меня немку, в смешном смысле слова, все-таки не сделают, а некоторые из них очень милы. Напр(имер), старая m-me Lehmann, мать живописца, 72-летняя старуха, — такая славная, живая женщина, просто чудо — повсюду бегает, все видит, все ее интересует. На прошлой неделе мы были в Vatican'e вечером, при факельном освещении. Во-первых, мы приехали слишком рано — швейцарцы⁵ услышали, что мы говорим по-немецки (мы приехали с Volkmar'шей и ее знакомой Marie Röre — тоже женщина-живописец) — нас пригласили войти в их залу. Можно было бы подумать, что нас перенесли в одно из прошлых столетий. Сидели на скамьях у большой "скальдины"^{109*} (эта штука, как

^{107*} милый Папочка (франц.).

^{108*} Из этой академии ничего не вышло, потому что карнавал нынче очень рано начинается и тогда не ходят.

^{109*} "грелки" (итал. scaidino).

большой четверугольный поднос, на высоких ножках, полный красными углями, покрытыми золой, чтоб не дымилось) – окруженные этими швейцарцами в дурацком шитье.

В 7 все собрались – между прочими была старушка Lehmann. Это в самом деле было очень красиво – факелы с “ревербером”^{110*} дают красноватый цвет статуям – они кажутся живыми. Я дала руку m-me Lehmann, потому что она все-таки устает – потом по случаю Platenauer’a я послала что-то в Англию для нее – поэтому она со мной очень мила – и третьего дни пригласила вечером к себе (совсем не суаре^{111*} – были только Бринкманны, милые девушки, о которых я писала Натали⁶, да Мальвида со мной). У сына большие гравюры “Stanze” Рафаэля – он их нам показывал, пока одна из нас читала объяснение. Мило придумано, не правда ли? Так их можно гораздо лучше рассмотреть в подробностях и потом покупать оригиналы.

Премилая старушка.

Что у тебя было с ногами, Папаша? Ревматизм или что?⁷

20 янв(аря)

Милый Папаша, представь себе, какой странный случай. Я встретила у Бринкманнов русское семейство. Сначала с обеих сторон было “*mésentendu*”^{112*} имен – потом кто-то меня назвал. – Русская барышня с такой радостью обернулась ко мне, сказала, что давно желала с нами познакомиться, что тебя знает, т.е. видела тебя на “Aunis”, когда ты с Сашей ехал в Неаполь⁸. – Какая-то Владимирова, кажется, помнишь или нет? Замужняя сестра с мужем, их брат да она сама с какой-то дамой (на “Aunis” она была одна с братом и дамой, молоденькая брюнетка).

Только что пришли ваши письма⁹. Лизочку мою крепко, крепко целую за ее. Ждем “Колокол” с нетерпением – тот номер еще не возвращался – он еще не обошел всех¹⁰.

Погода сегодня переменялась, вдруг стало тепло. А то, кажется, везде необыкновенный холод, кроме в России, – там чудесная погода.

Что ты говоришь о Platenauer’e – он так и понял, что это просто каламбур – и именно этот “карамболь” ему и понравился. У него ведь какой-то идеал вроде “Мессии”^{113*} – да мечтает он еще о каком-то конгрессе *всех* народов в Лондоне. Но, несмотря на его *idées fixes*^{114*}, он такой необыкновенной доброты человек, такой услужливый – удивительно. Приходит утром сказать, чтобы приготавливали письма, ежедневно почти приносит римский журнал – приходит днем вновь, но, зная, что мы заняты, даже не спрашивает, дома ли мы или нет. Приходит также за письмами Жеоржины – и это не от нечего делать – он очень занят, но так – желание услужить кому-нибудь. Но притом очень строг, должно быть, заставляет своих молодых лордов работать – все семейство ужасно к нему привязано и только с ним что-нибудь делает.

Прощай, целую вас всех

Твоя Тата Г.

Что бедные бибушки? Кланяемся знакомым и друзьям.

Грегоровиус тебе кланяется и спрашивает, не можешь ли дать ему совет – нельзя ли бы устроить что-нибудь с переводом его книги “Rom” с Трюбнером, может быть. Ему уже предлагали перевести ее на английский и француз(ский) язык, но невыгодно, а он, кажется, в нехорошем положении. Пожалуйста, отвечай на это скоро¹¹.

Послано в субботу 22 янв(аря) 1864¹²

^{110*} отражателем (франц. *réverbère*).

^{111*} вечерний прием (франц. *soirée*).

^{112*} “недоразумение по поводу” (франц.).

^{113*} “Мессии” (нем.).

^{114*} навязчивые мысли (франц.).

¹ Ответ на письмо Герцена, написанное около 12 января (неизвестно; см. о нем XXVII, 418–419 – № 186, с отнесением к “первой половине января”). В нем сообщалось, в частности, об отправлении на адрес А.А. Герцена во Флоренции портретов Л.И. Гага и И.А. Яковлева (см. п. 25 и прим. 2 к нему). Тата цитирует русскую народную песню.

² См. п. 26. В п. 27, однако, сообщалось о скором отъезде Платенауэра из Рима, и Герцен отправил дочерям л. 176 “Колокола” от 1 января через Флоренцию. 15 января же, получив от Мейзенбуг подтверждение адреса воспитанников Платенауэра в Риме, Герцен послал по этому адресу 3 экз. л. 176 и 2 экз. л. 177 “Колокола”, рекомендуя в последнем свою статью “Портрет Муравьева” (XVIII, 34; см. XXVII, 417).

³ М.П. Боткин.

⁴ В галерее Sciağa.

⁵ Швейцары – гвардейцы, охрана папы римского.

⁶ Это письмо неизвестно.

⁷ Герцен писал сыну в связи с морозами: “У меня разболелась нога до того, что я три дня не мог ни вставать без боли, ни ходить” (XXVII, 415).

⁸ 26–28 сентября на пароходе “Aunis” совершила путешествие из Ливорно в Неаполь одновременно с Герценом и Сашей Е.Л. Владимиров (Володимирова) с братом; очевидно, Герцен тогда разговаривал с ними (“Владимирова я помню, – писал Герцен в ответном письме 30 января, – он очень хороший, кажется, молодой человек”) (XXVII, 422, см. также 429). Затем Владимировы бывали у Герцена в Лондоне и Женеве.

⁹ В частности, письмо Герцена от 15 января (см. XXVII, 417–418). Полученное с ним письмо Лизы неизвестно.

¹⁰ Речь идет о л. 175 “Колокола” от 15 декабря 1863 г., полученном около 2 января (см. п. 28) и отданном для прочтения русским знакомым.

¹¹ Вопрос о переводе книги Ф. Грегоровиуса “Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter” уже обсуждался Татой и Герценом (см. п. 15). Отвечая на наст. письмо, Герцен обещал поговорить с издателем и книгопродавцем Н. Трюбнером, а 18 февраля он сообщил Тате, что тот написал Грегоровиусу (см. XXVII, 422, 429).

¹² Герцен ответил 30–31 января (XXVII, 422).

30

29 января 1864 г.

63. S.-Niccolo da Tolentino. Roma

⟨№⟩ 15

Милый Папаша, не правда ли, ты не рассердишься, если я немножко повеселюсь во время карнавала пустыми веселиями, – т.е. пойду на бал здешнего Ферейна^{115*}. И это совсем не грандиозная вещь – там все очень просто, не публично – и не только немцы – а русские и другие... Чтобы сказать тебе правду, я сначала, когда об этом слышала и знала, что буду приглашена, решила отказать, вспомнив, что ты всегда был против, и подумаешь, что вот работа брошена... Но меня все так стали просить, и Мамоновы советовали ехать, вся ⟨1 нрзб.⟩ – я не устояла и приняла¹.

Кроме этого, у меня еще желание – это познакомиться с этой русской девушкой, о которой я тебе писала, она с вами путешествовала на “Аунисе” – m-lle Владимирова – она на вид так мила – и я только слышу похвалы о ней и о всем семействе. Впервые, у них Ольгин учитель музыки Раункильде – он их очень хвалит, говорит, что все необыкновенно талантливы и усердно работают, брат² даже компонирует^{116*} – и вообще через знакомых я слышала, что они чрезвычайно милы и смертельно желают с нами познакомиться.

Они живут очень тихо, и знакомых у них мало – они осматривают да музицируют, а муж сестры – живописец, ученик Ге.

Ну, о работе. Копья идет медленно³, но говорят “Chi va piano, va sano, chi va sano, va lontano”⁴ – увидим – а покамест она отдохнет, потому что во время карнавала галереи заперты. Как уже писала, я теперь бегаю одна по улицам и мало-помалу привыкаю к этому. Да все как хорошо попадает вовремя, теперь m-lle Volkmar кончила работу в галерее, а знакомая ее пожилая женщина m-me Steinhäuser начала копию с Рафаэля в Шиарра, и так как она живет на Piazza Barberini, два шага от нас, я с ней хожу туда... Ах, в самом деле, мне бы хотелось, чтобы все могли хоть разок взгля-

^{115*} Союза (нем. Verein).

^{116*} сочиняет музыку (от нем. komponieren).

нуть на меня, когда я работаю. Мне самой еще кажется так смешно, что я в галерее, особенно теперь. Какой-то старый англичанин копирует ту же картину. Во-первых, он совсем не похож на британца; высокий, но <с> большой седой бородой, плешивой головой и плохо одет – чрезвычайно учтив: когда я утром прихожу, все уже готово, мольберт, картина моя – все на месте – потом, хотя он сам ужасно пишет, у него страсть поправлять других. В первый день я через некоторое время заметила, что он хочет заговорить, но не смеет. Наконец, решился и вдруг сказал с ужаснейшим английским выговором: “La carne di Tiziano è vivante <2 нрзб.> la carne morta”^{117*}, потом с ужасной быстротой опять отошел, как будто испугавшись своей бодрости <?>; притом, уходя, он делает преуморительные, неопределенные движения руками, как будто извиняется, – ужасно смешно.

Пятница – вечер⁵

Ну, вот и прошел бал – вот и карнавал скоро кончится – и все опять войдет в порядок. Бал был чрезвычайно мил – мы очень забавлялись, но подробное описание сегодня не могу послать – скажу только, что Устиновы и Владимировы тут были и я с Влад<имировым> очень много танцевала – воротилась домой в 1/2 5-ого, встала сегодня в 9, в 11 отправилась к Линдемманну, была там до 5-ого часа. На возвратном пути зашла к Бринкманнам поговорить о бале и как мы веселились.

А теперь adieu, прощайте.

Ваша Тата Г.

До сих пор голова не болит⁶.

¹ В ответном письме Герцен заметил: “Отчего же ты можешь думать, что мне неприятно то, что ты веселилась, – Alles hat seine Zeit (Всему свое время (нем.)). Я не знаю только, хорошо ли это в Риме – когда на карнавалы веселясь смотря с упреком многие из друзей” (XXVII, 429).

² Н.Л. Владимиров.

³ Н.А. Герцен копировала картину “La bella” Тициана в галерее Шиарра (о начале работы см. ее письмо к Н.А. Тучковой-Огаревой от 10 января в наст. томе). Копия не сохранилась.

⁴ Итальянская пословица, близкая русской: “Тише едешь – дальше будешь” (буквально: “Кто идет не спеша, идет благополучно; кто идет благополучно – идет далеко”).

⁵ Письмо закончено в следующую пятницу – 5 февраля.

⁶ Герцен ответил 18 февраля (XXVII, 429–430).

31

Фрагмент

(Рим. Около 8 марта 1864 г.)¹

...^{118*} Ты узнаешь от М<альвиды>, что “малороссийский красавец” Щ<ербачев> здесь был и о чем он с ней разговаривал². Что ты об этом думаешь? Сколько номеров “Колокола” печатается теперь?

Теперь прощайте, крепко вас всех целую, особенно Лизóчка за арифметический урок.

Твоя Тата Г.

В письме к Огареву я его спрашиваю, не получил ли он деньги в Общий фонд от Г.У. из Генуи – послал их Устинов во время твоего путешествия в Италию³. Пожалуйста, отвечайте⁴.

Рукой М. Мейзенбуг:

Je suis en train de vous écrire une longue lettre par rapport à ma conversation avec Scherbatschev, mais je n'ai pu finir. Vous l'aurez avec la prochaine poste. En attendant je salut tout le monde de tout mon cœur^{119*}.

^{117*} “Тело у Тициана – живое, тело <2 нрзб> – мертвое” (итал.).

^{118*} Начало письма не сохранилось. – Ред.

^{119*} Я пишу вам сейчас длинное письмо по поводу моего разговора с Щербачевым, но не смогла его окончить. Вы его получите со следующей почтой. Пока же я приветствую всех от всего сердца (франц.).

¹ Письмо датируется по непосредственной связи его с письмом Таты к Огареву от 8 марта (о пожертвовании Г.Г. Устинова – см. автограф *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 6; цитируется в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 453–455). Они, очевидно, были отправлены вместе.

² Это письмо Мейзенбург неизвестно. См. ниже в письме Таты к Нат. Ал. Тучковой-Огаревой от 13–20 февраля о посещении их молодым Щербачевым.

³ Это пожертвование в Общий фонд (100 фр.) было получено редакцией “Колокола” в первой половине ноября 1863 г. (о нем объявлено в л. 173 “Колокола” от 15 ноября, под № 3000 – XVII, 316).

⁴ Герцен ответил дочери, очевидно, около 13 марта (письмо неизвестно). Одобрив ее дружбу с Е. Владимировой, он спрашивал, “кто Устиновы”. В письме содержались также вопросы о получении “Колокола”, “Трагедии за стаканом грога”, а также о памятнике на могиле Н.А. Герцен (см. XXVII, 447, 919 и п. 32).

32

19 марта 1864 г.

№ 63.S.-Niccolo da Tolentino, Roma

Что это, вы, верно, не получаете письма. Ты, Папаша, спрашиваешь, кто Устиновы, я подробно все рассказала в письме к Натали¹. М-ме Устинова – молоденькая дама 20 лет, сестра Кати Володимировой – муж ее тот самый У(стинов), офицер, который был у вас в Лондоне. Он и она меня не очень интересуют, они только очень добры, балуют меня и очень вас уважают, до смешной степени; напр(имер), У(стинов) говорит жене: “На что же нам крестить Маню (дочь маленькая – 9 месяцев) – у Герцена тоже дочь некрещеная”. Хорошее у меня было предчувствие – я знала, что подружусь с Катей – и в самом деле я вдвое счастливее теперь, мне так хорошо побывать опять между русскими.

Собой Катя нехороша, только свежая, и косы у нее великолепные, такие косы даже здесь бросаются в глаза, все смотрят, но она такая настоящая, простая, милая чисто русская молодая девушка, что я невольно ее полюбила.

(Какие ужасные чернила – писать нельзя.)

Вообще здесь много русских теперь, но не бойся, мы только маленькую часть из них знаем и не будем знакомиться. Вот, кроме Мамоновых и Кати, здесь мы знаем Капнистов – тот самый, который был у нас в Путнее, – он здесь с семейством, жена-старушка больная да две дочери – 18-ти и 15-ти лет². Последняя еще очень дика, но с старшей мы в последнее время встречались – она очень мила собой, стройна, белокура, неправильное, но чрезвычайно милое и симпатичное лицо. Мамонова ее знает с детства и очень ее хвалит. Я только что воротилась с ними из Palais des Césars³ – представь себе – вот была “компания”. Нас было около 15-ти русских: 1) m-me Мамонова, 2) Катя Володимирова, 3) m-me Устинова, 4) m-г У(стинов), 5) его брат, трус и, должно быть, меньше зеро^{120*}, четыре Капниста – это выходит 9. Остальных я не знаю, да сын Жуковского⁴ здесь – да бог знает, кто еще. Толстые, тот, который писал “Князя Серебряного”⁵, я только что прочла, – с ними Жемчужников, с седыми волосами и с взъерошенной бородой⁶.

Но хожу я все только к Кате и Мамоновой. С Бринкманнами знакомство немножко поостыло – да оно никогда не было очень того – они милы, но неинтересны. Старшая, к тому же, теперь влюблена – обручилась она с человеком, которого только три месяца знает, т.е. видела его на вечерах, ей 17, а ему 36 лет. Когда мы первый раз ездили верхом, он ей предложил – она приняла – в октябре будет свадьба, это вроде Alice Milner-Gibson⁷.

В занятиях у нас опять перемена. Так как Lehmann ничего не устраивал, мы просили его хоть кого-нибудь рекомендовать, и рекомендовал он нам молодого итальянца Sig-r Varmutelli, здесь его все хвалят. Я буду ходить два раза к нему, а он раз ко мне в неделю, писать я буду с натуры, как только кончу копию, которая мне уж немножко надоела, – с нетерпением жду конца ее, особенно потому что Мальвида вперед радуется, как дитя, думает уже, где повесить, и т.д. Об “Колоколе” и маленькой трагедии я тебе, Папаша, уже писала, что очень досадно – ничего не полу-

^{120*} нуля (франц. zéro).

чили⁸ – ты пришла через Платенауера. А о памятнике я не виновата, ты мне только велел говорить с Далем – а он несколько дней после смерти сестры уехал – а с Сашей ты мне никогда не велел говорить⁹. Что делается теперь?

Планы твои с Антверпеном и Брюсселем, конечно, не очень приманчивы после первых, т.е. свидания в Италии¹⁰ – но я хорошенько не понимаю, ты ведь не можешь переселиться в Брюссель с типографией – а если без типографии поедешь, так можешь и в Италию на год приехать – а то лето лучше бы в Wales провести, чем Брюсселе, там и Катя В(олодимирова) будет. Это я шучу, но, в самом деле, мне кажется, что не стоит оставлять Англию для Брюсселя: город – маленький Париж, погода хороша, сплетней очень много, хороших людей мало, кроме бедного Галле, никого нет, кажется¹¹.

¹ Это письмо неизвестно. В наст. письме Тата отвечает на неизвестное письмо Герцена, написанное около 13 марта (см. прим. 4 к п. 31).

² По этому свидетельству устанавливается факт посещения Герцена в Путнее, где Герцены жили с сентября 1856 по ноябрь 1858 г., декабристом гр. А.В. Капнистом. См. письма его сына гр. Д.А. Капниста от 29/17 марта 1864 г., У.Д. Капнист от 15/3 февраля и 26/14 мая 1865 г. к В.И. Герье (РГБ, ф. 70, 44, 110, л. 3–4 об.; ед. хр. 114, л. 5–9 об.).

³ Дворец Цезарей – имеются в виду руины Палатинского холма.

⁴ Сын В.А. Жуковского – Павел Васильевич, художник.

⁵ Роман А.К. Толстого “Князь Серебряный” был опубликован в 1863 г.

⁶ Н.М. Жемчужников, сотрудник “Современника”, брат поэтов А. и В. Жемчужниковых, бывал у Герцена в Лондоне в июне 1860 и в июле 1862 г.

⁷ С семьей английского государственного деятеля Т. Мильнер-Гибсона Герцен и его старшие дети поддерживали дружеские контакты еще в 1850-е годы. 20 июля 1861 г. Тата присутствовала на свадьбе его 16-летней дочери Алисы (см. XXVII, 161).

⁸ Вероятно, в несохранившейся части п. 31 Тата сообщала, что л. 179 “Колокола” от 15 февраля и “Трагедия за стаканом грога” не получены. Ее раннюю редакцию Герцен читал Тате в Неаполе между 28 сентября и 12 октября 1863 г. После завершения рассказа 4 февраля он отправил его по почте из Лондона в Рим, на адрес сына, с посвящением Тате “в память (...) свидания в Неаполе и просьбой известить о получении” (см. XVII, 260; XXVII, 425).

⁹ См. п. 28. Возможно, что памятник на могиле Н.А. Герцен был заказан Л.В. Далю А.А. Герценом в конце марта (ср. XXVII, 436).

¹⁰ О “новом плане” всем семейством “ехать в конце мая или начале июня” на год в Антверпен Герцен писал дочерям 18 февраля (см. XXVII, 429). Предположение о Брюсселе содержалось, по-видимому, в неизвестном письме, написанном около 13 марта (см. XXVII, 430, 447). 31 марта Герцен, отвечая Тате, просил: “Пиши и ты подробнее твои желания – верь, что я всё взвешу, в моей любви к вам нет ни эгоизма, ни властолюбия – хочется мне, чтоб наша маленькая колония собралась хоть на год времени, хочется, пожалуй, и отдохнуть... но всякому делу покорюсь” (XXVII, 451).

¹¹ Герцен ответил 31 марта (XXVII, 449–451).

“День в Риме в марте 1864 года”

Маленькая комната, мило убранная (для Рима), веселая, потому что, как только солнце выходит, оно светит в нее. Тата спит – но мало-помалу просыпается от шума карет и omnibusов, которые проезжают под окнами и весь дом трясут.

Т(а т а) (думает). Неужели уже пора вставать, половина седьмого, повалиюсь еще немножко, потом встану. Что у меня сегодня – да, галерея – ну так. Катю, наверное, не увижу. Как бы это устроить – не зайти ли мне к ней до галереи – в самом деле, скорей оденусь (вскакивает) – ой, как больно! – ах, это глупое левое колено – вот скоро месяц с тех пор как натерла, а оно и не думает заживать – нарывает – и бандаж не держится. Жеоржина, верно, спит еще – пора ей вставать. (Входит в маленькую комнатку возле.) Up, Georgina, do be a good girl. I must be off to the gallery, to be quick.

G(e o r g i n a). Oh! Let me sleep. You only want to go to your dear Russians. I know and wish they were gone!

ТАТА И ОЛЬГА ГЕРЦЕН

Фотография С.Л. Левицкого. Париж, 1864
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Т(а т а). No, Gey, I know You will be a good girl – up!!!^{121*}

Т(а т а). Кисти не вымыты, ах, досада какая, ну, нечего делать, надобно все в порядок привести.

Входит старушка-кухарка.

М а р и а н н а. En! Bella mia, già affeta – ma non dormite mai, perchè? Dormite, dormite, signorina, sino non sarete più bella fresca? Madonna mia, non ho mai, mai, mai visto nessuno che dormi tanto poco.

Т(а т а). Shut-up, Marianna, non parlate tanto alto, dormano gli altri.

М(а р и а н н а). Poveretti, lasciatele dormire – il sonno fa bene. Come sono belle tutti gli Inglesi, sono tutti rossi e bianchi come voi, nou sono come gli Romani, e brutti Romani tutti neri, neri – non mi piacciono punto; io non sono Romana – io sono di Albano, sono Albanesa.

^{121*} Вставай, Жеоржина, будь хорошей девочкой. Мне надо в галерею, поторапливайся.

Ж(е о р ж и н а). Ой! Дайте мне поспать, вам бы только ходить к своим дорогим русским, – я знаю, а по мне – так лучше б они уехали!

Т(а т а). Ну, Джей, я знаю, ты будешь хорошей девочкой – вставай!!! (англ.)

T(a t a). Si, lo so, mi l'avuto già ditto – adesso andate presto a prendere gli ove et date la colazione.

M(a r i a n n a). Мо', мо', ci vado, ci vado^{122*}... (*Уходим.*)

T(a t a). Готова, половина восьмого, – успею зайти, только завтрак бы поскорей подали (*за дверью слышится визг и царапанье*). Эх, Линда² как нетерпелива. Ну, иди, povera bestia, come stai? ecco, ecco – dove è Olga?^{123*}

Собака, как бешеная, прыгает, пока ей не отворят дверь, которая ведет в М(аль-видину) и Ольгину комнату; как только отворят, с визгом бросается на Ольгину постель и исчезает под одеялом. Слышны поцелуи и ласки. Эта сцена повторяется ежедневно.

Мало-помалу все начинают беспокоиться, Мальвида спешит одеваться и торопит Ольгу, которая все лежит и собаку ласкает.

М а л ь в и д а). Komm, Oli, komm, mein Engelchen, du weisst, daß junge Mädchen wird gleich kommen.

O l g a. Ja, Mali, gleich, du siehst es, fange schon an. Linda, dear, poveretta, quanto la è bella, siehe, Mali, wie schön ist es, aber sieh doch. Just come here, Tata, look at Linda – dear little thing^{124*}.

T(a t a) (*из той комнаты*). Yes, she is beautiful, I know, but be quick, else the girl will be here before You are up.

M(a l v i d a). Ja, mein Kind, es ist wirklich Zeit, sei doch vernünftig, in drei Jahren wirst du ja ein erwachsenes Mädchen. Komm, mein Kind.

O l g a. Ja, gleich, Mali...^{125*}

Между тем Тата и Georgina накрывают стол тут, в спальне, до сих пор так делалось, чтобы не топить столовой, – у них разговор идет шёпотом, чтобы не мешать *penetizioni*, которая начинается.

M(a l v i d a). Also komm, mein Kind, ziehe dich an und nimm mir die Hauptflusse von Deutschland.

O l g a. Ja, aber heute ist ja die Geschichtsstunde ganz gewiss.

M a l(w i d a). So – nun gut dann – was habt ihr gehabt? Ja, ja, wer war oder wie heiss dieser Redner, der das griechische Volk so enthusiafizierte?

O l g a. Es war... es war... Linda, vieni quà, povera vecchia.

M a l(w i d a). Nun, Olga...

G e o r g i n a (*mezza voce Tate*). You can be quick when You go to your Russians, I never!

T(a t a). Be quiet, Gey.

G(e o r g i n a). Yes, I'll tell all to your Papa in the next letter. I schell write to him.

T(a t a). That letter You always mean to write would be very long, if You were to tell all You mean to say!

^{122*} М а р и а н н а. Ну! Красавица моя, уже встали – да вы совсем не спите, почему? Спите, спите, барышня, а то не будет у вас больше ни красоты, ни свежести. Матерь божья, никогда, никогда, никогда не видала я людей, которые так мало спят.

T(a t a). Замолчите, Марианна, не говорите так громко, другие спят.

M(a p i a n n a). Бедняжки, пусть спят. Сон полезен. До чего же красивы англичане – все румяные и белые, как вы, а не как римляне и грубые римлянки, все черные-черные – это мне совсем не нравится: я-то не римлянка – я родом из Альбано, я альбанка...

T(a t a). Да, вы уж мне это говорили, а теперь идите поскорее, возьмите яйца и приготовьте завтрак.

M(a p i a n n a). Да, да, сейчас иду, иду... (*итал. и англ.*).

^{123*} Бедная зверушка, как поживаешь? Ну, вот, вот – а где же Ольга? (*итал.*)

^{124*} Иди сюда, Оля, иди, мой ангелочек, ты знаешь, что барышня сейчас придет.

О л ь г а. Да, Мали, сейчас, ты видишь, я уже начинаю. Линда, дорогая, бедняжка, какая она красивая, посмотри, Мали, какая она красивая, да посмотри же. Поди же сюда, Тата, погляди на Линду – какая милая (*нем., итал., англ.*).

^{125*} Да, она прелестна, я знаю, но поторапливайся, иначе барышня придет прежде, чем ты встанешь!

M(a л ь в и д а). Да, дитя мое, уже, действительно, время, будь же благоразумна, через три года ты станешь уже взрослой девушкой. Иди же, дитя мое.

О л ь г а. Да, сейчас, Мали... (*англ., нем.*)

G(e o r g i n a). Take care, the day will come there now, everything is ready, sit down and eat.

T(a t a). There goes the bell. Well, Olga, there is the girl and You are in bed^{126*}.

О л ь г а (с *исцухом*). Mali, was soll ich tun, Mali, bitte, hielf mir.

M(a l w i d a). Es ist deine eigene Schuld, mein Kind, ich habe es dir oft genug gesagt – nun also komm schnell – ask the young girl to wait a little, Georgina.

O l g a. Ach, nichts bereitet, mein Ei nicht geschlagen^{127*} (*Она и М(альвида) бьют себе яйца утром, делают гоголь-моголь*). Tata, schlag es mir, bitte, und thue recht viel Zitrone hinein, sehr viel, und viel Zucker. Mali, bitte, *buttere* mir Brot.

M a l(w i d a). Ja, wir werden schon alles bereiten, sei du nur fertig.

T(a t a). Und ich muss auch fort. Georgina, bring a little more meat for my sandwiches.

O(l g a). Don't take all, leave me also some.

M(a l w i d a). Fui, Olga!

O(l g a). Aber, Mali, wenn ich es nicht sage, dann giebt Gey alles zu Tata.

T a t a. Ich nehm es ja zum lunch in die Gallery – ubrigens kann ich nicht alles nehmen, sei nur ruhig, es wird genug für alle sein. Gehe nur schnell zum Mädchen...^{128*} (*Уходит в свою комнату, миг одевается и убеждает – у двери стоит Gey*.)

G e y. Naughty Miss, you'll see if I won't write to your Papa and I'll tell him all.

T(a t a). Yes, I know but, Gey, come and fetch me do. I don't like going alone – you'll have time.

G e y. No, no, I can't go, go away, run. What time does the close?

T(a t a). *Three*^{129*}.

T(a t a). Ну, бегом теперь – вверх, вниз, по Piazza Barberini, по грязному Tritone...

М о л о д о й и т а л ь я н е ц (*мимоходом*). Quanto e carina quella ragazza!^{130*}

T(a t a) (*конечно, делает вид*), как будто бы не слышит, ускоряет шаг).

Несносные они какие, ну, ну – вот еще один идет (*мужчина, проходя, подглядывает под шляпой*: “Angello mio!”^{131*}). Знала я, что заговорит, – ну, пускай их – надо ко все-

^{126*} М(а л ь в и д а). Так иди же сюда, дитя мое, оденься и назови мне главную реку Германии.

О л ь г а. Но сегодня же урок истории – совершенно точно.

М а л ь(в и д а). Так – ну, хорошо, тогда – что у вас было? Да, да, кто был или как звали того оратора, который так воодушевлял греческий народ?

О л ь г а. Это был... Это был... Линда, иди сюда, бедная старушка.

М а л ь(в и д а). Ну, Ольга...

Ж е о р ж и н а (*mezza voce (вполголоса (итал.)) Tame*). Вы можете поторапливаться, когда идете к своим русским, я же никогда!

T(a t a). Успокойся, Джей.

Ж е о р ж и н а. Хорошо, я все расскажу вашему папаше в следующем письме, которое я ему напишу.

T(a t a). Это письмо, которое ты вечно собираешься ему написать, видимо, будет очень длинным, если ты, действительно, напишешь все, о чем собираешься ему сообщить.

Ж(е о р ж и н а). Берегитесь, такой день придет. А теперь все уже готово, садитесь и ешьте.

T(a t a). Звонят. Ну, вот, Ольга, барышня пришла, а ты в постели (*нем., англ., итал.*).

^{127*} Мали, что мне делать, Мали, пожалуйста, помоги мне.

М(а л ь в и д а). Ты сама виновата, дитя мое, я тебе это достаточно часто говорила. – Ну, теперь иди скорей – попросите барышню подождать немного, Жеоржина.

О л ь г а. Ах, ничего не приготовлено, мое яйцо не взбито (*нем., англ.*).

^{128*} Тата, взбей мне его, пожалуйста, и влей в него побольше лимонного (сока), очень много, и очень много сахара. Мали, пожалуйста, *намасли* мне хлеб.

М а л ь(в и д а). Да, мы уж все приготовим, будь только ты готова.

T(a t a). А мне тоже нужно бежать. Жеоржина, принеси мне еще немного мяса для сэндвичей.

О л ь г а. Все не бери, оставь и мне немножко.

М(а л ь в и д а). Фи, Ольга!

О л ь г а. Но, Мали, если бы я этого не сказала, Джей отдала бы все Тате.

T a t a. Я это беру к завтраку в галерею, – впрочем, я не могу все взять, будь спокойна, хватит для всех. Иди только скорее к барышне (*нем., англ.*).

^{129*} Д ж е й. Скверная барышня, вот увидите, я еще напишу вашему папаше и все ему расскажу.

T(a t a) Да, я знаю, ну, Джей, ты и за мной, пожалуйста, приходи, я не люблю ходить одна – ты успеешь.

Д ж е й. Нет, нет, я не смогу. Идите же скорее, бегите. Во сколько закрывается галерея?

T(a t a). *В три (англ.)*.

^{130*} Как мила эта девушка! (*итал.*)

^{131*} “Ангел мой!” (*итал.*)

му привыкать – они ведь не пристают, когда видят, что серьезно проходишь. Вот фонтан Треви – сейчас будет Corso. (*Входит во двор Palazzo Sciarra, звонит.*) Верно, мой старый англичанин тут.

Швейцарский лакей отворяет дверь: “Guten Morgen, Fräulein”^{132*}.

Т(а т а). Guten Morgen. Какой наглый вид у него, ужасное лицо (*входит в галерею*). Ну, так и есть, старик уже тут. Кто придет еще сегодня? Надеюсь, старая дама, а то так неловко мне будет, учитель придет, а тут все мужчины. Отчего старик никогда не здоровается, делает (вид), как будто меня не замечает. (*Ставит картину на мольберт.*) Ах, как нехорошо, а Varmutelli был доволен – и М(альвида) тоже. Не понимаю, или у них глаза нехороши, или я вглядываюсь в оригинал. (*Начинает работать.*) У меня вышло все так деревянно – драпировка недурна и в цвет я сейчас попала, но тело, руки, шея. Ну, руки и в оригинале нехороши. (*Англик нагибается и своей огромной палитрой покрывает всю картину.*) Ну, если к этому он мне будет закрывать картину, что я буду делать, без того плохо видно под стеклом. Что же это он так стоит? (*Покашливает.*) Не помогает – сейчас скажу ему – нет, совестно (*шумит палочкой по мольберту*), непременно скажу... не могу. Ну, наконец-то отошел.

А н г л и к (*вдруг оборачивается и снимает очки*). That line is not right. You understand English, I know^{133*}.

Т(а т а) (*сконфуженно*). Yes, I do a little^{134*}. Откуда это он узнал, что знаю по-английски?!

Старик опять надевает очки и прилежно работает. Молчание. Вдруг он опять снимает очки и оборачивается.

С т(а р и к). Do You read Shakespeare?

Т(а т а). Yes, I do sometimes^{135*}. Какой странный вопрос...

Старик ситирует что-то, потом поспешно надевает очки и принимается за работу.

Т(а т а). Ничего не поняла – к чему он очки все снимает.

Та же комедия.

А н г л и ч(а н и н). You must know that I am a Reformer, yes, yes, and have wandered a good deal about the world, I’ve(?) been to America for many years, yes, yes, and preached those people, those Savages, how they ought to leave off their smoking, chewing and spiting – and all about Europe I have been but never been understood, never! They always looked upon me as fool...^{136*}

Т(а т а) (*про себя*). Да ты, кажется, в самом деле не совсем в порядке.

А н г(л и ч а н и н). You must also know that I never touch wine and never smoke^{137*} (*Бормочет вполголоса что-то о “humanity” and “civilisation”*^{138*}.)

Т(а т а) (*про себя*). Что мне ему отвечать или молчать? Лучше молчать – не хочу начинать разговаривать, а то помешает мне работать.

Через несколько минут:

А н г(л и ч а н и н). Have You read *Don Quixot*?^{139*}

Т(а т а). Что мне ему сказать – я не читала, но знаю, что такое примерно. – Yes, I have^{140*}.

^{132*} “Доброе утро, барышня” (нем.).

^{133*} Эта линия неверна. Вы ведь понимаете по-английски, я знаю (англ.).

^{134*} Да, немного (англ.).

^{135*} Вы Шекспира читаете?

Т(а т а). Да, иногда (англ.).

^{136*} Вам следует знать, что я Реформатор – да, да – и я много странствовал по свету; много лет я пробыл в Америке – да, да – и проповедовал тамошним людям, этим дикарям, чтоб они бросили курить, жевать табак и сплевывать, и по всей Европе я ездил, но никогда меня не понимали, никогда! Они всегда смотрели на меня, как на безумца... (англ.).

^{137*} Да будет вам известно также, что я никогда не прикасался к вину и никогда не курил (англ.).

^{138*} “гуманности” и “цивилизации” (англ.).

^{139*} Вы читали “Дон-Кихота”? (англ.)

^{140*} Да, читала (англ.).

А н г л и ч а н и н): Well, fancy I have been called "Don Quixot"^{141*}. I, I (с амфазой)^{142*} and by a wife!^{143*}

Т(а т а) (про себя): Какой чудак, он в самом деле сумасшедший. Кто он такой? Может быть, жизнь его очень интересна. – Может быть, у него молодость была несчастная. – Бог знает. Во всяком случае, замечание жен(щин)ы довольно верное: он напоминает Don-Quixot'a.

Дверь открывается, входят двое итальянцев, которые копируют "Сирена" Рафаэля. Один из них, белокурый, отпускает бакенбарды à l'anglaise^{144*}, и вообще в манерах и одежде видно, что цель его быть как можно больше похожим на англичанина.

Т(а т а). Ну, они не очень прилежны. Теперь уже 12-ый час. Но что же дама не идет?

Англич(анин) кладет кисти и палитру в угол, берет огромную бархатную шаль и выходит большими, мерными, торжественными шагами. Итальянцы смеются над ним. Входит толстенькая старушка и сразу начинает болтать, с ужасной быстротой, с италианцами.

Т(а т а). А вот пришла старушка – теперь пусть приходит Varmutelli.

Как голодна и ноги устали, но делать нечего, надобно простоять до пушечного выстрела.

Входит Varmutelli.

V(a r m u t e l l i). Bonjour, mad(emoiselle).

Т(а т а). Bonjour, m(onsieu)r V(a r m u t e l l i). Ça avance lentement?

М-г V(a r m u t e l l i). Non, non, ça va bien, va bene, seulement courage plus décidé^{145*}.

Т(а т а) (про себя). Ну, он, верно, пальцем что-нибудь сотрет...

V(a r m u t e l l i). Cet œil est trop forcé, il faut du noir^{146*}. (Стирает пальцем глаза) Comme ça, va mieux!

Т(а т а). Qui, m(onsieu)r^{147*}. Черт возьми – досадно, все утро я работала над этим глазом, а теперь он мне в миг все стер! Разве не лучше показать карандашом или кистью?

V(a r m u t e l l i). Je vous gâte tout, je suis méchant, trop sévère?

Т(а т а). Du tout, m(onsieu)r, il faut être sévère, autrement l'élève ne peut pas faire le progrès. Soyez bien sévère avec moi, surtout pour le dessin, je vous en prie.

V(a r m u t e l l i). Qui fait ça?^{148*} (показывает на картину анг(личанина)).

Т(а т а). Le même vieillard anglais – ce n'est pas une bonne manière de commencer, n'est-ce pas, m(onsieu)r?

V(a r m u t e l l i). Affreux, horrible.

Т(а т а). Il a un drôle de système, il n'emploie que trois couleurs – vermillon, bleu et blanc, que pent-on faire avec cela?

V(a r m u t e l l i). Et puis le dessein.

Т(а т а). Le voilà^{149*}.

^{141*} Да, представьте себе, меня называли Дон-Кихотом. Меня, меня! (англ.)

^{142*} напыщенно (от франц. emphase).

^{143*} и кто – жена! (англ.)

^{144*} на английский манер (франц.).

^{145*} В(а р м у т е л л и). Добрый день, бар(ышня).

Т(а т а): Добрый день, г-н Вармутелли. Что, медленно идет дело? (франц.)

Г-н В(армутелли). Нет, нет, идет хорошо, идет отлично, только надо посмелее, больше решительности (франц., итал.).

^{146*} В(а р м у т е л л и). Этот глаз слишком зарисован, надо добавить черного (франц.).

^{147*} Вот так, так будет лучше!

Т(а т а). Да, сударь (франц.).

^{148*} В(а р м у т е л л и): Я вам все порчу, я злой, слишком строгий?

Т(а т а). Нисколько, сударь, надо быть строгим, иначе ученик не может делать успехи. Будьте со мной строги, особенно в рисунке, прошу вас.

В(а р м у т е л л и). Кто делает это? (франц.)

^{149*} Т(а т а). Тот же старый англичанин. Плохое начало, не правда ли, с(уда)рь?

В(а р м у т е л л и). Ужасно, отвратительно.

Т(а т а). У него странная система, он использует только три цвета – киноварь, синьку и белила, что с этим можно сделать?

В(а р м у т е л л и). И потом рисунок.

Т(а т а). Вот он (франц.).

Англичанин возвращается.

V(a r m u t e l l i). Prenez de la “terre verte” beaucoup plus, mettez en dans toutes les ombres^{150*}.

Тата улыбается.

Vous riez, oui, je suis grand ami de la “terre verte”, c’est une magnifique couleur pour les demie-teintes. Je vous écrirai “terre verte” en grandes lettres sur le chevalet. Elle sera finie, “votre belle”, en deux ou trois jours.

T(a t a). Je travaille si lentement, m(onsieu)r – et puis, je dois céder place à quelqu’un d’autre maintenant, le directeur m’a dit que je devrais faire une pause de 14–15 jours.

V(a r m u t e l l i). C’est très désagréable.

T(a t a). A vrai dire, je suis contente, m(onsieu)r, parce que je suis fatiguée de ma “Belle”, une pause me sera très agréable, au contraire^{151*}.

А теперь поздравляю тебя, милый Папаша, и крепко тебя целую. Дарю тебе мою несчастную “Красавицу”³ и если хочешь, пришлю продолжение “Дня” в следующем письме, нынче не успею больше написать. Проведи рождение весело. Мы будем, конечно, думать о вас, я постараюсь быть как можно веселее. Но это день, назначенный для Катиного отъезда⁴. Может быть, их погода задержит, надеюсь! Все последнее время была очень нехорошая погода – холод, дождь, ветер непрестанные.

Всех целую.

Твоя Т а т а

Хотелось (бы) видеть знакомых, которые будут у вас в этот день⁵.

¹ Письмо с поздравлениями Герцену (ко дню рождения 6 апреля) писалось, очевидно, в последнюю субботу марта или накануне (суббота – “день почты”); обещая прислать продолжение описания своего “Дня” в следующем письме, Тата объясняет, что “нынче” не успеет “больше написать”. 7 апреля Герцен отвечал: «Сейчас получили твой рассказ вашего дня – от души мы смеялись – он очень мил и забавен. Ты будешь писать des pièces de théâtre (театральные пьесы (франц.)) с illustrations à la “Punch” (с иллюстрациями на манер “Punch’a”) (франц.)) (XXVII, 453). Продолжение “Дня” было написано в последние дни марта, после 27.

² Линда – кличка Ольгиной собаки.

³ Тата послала отцу в подарок выполненную ею копию с картины Тициана “La bella” (“Красавица”).

⁴ Е. Владимирова с братом намеревались 6 апреля отправиться в Англию, но, очевидно, задержались. В первые дни мая они посетили Теддингтон на пути в Уэльс, но Герцена не застали.

⁵ Герцен ответил 6–7 апреля (XXVII, 452–453).

(После 27) марта 1864. Рим¹

Продолжение “Дня”

Слышен пушечный выстрел и звон всех колоколов – все бросают работу, учитель прощается. Тата остается одна.

T(a t a) (про себя). Вот рада я, уж как устали ноги (садится, вынимает из кармана “sandwich”^{152*} и ест. Через несколько минут подходит к окну).

На противоположной стороне большой кафе “Шиарра” – разные озабоченные лица входят и выходят – у двери останавливаются франты, разговаривают, курят, хотят, тросточкой играют, смотря в стекло дверей, поправляют шляпу и волосы, кто больше направо наденет, кто налево, а кто на лоб по чистой итальянской моде.

^{150*} V(a r m u t e l l i). Возьмите “зеленой земли” намного больше, наложите ее на все тени (франц.).

^{151*} Вы смеетесь, да, я большой любитель “зеленой земли”, это великолепный цвет для полутеней. Я вам напишу “зеленая земля” большими буквами на мольберте. Она будет окончена, ваша “Красавица”, в два-три дня.

T(a t a). Я работаю так медленно, (ударь), и к тому же теперь должна уступить место кому-то другому; директор сказал мне, что я должна сделать перерыв на 14–15 дней.

V(a r m u t e l l i). Это очень неприятно.

T(a t a). По правде говоря, я довольна, сударь, потому что я устала от моей “Красавицы”, перерыв мне будет, наоборот, очень приятен (франц.).

^{152*} “бутерброд” (англ.).

ДОМЕНИКО БОНФАНТИ,
СОЛДАТ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

Рисунок Таты Герцен (карандаш, уголь). Флоренция, март 1863 г. На обороте надпись ее же рукой: "Доменико Бонфанти. Возраст 80 лет. Солдат Наполеона I. Наталья Герцен. Март 1863"

Музей Герцена, Москва

Стена у кафе покрыта афишками: во-первых, пьесы, которые нынче будут во всех театрах, отъезды дилижансов, где находится самое лучшее дешевое вино, пятьдесят скуд награды – потерянный лорнет (должно быть с бриллиантами). Но в этот день одна огромная зеленая афишка привлекала все взгляды, она бросилась Т(ате) в глаза, как только она подошла к окну.

Т(ата): Что это, неужели старый знакомый – Grande ripresentazione^{153*} ... и т.д. Sig(n)o(r Biondin!¹⁵² Вот куда он заехал. Все останавливаются, смотрят – о, здесь он свое дело сделает!..

А по улице проезжают коляски, полные туристами, в искомканных платьях и шляпах с красным "Mugtau"^{154*} и биноклем через плечо... Старик возвращается.

Т(ата). Хотелось бы мне знать, слышал ли о Папаше, о "Колоколе" – сяду в уголок, стану читать "Колокол", он, верно, обернется и спросит, что такое... (Садится и читает, но англичанин с свежей энергией берется за работу, еще больше расставляет ноги, еще больше и чаще подходит к оригиналу, не замечает ни Тату, ни "Колокол", не спрашивает, что это

такое, и так Т(ата), ничего не узнавши, должна опять приняться за работу.)

Мало-помалу возвращаются "копиисты" и по-прежнему хохочут и болтают. Т(ата) и а(нгличанин) работают молча – в два является лакей, вымытый, причесанный и в другой ливрее. Зная, что в это время приходит солнце, он должен опустить столы, после чего каждый раз анг(личанин) с удивлением оборачивается и бормочет что-то. Швейцарский лакей нагло улыбается и подходит ко мне.

Л а к е й. Der wird bin fertig, der da...^{155*}

(Т(ата) молчит.)

Der scheint mir nicht recht klug zu sein, ja, ja!^{156*}

Т(ата) (про себя). Как ему не совестно, ну если старик понимает, однако нет – он так усердно работает, что ничего не слышит.

Л а к е й. Werden Sie noch lange schaffen?

Т(ата). Ich weiss nicht, noch einige Tage!^{157*}

Л а к е й. Die Fürstin geht bald fort und...^{158*} (Слышен звонок, он убегает.)

* * *

^{153*} Большое представление (итал.).

^{154*} "Плюмажем" (англ.).

^{155*} Этот вот-вот будет готов, этот здесь... (нем.).

^{156*} Этот кажется мне не совсем в своем уме, да, да! (нем.).

^{157*} Долго еще будете вы творить?

Т(ата). Не знаю, еще несколько дней (нем.).

^{158*} Княгиня сейчас выйдет и... (нем.).

(Маленькая сценка для Натали, я ей расскажу при свидании.)

Т < а т а >. Мне этот человек ужасно противен...

А н г < л и ч а н и н > (*вдруг снимает очки и оборачивается*). J'admire Your courage. Oh yes! But I am sorry to see such talent and perseverance wasted with such a palet – what colours have You got, colours fit to paint the chesty floor!^{159*}.

Т < а т а > (*удивленно*). Why?^{160*}

А н < г л и ч а н и н >. Look at my palet. I make no secret of it, look, see. I use the very colours that Titian used – yes. I have studied him these twenty years... tell me now really and sincerely, don't You laugh at my way of painting?^{161*}

Т < а т а > (*смушенная*). No, not at all, why should I? No one can judge before the work is finished!^{162*}.

А н г < л и ч а н и н >. You must, you must having such a palet yourself!^{163*}.

(*Опять поспешно принимается за работу.*)

Т < а т а >. Не работается больше, пользы больше бы было, если б я пораньше возвращалась и что-нибудь другое дома делала – только что подумает Мальв(ида) и директор галереи, пожалуй, не будет доволен хотя я, в сущности, больше работаю, чем эти болтуны.

Слышна музыка вдали.

Т < а т а > (*про себя*). Французские солдаты пройдут сейчас под стенами. (*Музыка почти под окном.*) Мне выглянуть или нет? Конечно, ничего интересного нет, но это будет маленький отдых. Нет, каждый раз, когда проходят солдаты, я вспоминаю, что женщин упрекают в том, что они любят мундиры; это меня останавливает, да, пожалуй, англик мой какое-нибудь замечание сделает – не пойду. (*Музыка проходит.*) Теперь они уже далеко, он не может подумать, что я хочу только посмотреть на мундиры, – отдохну (*подходит опять к окну*). Сцена с утра переменялась, озабоченные лица исчезли, на улице ужасная пестрота, наряды, шляпки, перья, платья с шлейфами, которые поднимаются, тащатся по всевозможным визитам. Группа франтов умножилась, и проходу нет от богатых колясок, разных "princip'ов и principess!^{164*}.

Т < а т а > (*про себя*). Как наряжаются, друг другу кланяются, – препустой народ! Они бы целый день готовы таскаться по улицам – да наряды!!!!.. Но ведь и мне приятнее было бы получше одеваться – но не для того, чтобы расхаживать по Corso, – мне всегда неприятно выходить отсюда в три часа: именно когда нарядные ходят, я всегда запачканная, в рабочем платье – неприятно – особенно когда одна, и знакомых встречаю – не все ведь знают, что я только что из галереи. (*Краснеет и как будто для того, чтоб от самой себя скрыть, смотрит на часы.*)

Ну, слава Богу, уже три, все уши, кроме англика, – он дольше остается. (*Убирает.*) Вот хорошая выдумка (*поднимает крышку черного ящика красок, употребляет его как зеркало – и оправляет волосы и шляпку*). Надобно бы новую шляпку – да платье, пальто: если на то пошло – все старо, а денег нет – фу, стыдно столько думать об одежде (*выходит в сени, лакеи кланяются*).

Т < а т а > уходит.

Т < а т а >. Хорошо, что мне мало приходится идти по Corso. Сейчас поверну направо. Меня дома, верно, ждет записочка от Кати. Она, верно, просит опять, чтобы

^{159*} Я восхищен вашим мужеством, о, да! Но мне досадно видеть, что такой талант и упорство пропадают зря, потому что вы пользуетесь такой палитрой – ну, что у вас за краски, такими красками можно только пыльный пол покрывать (*франц. и англ.*).

^{160*} Почему? (*англ.*)

^{161*} Посмотрите на мою палитру. Я ничего не скрываю, смотрите, глядите. Я пользуюсь такими же красками, какими пользовался Тициан, – да! Я двадцать последних лет изучал его... ну, скажите мне теперь честно и искренне, не смеетесь ли вы над моей манерой письма? (*англ.*)

^{162*} Нет,нисколько, с чего бы мне? Нельзя судить о работе, когда она еще не закончена (*англ.*).

^{163*} Вы должны, вы должны пользоваться сами такой же палитрой... (*англ.*)

^{164*} князей и княгинь (*итал.*).

я у них обедала, но нет, это будет, в самом деле, слишком много. Пойду к ним вечером, а то ведь и Мальвида совсем из терпения выйдет – я иногда удивляюсь ее снисходительности – вот уж я не могу жаловаться, что свободы нет... Какой сегодня день? – День “Villa Pamfila Doria” – наверно встречу Волод(имировых) – ах, как приятно, именно час. Ну, так и есть – как это я отгадала? Вон эта коляска, да и кучер – кучер уж узнал – для чего же я так краснею, ни на что не похоже, сама чувствую. (*Большая четырехместная коляска проезжает, в ней сидит один В(олодимиров), видит Т(ату), кланяется, проезжает.*) А покраснела я оттого, что одна и в рабочем платье, и мне кажется все, что самому В(олодимирову) как-то неловко и неприятно раскланиваться со мной. Он всегда одет таким франтом – как-то поневоле думаешь об одежде, когда кругом все наряжаются. Не моя вина. Ах, m-me Мамонова! (*М-me М(амонова) выбегает из двери, подходит к Т(ате) и говорит с ужасной скорговоркой*): Ах, Тата, Наташа, милая моя, как я рада вас видеть, мы вас так редко видим теперь.

Т (а т а). Извините, пожалуйста, но я в последнее время...

М-me М (а м о н о в а). Знаю, знаю, душенька, у вас молодые знакомые, я для вас рада, забавляйтесь, но так иногда, когда вздумается, заходите к нам, вы нам доставите этим такое удовольствие, так вечером иногда, когда Эммануил (m-г М(амонов)) дома. *Que fait la chère petite Olga? Et m-lle M(eysenbug) ... (2 нрзб.) de conseils de votre père rien sur la Pologne, la Russie*^{165*}.

¹ Датируется по соотношению с началом “Дня”, отправленным Герцену, очевидно, 26 марта (см. пред. письмо). Настоящее письмо, видимо, сохранилось не полностью (послано было вместе с письмом Таты к Тучковой-Огаревой от 21 мая – см. ниже в настоящей книге).

² Ш. Блонден – французский эквилибрист-канатоходец, прославился в 1850-е годы как “герой Ниагары” (во время гастролей в Америке не раз переходил по канату через Ниагарский водопад).

Милый Папаша!

Кончила я теперь голову молодого Carminillo², которую писала для Кати. Я думаю, тебя обрадует слышать, что я в этот раз в самом деле сама чувствую, что сделала успехи. Работа опять не тонка, это моя слабая сторона, не могу слишком долго над одной вещью работать, когда стараюсь потоньше обделать, то теряю характер. S-r Varmutelli утешает тем, что главное – совсем не отделка кисти, а рисунок, главные массы света, теней и колорит. Колорит этой последней головы немножко бел, но это ничего, потому что я очень склонна все делать темнее, поэтому sig. Varmutelli мне задал трудную задачу, т.е. написать эту голову на почти белом фоне^{166*}. Во всяком случае, если сама голова не всем будет нравиться, я знаю, что, работая над ней, я сделала много успехов. Прежде чем я ее начала, она была уже посвящена Кате – я ей обещала ее. Уезжая, она мне подарила кольцо, а я ей обещала прислать голову, как только кончу. Я теперь дразню этим Мальvidу, та не хочет расставаться с ней и говорит: “Und Katja bekommt Sie nicht so sicher wie zwei Mal zwei vier ist!”^{167*} Мне ужасно досадно, что не училась у Varmutelli всю зиму, но что делать, не так легко найти, где раки зимуют! Он уже через две недели едет в Париж, где только что очень выгодно продал свою картину “Une intrigue à Venise”^{168*3} кн. Mathilde⁴. Поэтому мне план Флоренции очень нравится⁵, там, по крайней мере, m-lle Volkmar и, главное, Усси, который после запонок, наверное, с охотой будет заниматься мной, но Мальвида совсем на это не согласна, ей не хочется раньше прекратить Ольгины уроки, не стоит, говорит она, переезжать на несколько недель, время это будет для

^{165*} Что подделывает милая маленькая Ольга? И м-ль М(ейсенбург)... (2 нрзб.) советов вашего отца, ничего о Польше, о России (франц.).

^{166*} фоне (франц. fond).

^{167*} “И Катя не получит ее, это так же точно, как дважды два – четыре!” (нем.).

^{168*} “Интрижка в Венеции” (франц.).

Ольги совсем потеряно. Между тем и Саше очень хочется, чтобы мы приехали. Мамоновы скоро едут туда. Что ты думаешь, Папаша, нельзя ли бы мне с ними съездить туда, они очень просят, поживу я там с ними или с Сашей возле m-lle Gairrà, пока ты решишь, что делать. М(альвида) за мной заедет на возвратном пути. Конечно, я буду там заниматься и познакомлюсь с Муравьевыми, которых Саша очень хвалит. Пожалуйста, отвечай by return of post!^{169*}, если согласен⁶.

Вчера мы получили кучу "Колоколов" via Russel, но маленькой трагедии нет⁷.

Всех целую.

Ваша Тата Г.

Передай записочку Кате – они будут у вас на днях⁸.

¹ Ответ на письмо Герцена от 20 апреля (XXVII, 462–463). Почта из Лондона до Рима шла около шести дней.

² Этот портрет до нас не дошел.

³ Местонахождение этой картины неизвестно.

⁴ Принцесса *Матильда* – племянница Наполеона I, дочь короля Голландии, двоюродная сестра Наполеона III, жена известного русского богача кн. П.Н. Демидова. Коллекционировала картины и другие произведения искусства. До женитьбы Наполеона III возглавляла его двор.

⁵ 20 апреля Герцен писал Тате и Мейзенбуг о большом общественном резонансе торжественной встречи у него Гарибальди и Маццини 17 апреля. Этот "шум", предполагал он, вероятно, помешает его поездке в Бельгию и предполагавшемуся переселению туда семьи (см. XXVII, 442–443, 453; п. 32). В связи с этим он добавлял: "Пора вам ехать в Флоренцию и ждать финальной резолюции" (XXVII, 463).

⁶ 6 мая Герцен отвечал: "Мне очень жаль, но я не могу согласиться на твою поездку во Флоренцию. Если хочешь видеть Сашу – он может приехать или после 29 вы можете там пробыть две недели (...) Нельзя (...) вечно исполнять все свои желания. Жизнь исполнена лишений. Я рад, что мог тебе доставить эти полтора года. Теперь зову тебя домой" (XXVII, 469). А.А. Герцен приехал в конце мая в Рим, чтобы организовать поездку сестер в Англию.

⁷ Через *Росселя*, знакомого Платенауэра в Риме, очевидно, была вторично послана Тате "Трагедия за стаканом грога" (см. п. 32).

⁸ Герцен ответил 6 мая (XXVII, 469).

Вот как здесь смеются над людьми, еще stoppage^{170*} – в Сомо, нас задержали Кашперовы¹, в Luino на Lago Maggiore мы остались лишние сутки от погоды, ужасный дождь. Саша поехал вперед в Арону, чтобы взять места в дилижансе. Ночью погода вдруг переменялась, сделалось ясно, чудесно так, что переезд был просто himmlisch, göttisch^{171*}.

Приплыли мы к Isola Bella в одиннадцатом часу утра, встретились с Сашей, остались целый день там, чтобы осмотреть острова – главное все-таки виды, на Isola Bella дворец слишком велик – в Isola Madre – сад славный, в нем нельзя гулять без гида. Это очень скучно – но виды везде превосходны. Так как дилижансы были уже все полны, нам пришлось опять же остаться день (в) Ароне – погода отличилась, Италия хотела оставить нам веселое, воспоминание о разлуке. Катались мы по озеру – видели старый замок графов Вогомес – огромную бронзовую статую свя(ого) Карла Боромса – гуляли, а в половине первого ночью мы сели в дилижанс – и сидели до десяти часов вечера следующего дня, сейчас же легли, встали сегодня в 4, чтобы отправиться с первым поездом в Женеву. Поезд отправляется в 5 – мы были на станции в 5 без двух минут, поезд еще тут стоял, а нас не пустили – говоря, по закону запрещено пускать после пяти минут до отъезда поезда. Сколько Саша ни сердился и ни бранил их, нас все-таки не пустили, и вот мы сидим да ждем 11-ти часов – и полуспим от усталости.

^{169*} с обратной почтой (англ.).

^{170*} остановка (англ.).

^{171*} небесный, божественный (нем.).

Поэтому прощайте, крепко вас всех целую. До свиданья – когда? Chi lo sa^{172*} – но скоро.

Твоя Т а т а

19-го

Рукой А.А. Герцена:

Мы в Sion (Wallis) после великолепного переезда через Симплон. Вследствие ужасной бури мы потеряли двое суток, но зато потом было прелестно. Но зато мы остались с билетами, но без копейки денег – в Женеве они переночуют и завтра – 20-го – вечером поедут в Париж, где будут 21-го утром. Так кончается мое курриерство^{173*} – уж там они тебе сами напишут, как и когда приедут – я думаю, они могут быть в Лондоне 23-го².

Из Женевы напишу всем прочим.

С а ш а

Женева. 20-го

Вчера вечером приехали, деньги получили. Сегодня они едут в Париж. Переезд из Havre в Southampton 12 часов. Это так нелепо, что они поедут в Дувр.

С а ш а

¹ Старшие дочери Герцена выехали с Мейзенбург из Рима в Англию через Швейцарию около 12 июня (до Женевы их сопровождал А.А. Герцен). В Комо они гостили в семье В.Н. и А.Н. Кашперовых.

² Тата, Ольга и Мейзенбург приехали к Герцену в Борнемут 24 июня (XXVII, 485). Находились в Англии до 25 октября.

37

36. Via del Corso, III p(iano). Roma.

7-ого ноября 1864

Вот мы опять в Риме¹. Бог знает почему, я нынче не так радовалась возвращаться, как в прошлые раза. Насчет занятий еще ничего не устроено, а квартиру мы нашли дешевле, чем ожидали. 35 скуди в месяц – на Corso, третий этаж. Но мы, в самом деле, счастливы; до твоего письма к Саше мы еще колебались, ехать ли нам сухим путем или морем, но, получивши письмо², мы решились ехать в пятницу с паромом, пошли за билетами, – говорят, все пароходы опоздали; должно быть, по непогоде; пришлось отложить до субботы; в субботу мы услышали, что часть железной дороги между Livorno и Civita Vecchia оборвалась – к счастью, когда никакого поезда не было, но все путешественники должны были вернуться. К морю я, кажется, привыкла, я не была больна, несмотря на то, что море не было очень тихо, Ольга страдала. Но, к счастью, мы не были на море нынче ночью, была такая буря, молния, такой гром; я ничего подобного не слыхивала с тех пор, как Трюбнер со страху присел в Парк Гаузе.

Прощай, посылаю, не оканчивая, чтобы вы не беспокоились.

Всех целую, Тхор(жевскому) кланяюсь.

Ваша Т а т а

Твое письмо получили³, на днях буду писать Огареву⁴.

¹ Тата, Ольга и Мейзенбург вновь уехали из Лондона в Италию 25 октября (см. XXVII, 515, 518). В Ливорно 3 ноября их встречал А.А. Герцен (см. совместное письмо Таты и его к Огареву от 3 ноября – РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 7–8об.). 5 ноября он отправил их в Рим (куда они прибыли 6 ноября), а сам вернулся во Флоренцию.

² Это письмо Герцена, посланное в Ливорно, неизвестно (см. о нем в XXVII, 517, 921, № 217, с отнесением к “концу октября”). Оно написано Герценом около 31 октября и получено старшими детьми 3 или 4 ноября (приходилось на пятницу).

^{172*} Кто знает? (итал.)

^{173*} опекуństwo (от лат. curatura).

³ Письмо Герцена от 1 ноября (XXVII, 518–519, с датой “2 nov(embre), проставленной на следующий день, перед отправкой – см. ЛЖГ IV, 45). В нем Герцен выражал, в частности, обеспокоенность состоянием здоровья Огарева.

⁴ Это письмо Таты к Огареву, исполненное “истинной любви” и “искреннего участия”, неизвестно (см. о нем в п. 38, а также в XXVII, 530). См. ответ Огарева от 26 ноября в книге 1-й наст. тома. До нас дошло ее следующее письмо (начатое 28 ноября). В нем она 30 ноября писала: “Вчера мы получили письмо из Парижа от Папаши (от 24 ноября – XXVII, 530–531). Я с радостью услышала, что твое здоровье поправляется. Смотри же за собой” (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 12).

Ответ Герцена, посланный около 17 ноября, неизвестен. См. о нем XXVII, 523, 526, 922 (№ 220, с отнесением ко “второй половине ноября”) и п. 38.

38

№ 38

28-го ноября 1864.
№ 36. Corso. Roma, III° piano

Ты уже знаешь, милый Папаша, что мои занятия начались хорошо¹. Леманн сделал для меня исключение и принял в свой ателье, хотя класс не начнется до декабря или до тех пор, пока он не соберет, по крайней мере, семь, восемь учениц. Покуда я одна, я буду работать с гипса, теперь рисую черным карандашом *dénudé*^{174*}. Начинаю работать с 9–12, в первом часу возвращаюсь домой, так как все так близко, завтракаю и опять отправляюсь в ателье до 1/2 4-го или 4. Тут мы гуляем до обеда, т.е. до начала шестого.

Этим образом вечера очень длинные, я учу Ольгу, читаю одна после 9-ти, когда Ольга уложена. Я читаю громко “Charles V”²... по временам только приходят Грегориус, Линдемани и сыновья Швабе – они здесь на короткое время.

Письма твои и весть о здоровье Огарева меня очень огорчают, не понимаю его упрямства – т.е. желание быть в уединении понимаю, но Жюль³ ему не может мешать. Я решила ему написать письмецо, прося его взять кого-нибудь с собой, не знаю, хорошо ли сделала или нет, потому что я намекала на его здоровье, а до сих пор я никогда с ним не говорила об этом.

Итак, ты думаешь отпустить нас во Флоренцию на будущий год? Неужели мы навсегда рассыпались? Неужели ничего нельзя придумать, чтобы, по крайней мере, мы, т.е. ты, с нами был, ты и Ага.

Жизнь наша здесь устроилась лучше, чем я ожидала, дни проходят так тихо, т.е. спокойно и хорошо. *Mémoires de m-me Roland*⁴ я читаю теперь одна, они меня очень интересуют, какая она сама симпатичная женщина, я завидую ее уму и характеру. Покамест мы прочли только предисловие “Карла V-ого”. Оно сухо, но все-таки меня интересует, потому что ужасно хочется знать пояснее историю этого времени.

Natalie я уже писала, к рождению детей 23-его ноября⁵ – не бойся, я буду осторожна. И вообще буду избегать рассуждений о щекотливых предметах, потому что ничего не действует. Я не смотрю так строго, как Саша, но что N(atalie) разрушает семейную нашу жизнь, это ясно. О жизни ее и M(альвиды) в одном доме и думать нечего – со мной одной, может быть, устроилось бы – я снисходительнее других в этом случае.

Мальвиде очень нездоровится, головная боль мучает ее уже вторую неделю.

29-ого

Только что получили ваши письма⁶ и искренно радуемся. Молчание долгое нас очень беспокоило. Ты совсем прав в том, что говоришь о N(atalie). Если б можно было бы “привить” ей немножко энергии, храбрости и спокойного взгляда на вещи, она была (бы) гораздо счастливее. Я чувствую, что жизнь m-me Roland я недаром читаю, она особенно действует, потому что знаешь, что она это писала в тюрьме, короткое время – до самой последней минуты жизни – потом характер ее, серьезный, энергичный, великолепен сам по себе. Всем кланяюсь, тебя крепко целую.

Твоя Тата Г е р.

Ольга и Мальвида занимаются, будут писать в следующий раз.

^{174*} без оболочки (франц.).

**“ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА НА 1861 ГОД”
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА
ДОЧЕРИ ТАТЕ:**

**“20 Марта 1861 Tate Orsett house West(oum) terra(ce)”
Музей Герцена, Москва**

**В этом томе “Полярной звезды” были впервые опубликованы отрывки из VI части “Былого и дум”,
а также предисловие, написанное для отдельного издания книги**

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 17 ноября (см. ЛЖГ IV, 51). Видя невозможность совместной жизни старших дочерей с Н.А. Тучковой-Огаревой, Герцен в нем, вероятно, предлагал им обосноваться вместе с Сашей во Флоренции. О своих занятиях Тата писала, очевидно, в известном письме, полученном Герценом в Париже 23 ноября (см. XXVII, 528).

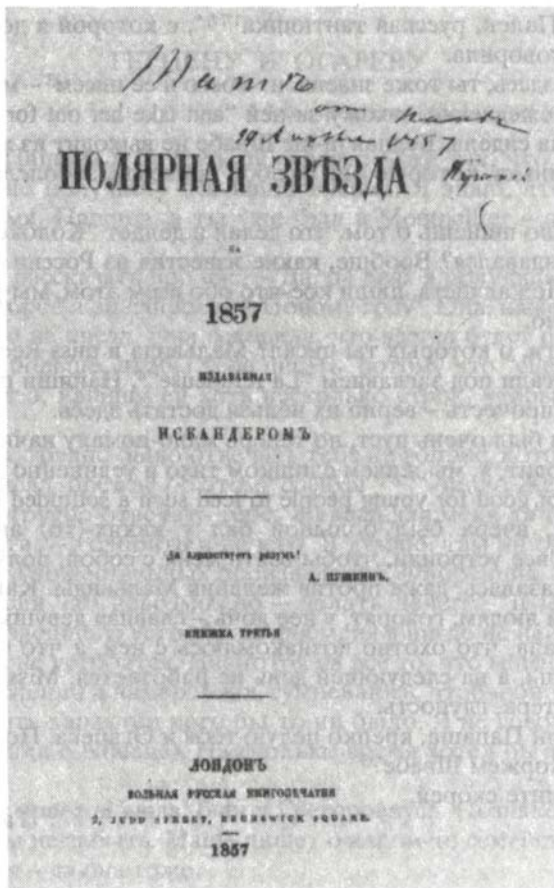
² Вероятно, монография Ф.-А.-М. Шенье “Charles-Quint...” (1854).

³ Жюль – слуга Герцена.

⁴ Вероятно, в руках Таты было одно из двух парижских изданий 1864 г. Книгу М.-Ж.-Ф. Ролан Герцен цитировал в статье “Березовский” (1867) как свидетельство готовности участников революции жертвовать жизнью, своей и чужой (XIX, 292–293).

⁵ Это письмо в Париж к Тучковой-Огаревой (“хорошее”, по отзыву Герцена, – XXVII, 531) неизвестно.

⁶ Письма Герцена от 24 ноября к Тате и к Мейзенбург (XXVII, 528–531) и, вероятно, неизвестные письма Тучковой-Огаревой. Герцен писал о ней Тате: “Несчастливая женщина и несчастная от себя, этим путем она идет к судорожному помрачению ума, и трудно сказать, что будет, если она не остановится” (XXVII, 531).

**“ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА НА 1857 ГОД”
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА
ДОЧЕРИ ТАТЕ:**

**“Тате от папы 19 Апреля 1857 Путней”
Музей Герцена, Москва**

В этом томе “Полярной звезды” была впервые опубликована III часть “Былого и дум”

39

27-ого января 1865 г.
136, Via Felice. II piano. Roma¹

Милый Папаша, мне очень жаль, что ты беспокоился о нас, как же это ты так долго ничего не получал; верно, потому, что все путешествуешь. И мы находим, что вы очень редко пишете. Что ты мне пишешь о Лизе, т.е. о дурном влиянии печального расположения духа Natalie, я уже отгадала и писала тебе о том, – но чем помочь?

Саша говорит в последнем письме, что надобно как-нибудь устроить свидание или всем соединиться в Ницце, к концу марта². Если б мы могли быть с Natalie вначале, утешать и помогать ей... (Только что пришел Грегоровиус и тебе кланяться велел “unbekannter Weise”^{175*} – другое дело – но теперь, мне кажется, не следовало бы бросить занятия. Для меня это ателье Леманна в самом деле отличное изобретение. Теперь к нам (при)соединились еще две барышни, m-lle Oppenheim, племянница Leh-

^{175*} “от лично незнакомого” (нем.).

тапп'а и графиня Пален, русская тантюшка^{176*}, с которой я до сих пор ни одного русского слова не говорила.

Что miss Reeve здесь, ты тоже знаешь из моего и ее писем³ – мы с ней очень дружны, я часто, почти ежедневно, захожу за ней “and take her out for a constitutional”^{177*}, а то она бы все дома сидела. Бедная m-me Швабе не выходит из хлопот – теперь сын выздоравливает, нянька, которую она с собой привезла, заболела, она за ней ходит, как за сыном.

Папаша, ты мало пишешь о том, что делал и делает “Колокол” все это время, – неужели все еще издавался? Вообще, какие известия из России – о Польше, верно, ни слуху, ни духу. Пожалуйста, пиши кое-что обо всем этом, мы решительно ничего не знаем, это ужасно.

Что это за книги, о которых ты писал? Мальвида и miss Reeve думают, что это то, что они уже читали под заглавием “La religieuse”⁴. Напиши пояснее имена авторов – мы не могли прочесть – верно их нельзя достать здесь.

До сих пор Рим был очень пуст, но теперь мало-помалу начинает наполняться.

Miss Reeve находит, я, мы живем слишком тихо и уединенно для меня: “You must see, my child, it is not good for young people to lead such a solituled life”^{178*}, – и сейчас взялась за работу, вчера был большой бал у каких-то англичан, знакомых m-me Ш(вабе), они все устроили, чтобы взять меня с собой, получили приглашение и т.д., однако я отказалась, даже против желания Мальвиды. Какая радость ехать к совсем незнакомым людям; говорят, у нее дочь – славная девушка, тоже занимается живописью; я сказала, что охотно познакомлюсь с ней, а что балы у незнакомых обыкновенно скучны, а на следующей день не работается. Miss Reeve говорит, что это слабость характера, глупость.

Прощай, добрый Папаша, крепко целую тебя и Огарева. Получил ли он письмо мое, посланное с Жоржем Швабе?⁵

Прощайте, пишите скорей.

Тата Герцен

28-ого января

Семейство Галле, верно, скоро будет в Риме...

Ольгины уроки русского языка были немножко неаккуратны, надобно сделать другое устройство, до сих пор она брала их вечером, усталая – после обеда. Когда miss Reeve уедет, все устроится, теперь надобно ей дать немножко время. Она, кстати, тебе кланяется и велела сказать, что жизнь в отелях – не ее идеал.

Знаешь ли ты, кто и какой человек русский поп в Брюсселе?

¹ Ответ на письма Герцена от 9–10 и 16 января (XXVIII, 12–13 и 18). В последнем он писал, что “начинает дивиться” их молчанию и беспокоится об их здоровье. Описывая “мрачное отчаяние” Тучковой-Огаревой после гибели 4 и 11 декабря 1864 г. их детей-близнецов, он прибавлял: “Одиночество и угрюмо траурный тон для Лизы вреден. Она капризничает от скуки и в то же время очень умна” (XXVIII, 18).

² Это письмо А.А. Герцена неизвестно. Съехаться весной в Ницце предлагал и Герцен в письмах от 9 и 16 января.

³ Эти письма неизвестны. Э. Рив приехала в Рим, вероятно, около 20 января. 16 января Тучкова-Огарева просила Тату поблагодарить ее за “дружеское письмо” (XXVIII, 21).

⁴ 9 января Герцен рекомендовал дочерям романы Эркмана-Шатриана “Histoire d'un conscrit de 1813” и “Madame Thérèse, ou les Volontaires de 92” (Р., 1864): “Ярче картин из времен французских войн мало найдется”, – и затем не раз советовал близким читать их (XXVIII, 12, 14, 21, 47). Мейзенбург же решила, что Герцен рекомендует “Монахиню” Д. Дидро (“La religieuse”; героиню также звали Терезой). 27 февраля Герцен писал ей вновь “о двух повестях необыкновенной красоты”, замечая шуточно: “Спутать марки-тантку армии Гоша – с монахиней... та... та... та... è troppo forte (но... но... но... это уже слишком (итал.))” (XXVIII, 36).

⁵ Это письмо неизвестно. Ответ Огарева от начала февраля см. в книге 1-й наст. тома.

^{176*} тетушка (от франц. tante).

^{177*} “и вытаскиваю ее на улицу погулять” (англ.).

^{178*} “Вы должны понять, дитя, нехорошо для молодых вести столь уединенную жизнь” (англ.).

ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

3-его февраля 1865. 136. Via Felice, II-do (piano). Roma

Милые друзья, Папаша и Огарев, не сердитесь же так, что мы мало пишем¹. Я уверена, что вы не получаете все наши письма. Я знаю, что послала письмо в Женеву на твое имя, Папаша, а ты уже был в Montpellier – переслали его или нет?²

Теперь – что же рассказать про нас? – Да, на днях я получила письмо от Маши, ответ на письмо, которое я ей написала к Новому году³. Она, кажется, очень обижается, что ты ей давно не писал. Она говорила, что всегда будет нас любить, но что рука не подымается больше, чтобы тебе писать, потому что “elle ne veut pas être de trop...”^{179*} Пожалуйста, напиши ей хоть несколько строк, чтобы убедить, что это вздор⁴.

Добрый Папаша, трудно было отвечать тебе на вопрос, который мы не знали. Ты нам ничего не писал прежде об этом “château”^{180*} около Женевы⁵ – или письмо твое пропало. И трудно отвечать тебе. Женева для меня лично ничуть не приманчива, для искусства – говорить и нечего. Я думаю, там ни одной галереи нет, ни одного собрания художественных произведений. Флоренция, по-моему, в тысячу раз лучше, но если это невозможно – делать нечего: “Il faut se contenter de Genève”^{181*}. Лучше здешнего устройства для меня я нигде не найду. Жизнь вместе на долгий срок тоже не устроится. Несмотря на все то, что могло переменить “несчастье” – в расположении и намерениях, сомневаюсь, чтобы оно могло совсем перевернуть, переменить характер кого бы то ни было. Я не говорю о себе, конечно, а об М(альвиде) или о N(аталie). На сколько время хотел бы ты взять этот дом в Женеве?

Самарин на днях приехал сюда, был у Грегоровиуса. Познакомиться нам с ним или нет?⁶ – Да, чтобы не забыть. Маша пишет о каком-то семействе Палеолог⁷, все тебе очень кланяются – да она тоже.

(Извини, Папаша, вышла такая путаница с страницами.)

4-ого фев(раля)

Сиж у Швабе в Hôtel de l'Empire и пишу вам, потому что отсюда посылают письма на большую почту.

Я продолжаю ходить к Леманну, хотя класс как-то не устраивается. “Ich dachte es wäre mehr ernstliches Streben im Leben”^{182*}. Но мной он доволен; говорит, что я единственная ученица, “die es ernstlich nimmt”^{183*}. Теперь приходит в ателье его племянница m-lle Oppenheim, талантливая девушка, но она еще немного училась, она под моим надзором в ателье, хотя двумя годами старше меня. Она рисует с гипса, m-r Lehmann ей ставит мои рисунки в пример. Писала я вам или нет, что он был чрезвычайно доволен двумя моими рисунками Сенеки⁸ – “Sie sind zum Seneka geboren!”^{184*}, – сказал он, когда я кончила, однако живопись не идет так скоро, я начинаю третью головку. Мне досадно, что я не могу скоро работать или наскоро делать эскизы всего на свете, m-lle Oppenheim, девица Lehmann, которые не в состоянии нарисовать большую голову, делают премилые эскизы. Я в этом всегда должна сравнивать себя с быками, которые медленно тащат большую тяжесть, пока лошадка и рысью и галопом бежит и прыгает.

С тех пор как miss Reeve мне посоветовала немножко выезжать, я начала

^{179*} “она не хочет быть назойливой” (франц.).

^{180*} замке (франц.).

^{181*} “Надо удовлетвориться Женевой” (франц.).

^{182*} “Я думала, что в жизни больше серьезных устремлений” (нем.).

^{183*} “которая занята делом серьезно” (нем.).

^{184*} “Вы рождены для Сенеки!” (нем.).

принимать приглашения – и пошли они, как по маслу, – вся будущая неделя вziata.

Да, я забыла сказать тебе, что встретила у Линдемманна m-г Schücking, известный писатель немецкий, он видел тебя и Гервега в Париже в 1848 году – кланяться велел⁹.

На этот раз прощайте, крепко вас целую, кланяюсь Тхор(жевскому), Чер(нецкому) и т.д.

Ваша Тата Г.

Если ты еще в Париже, попроси Львицкого переслать нам, Мальвиде, Ольге, еще портреты маленьких наших Лелей¹⁰ (на тонкой бумаге без картона). Мы два раза уже писали в Париж. Получил ли ты все? Это третье¹¹. Пояс¹² я не получила¹³.

¹ Ответ на письмо Герцена от 24–26 января (см. XXVIII, 24–25). Герцен в нем писал, что Тата “скупа на письма”, пишет “наскоро, редко”.

² 8 января Герцен получил из Женевы пересланные К. Фогтом письма дочерей (неизвестны); был “бесконечно доволен” ими (XXVIII, 11).

³ Неизвестное письмо М.К. Рейхель служило ответом на письмо Таты от 25 декабря 1864 г. См. ниже.

⁴ 9 февраля, сразу по получении наст. письма, Герцен написал Рейхель, прося извинить “глупое молчание” (XXVIII, 31–32).

⁵ 26 января Герцен писал Тате: “Женевский дом мне бы очень хотелось занять. Но не могу ни от кого добиться путного ответа – ни даже от Огар(ева)” (XXVIII, 25). Речь идет о château de la Boissière, подысканном В.И. Касаткиным для семьи Герцена. Во время пребывания в Женеве (28 декабря 1864 г. – 6 января 1865 г.) Герцен осматривал дом. В письме к Мейзенбуг от 24 января он также спрашивал об их намерениях в связи с возможным “решением снять замок близ Женевы” (XXVIII, 24).

⁶ Речь идет о Ю.Ф. Самарине. Ответ Герцена на это письмо, написанный, вероятно, в Париже между 8 и 12 февраля, неизвестен, но 27 февраля Герцен писал Мейзенбуг: “Что поделявает ваш Грегоровиус – с этими личностями, забрызганными польской кровью, этими ораторами царизма, вроде Самариных, Чичериных... и прочих Муравьевых?” (XXVIII, 36).

⁷ С Евгенией Ивановной Палеолог, дочерью владимирского губернатора И.Э. Куруты, и ее мужем Христофором Павловичем, отставным офицером, Герцен познакомился во владимирской ссылке, 1838–1839 гг., а затем знакомство продолжилось в Москве. Семья Палеологов, приехавшая в Дрезден в конце 1864 г. (вместе с Ю.Ф. Курутой, матерью Е.И.), вероятно, находилась там и в конце 1865 г. 22 декабря в письме к Рейхель Герцен передал им поклон (см. XXVIII, 126).

⁸ Эти рисунки неизвестны.

⁹ Немецкий писатель К.-Б.-Л. Шюкинг, описывая в своих мемуарах пребывание в Париже в 1846–1848 гг. и “немецкую литературную колонию” (в нее входили Г. Гейне, Г. Гервег, М. Гартман, К. Грюн, А. Вейль и др.), упоминает о знакомстве с Герценом и М.А. Бакуниним, которые “соприкасались с ней”. При этом характеризует Гервега как “человека, глубоко погруженного в свое величие, подобно индийскому факиру, мечтательно и лениво созерцающего свой пуп” (L. S c h ü c k i n g. Lebenserinnerungen, Bd. II. Breslau, 1886, s. 121, 124).

¹⁰ Эти фотографии умерших детей Герцена и Тучковой-Огаревой – Елены и Алексея – неизвестны.

¹¹ Очевидно, кроме п. 39, в Париж было отправлено дочерьми Герцена еще одно письмо, которое осталось неизвестным.

¹² 26 января Герцен сообщал Тате, что послал с Сашей, уехавшим из Монпелье во Флоренцию 9 января, пояс для нее (XXVII, 25, 59). Пояс был передан Тате с М. Бердушеком, ездившим в Рим в середине апреля.

¹³ На наст. письмо, полученное 8 или 9 февраля (см. XXVII, 31), Герцен ответил, вероятно, до отъезда из Парижа, 11 или 12 февраля (см. ЛЖГ IV, 96, 97).

Добрый, милый мой Папаша, виновата я; в самом деле, я чувствую, что последнее время была ужасно рассеянна. Только не сердись, не думай, что я вас забываю, что меньше об вас думаю, нет, я даже часто вижу вас во сне и, когда просыпаюсь, так досадно и жаль, что не могу наяву обнять и расцеловать тебя да всех. Отчасти m-me Schwabe виновата в моем рассеянии, я не видывала женщины подобной, она вмиг готова посадить кого бы то ни было за письменный стол, заставить писать, переписывать или читать – дать груз комиссий и т.д.

Посылаю тебе фотографию мою, сделанную здесь, в Риме, — многие находят, что я очень похожа на Наполеона I, что, впрочем, не ново, но ново то, что Мими Оппейгейм изобрела. Как по-твоему? Здесь всем очень нравится².

Как странно, Папаша, несколько часов до получения твоего письма я писала и жаловалась Полине, что нынче у нас никаких русских знакомых нет, что мы попали в немецкий круг и засели там³.

Так видать, что мы одного мнения, мне тоже досадно⁴ — скажу тебе только одно: сомневаюсь, что другие круга лучше. У m-me Schwabe мы встречали много англичан, все ведут такую пустую жизнь, что ни на что не похоже. Утром и днем визиты да визиты, вечером балы и рауты, и всё между собой, сегодня у m-rs So-and-So^{185*}, завтра m-rs такая-то, послезавтра у Lady ... просто сезон, как в Лондоне.

О русских я судить не могу, потому что решительно никого не знаю, кроме m-lle Капнист⁵, которая нынче зимой столько выезжала, что я всего-навсего ее раза два, три мельком видела на минуточку. Она очень много бывает в италийском кругу, ей это легко, потому что брат ее служит в посольстве⁶. Она бывает на балах у Дорио, Боргезе⁷, у всех посланников — другие русские, верно, так же живут — что же общего между нами, к чему знакомиться?

Интересно было бы быть на бале в одном из здешних дворцов, чтобы видеть эффект, залы огромные, великолепные, с этими картинами. Но все это не для нас. Для этого надобны наряды, экипажи и т.д. У немцев все "gemütlich"^{186*} и просто; впрочем, у нас и с ними мало общего, я теперь почти никого не вижу, кроме Орпенheim'ов. Дочь очень мила, жива и смешна, характер совсем не немецкий.

Грегоровиус часто ходит, мы даем ему английские уроки, т.е. заставляем его читать "Macaulay's essays" об Индии lord('a) Clive. Он мне за то приносит разные книги читать. Теперь я только что окончила трагедию Calderon'a "Das Leben ist ein Traum". Знаешь ли ты? Все происходит в Польше. Польский король воспитывает своего сына в глуши, в одинокой башне, в лесу, потому что по звездам узнал, что будет тиран и злодей⁸ Gregorovius советует прочесть еще два-три Calderon'a, а потом что-нибудь древних греческих поэтов.

Что тыпишешь об Ольге, Мальвида говорит, что никогда тебе не писала, что уроки идут так хорошо; она говорит, что уроки сами по себе и учителя хороши, но Ольга все еще так рассеянна, что просто руки опускаются — тем паче, что видно, что она не зависит от mauvaise volonté^{187*}, она хочет, но не может. Я только что писала Natalie⁹, что у нее, т.е. у Ольги, теперь очень милая подруга, которая очень хорошо действует на ее нервы, — Теофания Шюкинг, дочь пятнадцатилетняя господина, который о тебе спрашивал¹⁰. Но что бы Ольга делала в школе! Даже серьезная Теофания не может удерживать ее за уроком и по временам вспрыгивает от хохота. Теперь их четверо, Ольга, Ерсилля, Женевра и Теоф(ания) — все гораздо дальше Ольги, несмотря на то, что италийки никогда прежде не учились по-французски. Что Ага поправляется, меня очень радует. Куда ему писать?

Целую тебя, дружок Папаша.

Твоя Тата Г.

25-ое марта 1865

Рукой М. Мейзенбург:

Cher ami, si cette lettre vous trouve encore à Paris, je vous prie, pour la première fois, cet hiver, de nous envoyer de l'argent¹¹; ce dernier temps nous en avons(besoin) plus qu'à l'ordinaire; il y a aussi beaucoup à payer pour les occupations de Tata, puis nous avons fait quelques débauches autour (?) le carnaval, quelques parties avec m-me Schwabe etc. pour

^{185*} м(исси)с такой-то и такой-то (англ.).

^{186*} "уютно" (нем.).

^{187*} злой воли (франц.).

le divertissement des enfants. Enfin on ne pouvait pas tout refuser à aller lorsque toute la jeunesse s'amusait. Bien merci que l'Amérique donne de nouveau l'espérance¹². Quant aux progrès d'Olga, vous vous êtes trompés: j'ai dit que ses leçons sont excellentes et qu'elle a fait des progrès sous le rapport de la volonté, mais elle ne sait ni lire, ni écrire, ni compter sans fautes, quoique son excellent maître et moi y travaillons chaque jour sans interruption¹³. Ce soir nous allous voir le vieux Haxthausen (Russe) chez Schüking¹⁴. Nous lisons votre "Thérèse"¹⁵.

Adieu, bientôt (j'écirai) plus.

Votre "Non-Thérèse"^{188*16}

¹ Н.А. Герцен отвечает на неизвестное письмо Герцена, написанное 11 или 12 марта (см. о нем XXVIII, 40, 49, 394 – № 14).

² Эта фотография, где Тата "похожа на Наполеона I" неизвестна. Получив 5 апреля в Канне письмо и этот подарок, пересланные С.Л. Левицким из Парижа, Герцен писал ей 10 апреля: "Я давно не хохотал так от души, как над Наполеоном, благодаря за меня твою приятельницу и пришли еще экземпляры" (XXVIII, 56). См. ниже письмо Таты к Тучковой-Огаревой, написанное около 20 апреля.

³ Письмо Таты к П.С. Левицкой, дочери С.Л. Левицкого, в Париж, неизвестно.

⁴ 21 марта Герцен писал А.А. Герцену во Флоренцию: "Мне жаль, что Тата слишком много обращается в немецком обществе, я ей писал об этом. Думаю, что все это Швабе тормозит. Ты ей об этом напиши (...) осторожно, чтоб Мальв(ида) не обиделась" (XXVIII, 49).

⁵ О знакомстве Таты с гр. Александрой Алексеевной Капнист см. в п. 32.

⁶ Гр. П.А. Капнист служил в 1865–1866 гг. младшим секретарем русского посольства в Риме.

⁷ Речь идет о балах, устроивавшихся на villa Doria и villa Borghese.

⁸ Имеется в виду немецкий перевод знаменитой пьесы испанского драматурга П. Кальдерона "La vida es sueño".

⁹ Это письмо неизвестно.

¹⁰ Х.-Б.-Л. Шюкинг.

¹¹ Получив 5 апреля это письмо, пересланное Левицким из Парижа в Канны, Герцен 7 апреля выслал дочерям и Мейзенбург в Рим 1600 фр. (XXVIII, 58).

¹² Часть капитала Герцена была вложена в американские процентные бумаги, стоимость которых резко упала во время гражданской войны 1861–1865 гг. Победы северян подняли курс процентных бумаг (см. XXVIII, 40).

¹³ Ответ на письмо Герцена от 12 марта, в котором он выражал радость, "что с учением у Ольги хорошо". Однако, замечая, что ее "русские письма вселяют (...) скептицизм", спрашивал, читает ли она "бегло", пишет ли "достаточно правильно на каком-нибудь языке" и знает ли "правила арифметики". Только в этом случае "продвижение несомненно" (XXVIII, 40).

¹⁴ С немецким экономистом бар. А.-Ф.-Л. Гакстгаузеном, изучавшим социальные отношения в русской деревне, Герцен познакомился еще в России, около 13 мая 1843 г. (см. II, 281–282). 2 апреля 1865 г. Тата писала Тучковой-Огаревой: "Скажи Папаше, что я познакомилась с Haxthausen'ом у Шюкин-га, он был очень любезен, рассказывал много о Кавказе (...) У него престранные мистические мысли" (фотокопия РГБ с авт. ВП; ср. ЛЖГ IV, 114).

¹⁰ апреля Герцен собицл Мейзенбург, что посылает Гакстгаузену "брошюру" (вероятно, "Essai sur la situation russe" Огарева. Отправлена 13 апреля – XXVIII, 57, 59).

¹⁵ См. п. 39 и прим. 5 к нему.

¹⁶ Герцен ответил Тате и Мейзенбург 10 апреля (XXVIII, 56–58).

188* Дорогой друг, если это письмо найдет вас еще в Париже, то прошу вас, в первый раз, за нынешнюю зиму, послать нам денег¹¹; в последнее время они (нужны) нам больше, нежели обычно; следует также много заплатить за Татины занятия, потом мы сделали некоторые нарушения экономии – в связи с карнавалом, несколько поездок с г-жой Швабе етс. для развлечения детей. Наконец, нельзя же было во всем им отказывать при выезде, когда вся молодежь развлекалась. Хорошо еще, что Америка снова подает надежду¹². Что же касается успехов Ольги, то вы ошиблись: я сказала, что ее уроки превосходны и что она сделала успехи усилием воли, но она не умеет ни читать, ни писать, ни считать без ошибок, хотя ее превосходный учитель и я работаем над этим каждый день непрерывно¹³. Сегодня вечером мы увидим старого Гакстгаузена (русского) у Шюкин-га¹⁴. Мы читаем вашу "Терезу"¹⁵.

Прощайте, скоро (напишу) больше. Ваша "Н е-Т е р е з а"¹⁶ (франц.).

Воскресенье. 2 апреля 1865. 136, Via Felice. Roma

Душенька Папаша, поздравляю тебя с рождением и крепко-крепко тебя целую. Надеюсь, что Саша передал тебе вовремя мой “День царствования” m-me Schwabe¹.

Нынче в нашей жизни ничего нет такого смешного, как в прошлом году, ничего характеристического, что же делать? Это писание даст тебе идею (как *idée* по-русски?) суеты во время царствования Швабе. Если хочешь, я тебе пришлю продолжение. Может быть, ты и портрет мой получишь именно в день рождения – фотография эта на днях была послана в Париж. Не поблагодарить ли Mimi Oppenheim за нее...² Если она вас забавляет, я и Natalie пришлю.

О Женеве мы слышали только похвалы со всех сторон – только зиму нахваливают. Мальвида мне только что сообщила план свой – ах да, папаша, неужели это было бы совсем невозможно? На недельку ты бы приехал³.

Неужели тебе самому не хотелось бы взглянуть опять не только на нас, но на Рим и камни. Забудь, что здесь находятся все газеты, как, н(а)приме)р, (в) “Zürcher” или (в) другом (каком-)нибудь restaurant в Лондоне. Забудь папу и попов, политику и цивилизацию – на неделю, Папаша?! Как бы ты нас обрадовал – вот был бы праздник – сон – чудесный сон – ты бы отдохнул здесь.

Рим поможет тебе поправиться. Не думай, что я по-немецки восхищаюсь и “schwärme für Rom”^{189*}. Нет, но ты понимаешь разницу. На пути здешних прогулок – на каждом шагу бросается в глаза какая-нибудь развалина, угол прегрязной улицы или просто кусочек крыши противоположного дома – все это так ярко освещено, так живописно, что невольно думаешь с досадой о новых симметрических улицах ваших цивилизованных городов.

Прощай, друг Папаша, обнимаю и крепко целую тебя. Думай о нас 6-го апреля⁴.

Твоя Тата Г.

Пояс я еще не получила⁵.

¹ Эти “сценки” неизвестны. Получив их (видимо, в письме А.А. Герцена) и наст. письмо, Герцен писал Тате 10 апреля, что “очень доволен” последним письмом. “Много смеялся я над твоей статьей – у тебя есть решительный талант именно к этим Genrebilder’ам в литературе и талант разговорного слова (...) Пиши больше, бери рамы пошире, я буду с тобой вместе читать и подчищать”. О “Швабином дне” Герцен вспоминал и в письме от 12 августа (см. XXVIII, 56, 91).

² См. п. 41, прим. 2.

³ Очевидно, приглашение Герцену приехать в Рим содержалось в неизвестном письме Мейзенбург, написанном также 2 апреля (см. о нем в п. 43).

⁴ День рождения Герцена.

⁵ Герцен ответил 10 апреля (XXVIII, 56–57).

(Рим) 4 апреля 1865

И мне очень жаль, что я не была с тобой у гроба, друг мой Папаша. Милые наши дитятки – где они теперь? Ты пишешь, что сгубили деревья – как так – неужели они высохли? это было бы ужасно досадно¹.

Да, Папаша, я знаю, что для моего развотия вообще мне гораздо полезнее жить с тобой, да не только для развития; я все-таки не могу быть совсем счастлива так далеко от тебя. В тебе я уверена, я знаю, что ты меня в самом деле любишь, что ты рад, когда я около тебя – поэтому я всего счастливее, когда с тобой. Но не могу скрыть тебе, что я уставала дома от вечных, не знаю, как назвать – “пиков”^{190*} – неприятных разговоров – обидчивостей и т.д. Тогда я не видела конца этому. Теперь, верно, все переменялось. С какой любовью и интересом я занимаюсь или могу за-

^{189*} “мечтаю о Риме” (нем.).

^{190*} “колкостей” (от франц. piques).

ниматься с Лизой, ты видел в Bournemouth'е. Я не только готова опять приняться за дело, но искренне желаю это. Оно доставляет мне удовольствие – и то, что ты называешь “эгоистической nonchalance”^{191*} в этом случае, т.е. прошлого года, было больше оскорбленное самолюбие².

А теперь прощай – надеюсь, что ты получил мое письмо во-время. Оно было готово, но Мальвида послала свое морским путем, а я сухим. Мне казалось, что ее письмо придет слишком рано³.

Всех обнимаю и крепко целую.

Ваша Тата Г.

Пояс я еще не получила (6-ой раз). Да, ты спрашиваешь о m-lle de Stein – мне кажется, что Мальвида ее, в самом деле, слишком “обожает”. Она лифляндка, 40-летняя девица – уважать ее надобно, потому что она ведет пресерьезную жизнь (я тебе, впрочем, уже писала о ней, разве ты не получал?). Как монашенка, она живет в своей келии, окруженная всевозможными серьезными книгами, – и все читает. По-моему, она в иных вещах слишком резко судит – мужчин она вообще пренебрегает (!), т.к. говорит, что они ужасно испорчены; говорит, что эгоизм и “Fidelkeit”^{192*} у них гораздо больше развиты, чем у женщин, – словом, ставит женщину гораздо выше – без исключений⁴. Мальвида ей сочувствует, они вместе сидят да бранят себе вас, бедняжек, – а, в сущности, все-таки любят. А я сижу да слушаю, потом передумываю и не знаю чему верить⁵...

¹ Ответ на письмо Герцена из Канна, написанное около 28 марта (неизвестно – см. ЛЖГ IV, 111). В нем Герцен рассказывал, в частности, о том, как перевез из Парижа в Ниццу “два гробика” с останками своих детей Елены и Алексея (22–24 марта) и о похоронах их в Ницце 26 марта (ср. XXVIII, 46, 48–50).

² Имеется в виду психологический климат, создававшийся Тучковой-Огаревой в доме Герцена.

³ Это письмо Таты с упоминанием о новой приятельнице Мейзенбург неизвестно, как и письма Мейзенбург о ней к Герцену (см. XXVIII, 48, 53).

⁴ В ответном письме Герцен замечал по поводу суждений Штейн: “Каменная монашенка, должно быть, порет вздор. Вообще немецких мнений старайся не принимать” (XXVIII, 59).

⁵ Герцен ответил 12 апреля (XXVIII, 59–60).

Что это делается на свете, Папаша! Один день слышишь: наследник умер, другой – Линкольн убит, и ужасы в Америке – немедленно после известия, что все кончено¹.

Какие последствия? Начнется ли опять война?

Как ты видишь по Ольгиному письму², мы несколько дней посвятили Кампании, были опять в Тиволи, Фраскати, Альбано – да еще в Остии, где еще не были прежде – лес до самого моря – напоминает лес около Пизы – в котором мы гуляли прошлого года³. Везде было так хорошо – в Швейцарии я непременно хочу попробовать ландшафт – все говорят, что это гораздо легче – то⁴ подвигается слишком медленно или просто остается на одной и той же точке.

По временам я перечитываю, что ты мне записал в книге, – и каждый раз отчаиваюсь, не могу сладить – не могу исполнить того, что ты требуешь и советуешь⁵. Ты говоришь: “Работай”. – Я работаю – сначала так аккуратно ходила в студию с 9 до 3 – а вышло ничего – мало и нехорошо – поэтому я хочу попробовать пейзаж – и слышу, что в Женеве отличные учителя⁶. Ты говоришь об Ольге – в некоторых случаях лучше, когда мы совсем одни: она мила. Но как только посторонние являются, она начинает меня дразнить всевозможными способами. Я хоть и молчу, чувствую, что меня сердит и делает что я не в духе. Но, впрочем, это скоро кончится, потому что при вас нельзя будет – а за уроками она не может сосредоточиться, невозможно – поэтому то, что другое дитя, гораздо глупее ее, сделало бы в час, она делает в три, четыре – это еще мало – она по два, по три часа сидит у фортепиано – а выходит, что

^{191*} небрежностью (франц.).

^{192*} “распущенность” (нем.).

ГЕРЦЕН

Из семейного альбома Герценов. Рисунок Таты Герцен (?) (перо). (Борнмут, лето 1864 г.)

Подпись: "Non! Ou'en dites-vous de cette correspondance!!!" ("Нет! Ну что вы скажете об этой корреспонденции!!!")

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: "Русские пропилеи". Том IV. Москва, 1917

играла полчаса – болтает, побежит выглянуть из окна, станет играть с Линдой – следить невозможно. Впрочем, она сама это чувствует и, как говорит, радуется вступить в школу⁷. Потом ты меня просил писать в книге – не могу решиться. Если писать, так надобно все или ничего – как журнал.

Прощай, Папа, я уверена теперь, что метода miss Reeve была бы, конечно, всех лучше, если б можно было ее исполнить. В нашем семействе оно было бы довольно легко, почти так и делается, но не совсем. Она против всяких веселий и рассеяний для детей – с ранних лет приучить их к занятиям, только пускать их бегать, ездить, плавать, но никаких светских рассеяний, до известных лет – они тогда сами полюбят умственные занятия, это, однако, "нечего делать".

Целую тебя и всех вас, друзья. До скорого свидания.

Твоя Т а т а

Уже 29-ое. Может быть, это письмо ты получишь именно второго мая. Тринадцать лет с тех пор, как Мамаша скончалась. Я часто вспоминаю о том, что читала и узнала летом в Weymouth'e⁸. Когда мы воротимся, ты дай мне опять перечитать. Обнимаю тебя и крепко, крепко целую.

Т.⁹

¹ Наследник русского престола вел. кн. Николай Александрович умер в Ницце 24/12 апреля (см. отклики Герцена – XXVIII, 67–69; XVIII, 337–341). 27 апреля в европейских газетах появились сообщения об убийстве в Вашингтоне 14 апреля, через пять дней после капитуляции армии южан, президента Соединенных штатов А. Линкольна. "Какая великолепная смерть!" – писал Герцен 3 мая (XXVIII, 72; ср. 68).

² Это письмо неизвестно.

³ Во время путешествия Герцена со старшими детьми и Мейзенбуг по Италии осенью 1863 г. они (во второй половине октября) останавливались в Пизе.

⁴ Т.е. портретная живопись.

⁵ Имеется в виду напутственное письмо, написанное Герценом для Таты перед ее отъездом из Лондона в Италию, 5–10 декабря 1862 г.: “Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, – писал Герцен, – чтобы сделаться художником, один труд в соединении с ними может что-нибудь сделать (...) Работа должна господствовать над всем в твоей жизни во Флоренции”. Герцен призывал также “теплее сблизиться” с Ольгой (XXVIII, 267–269).

⁶ 12 мая Герцен отвечал: “Действительно, по словам Фогта здесь есть великий учитель-пейзажист” (XXVIII, 74). Он имел в виду, вероятно, исторического живописца и пейзажиста Ж.-М. Горнунга. Герцен нанес ему визит в начале июня (см. ЛЖГ V, 335).

⁷ В связи с предстоящим переездом в Женеву Герцен обсуждает в своих письмах необходимость там регулярных занятий Ольги в “серьезном колледже” или школе (см. XXVIII, 54, 58, 71).

⁸ Во время пребывания Таты в Борнмуте, 2 августа 1864 г., Герцен передал ей для ознакомления рукопись “Рассказа о семейной драме” ч. V “Былого и дум”, прочитав ей “с каким-то религиозным трепетом” отрывок о “последних минутах” Н.А. Герцен (XX, 606).

24 августа Тата писала Рейхель в связи с этим: «Узнала я многое о прошедшем, о “Былом” в последнее время и все больше и больше ценю папашину любовь к нам, чувствую, как мы сближаемся. Он стал ласковее, хотя смотрит на меня, как на “большую”, а не как на ребенка – мы больше вместе, часто вдвоем гуляем» (см. ниже).

⁹ Герцен ответил 12 мая (XXVIII, 73–74).

45

16-го мая 65. Флоренция

По просьбе Саши мы приехали даже двумя днями раньше, чтобы присутствовать при празднике Данте¹. До сих пор мы принимали часть в нем только первый день – вчера и сегодня все так безумно дорого, что мы решились ничего не видеть.

Быстрыми шагами приближаемся к вам – из Рима приехали сюда в 18 часов – зато сделаем здесь паузу маленькую – посетим опять старых знакомых и друзей, живых и писанных – Шифф, Пульские и “company” dei Pitti, Uffizi e C^o.

Здесь живое общество гораздо разнообразнее римского – в этом отношении кружок знакомых был бы, конечно, вкуснее римского.

Какие Шиффы милые, добрые люди, сказать нельзя – одно их знакомство что стоит – Шифф с Ольгой так мил, каждую минуту ее зовет и что-нибудь показывает или объясняет.

Живем мы, окруженные знакомыми. Напротив Шиффы, так что мы из окон разговариваем, направо Бакунин с женой, налево брат Шиффа³ и Мамоновы.

У Пульских был огромный праздник в день после нашего приезда. 300 гостей. Саша им ничего не говорил о нашем приезде, мы явились неожиданно – их очень обрадовали. Толпа рассыпалась по залам, террасам и садам, так что не было ни тесно, ни душно. Отличный виолончелист Бекер (германизированный араб Абу-Беку) играл на скрипке, Маркизио⁴ пела, лучшие актеры репетировали части Данте – в то же время приготавливался сюрприз в саду, tableaux vivants^{193*}, освещенные бенгальским огнем.

Имя художника, о котором говорил Линдемманн – Van Mayden, он жанрист, а не пейзажист⁵. От многих слышала, что он отличный человек и художник, у меня к нему рекомендательные письма от Линдемманна, Леманна и Копфа...

Радуйся, Папаша, я начинаю сама видеть, что Рим – чересчур мертвый город – или, может быть, я в счастливую минуту попала сюда. Мне все кажется так интересно, разговоры так живы, разнообразны – и то, что опять между русских, – что я решила, если ты нас опять отпустишь, в случае, что жизнь наша не устроится в Женеве, то надобно ехать сюда.

Мы познакомились здесь с семейством кн. Оболенской, жены губернатора⁶.

^{193*} живые картины (франц.).

Очень хорошие люди, теперь они по дороге в Неаполь, на будущий год возвращаются сюда.

О Дантовском празднике ничего рассказать не могу.

Adieu, прощайте. Вас всех обнимаю и целую, друзья. Кланяюсь. Что здоровье Ага?

Ваша Т а т а

¹ Мейзенбург писала Герцену, что она с Татой и Ольгой приедет из Рима во Флоренцию (на пути в Женеву) 16 или 17 мая. Однако в связи с предстоявшими там 14–16 мая торжествами, посвященными 600-летию со дня рождения Данте, они, по совету А.А. Герцена, приехали во Флоренцию 13 или 14 мая. По случаю этого юбилея Герцен и Огарев 14 мая отправили телеграмму в Comité du Dante (неизвестна) и 15 мая – написанное Огаревым приветственное письмо в флорентийскую газету “Gioventù” вместе с его стихотворением “Il giorno di Dante” (см. XXVIII, 74, 75, 264–265, 395). Дочери Герцена и Мейзенбург выехали из Флоренции в Женеву около 28 мая в сопровождении А.А. Герцена и прибыли туда около 1 июня.

² Тата называет в качестве своих “писанных знакомых” портреты из флорентийских галерей Питти, Уффици и др.

³ Гуго Шифф – врач.

⁴ Вероятно, К. Маркизио.

⁵ Отклик на письмо Герцена к Мейзенбург от 2–3 мая, в котором он писал: “Не знаю, какого художника имеет в виду Л(индемман), я наведу справки” (XXVIII, 71). Швейцарский художник-жанрист, портретист и анималист Альфред-Жак ван Муйден в 1857 г. основал в Женеве Общество друзей искусства. Герцен познакомился с ним, очевидно, летом 1865 г. в связи с поисками учителя для Таты (в “Скуки ради” он писал: «Недаром мне Фан-Муйден говорил: “Чем больше я рисую, тем больше меня занимают лица, одни лица, головы, физиономии; что за неисчерпаемое богатство оттенков выражений”, – “и невольных исповедей”, – прибавил я» – XX, 445).

⁶ Кн. Зоя Сергеевна Оболенская (жена московского губернатора кн. А.В. Оболенского), расставшись с мужем, жила с тремя дочерьми в Италии, где подружилась с М.А. Бакуниным и через него вошла в эмигрантскую среду; впоследствии познакомилась с Герценом. Старшая дочь Оболенской Екатерина (с 1866 г. жена А.А. Мордвинова, корреспондента “Колокола” – см. о нем XXVIII, 124) продолжала общаться с Татой и в 1869 г. (см. XXX, 47).

46

ГЕРЦЕНУ И САШЕ

14-го июля 1865. Пятница.
Engstelen-Alp Amt-schreiber-Ratz
von Brienz, bei Meyringen¹

Сижу и пекусь на солнце, несмотря на то, что два шага от меня лежит снег. Я уверена, что на полвершка похудела со всех сторон, после нашей вчерашней работы; чтобы начать сначала мы в 4^{1/2} были уже на ногах, rendez-vous было в 6 на станции, нас 13 человек:

1. M-r Frölich	1. M-me Андруская	1. Мальвида
2. M-me Frölich	2. Ольга А.	2. Ольга
3. Lina	3. Володя А.	3. Тата
4. Немка	4. Варя Быкова	4. Надя

и m-me Мечникова.

Начали мы с железной дороги до Туна, впрочем, ты, Папаша, знаешь дорогу до Reichenbach'a и Giessenibach'a – мы продолжали путь по Brien'sкому озеру до Brienz'a; тут, пообедавши, уселись кое-как в двух колясках и ехали до Meyringen'a.

Подыматься мы начали ровно в 4. Пять человек несли багаж – к тому же взяли трех лошадей. Все садились по перемене, кроме m-me Мечниковой, Вари, Лины и меня. Лина со мной – мы все составляли avant-garde^{194*}. Раз присоединились к нам Варя, Ольга и немка, мы пошли таким быстрым шагом, что все другие отстали.

^{194*} передовую линию (франц.).

М-me Fr(ölich) нам уже говорила, что надобно снять корсеты, что это останавливает кровообращение, мешает и т.д. Не нужно было мне это два раза говорить – я даже предложила всем снять лифы. Через полчаса мы других совсем из виду потеряли, прекрутая дорожка вела лесом, жар ужаснейший – я все подавала пример, как облегчать туалет, сняла рукава, через некоторое время остановилась и предложила, так как мы в лесу, те далеко за нами, никто нас не увидит, снимем и жакетки, детей пошлем *avant-gard*’ой вперед, если они кого-нибудь увидят, они кликнут – и вмиг мы все очутились в презабавном костюме – большой неглиже или большой туалет, смотря по точке зрения. Что шеи и руки уже бронзового цвета, это само собой разумеется, а кисти рук остались сливочными, потому что мы перчатки не снимали. Дорожка становилась все хуже и хуже, наконец разделилась на две. Куда нам идти? – Ничего, все ведут в одно и то же место, – сказала Лина (начинается, как будто бы мы потерялись – но нет, ничего подобного не было), – только после нескольких шагов я говорю: “Да это (не) дорожка, а просто ручеек – попробуем ту”. Тут я поднимаю голову и вижу, что на скале именно перед нами сидит мужская фигура. Т а т а: “Ах!” (точно Татьяна, увидевши медведя)². Мы все за куст – и началось – кто он? что такое? мужик или господин? Кажется, художник, вздор! – Я видела мольберт! Как нам пройти! – Ничего, наденемте жакетки и бойко пройдем! – Авось мужик.

Оделись мы опять, подойдя, мы успокоились, увидавши, что это, в самом деле, был только мужик с ведром молока, а не художник с мольбертом.

Надобно спешить – собрание в 3½, еще полчаса. Виды описывать нельзя. Это такое великолепие, что лучше всего молчать. Потокам, каскадам, ручьям конца нет, но главное это массы скал, линии гор и освещения. В седьмом часу первый план, долина, по которой вела наша дорога, и скалы с обеих сторон, были уже совсем в тени. В середине вдаль виднелись снежные горы Matterhorn, ярко освещенные заходящим солнцем.

Зовут!

Словом, мы ходили с 4 (до) 9, не останавливаясь. Дошли – было уже темно – сели и, казалось, никогда уж не встанем. Однако напились какого-то кишатку, которого нам подали вместо кофе, – *попробовали* сливки и были готовы танцевать.

Нехорошо было то, что пришлось ждать долго в мокрых платьях – мы озябли, а фюреров^{195*} все не было. Я заказала себе ножную ванну – десять минут работала чтобы снять ботинки – и только снявши увидела и почувствовала, что ноги все в пузырях. Сегодня поутру я все время с 9 (до) 12 гуляла и разговаривала с Фр(ёлихом), он мне очень нравится и Ольгу хорошо понимает.

Всем вам кланяемся, как все те, которые вас знают.

Теперь прощайте, всех целую.

Ах, если б Саша мог приехать! А прогос, когда ты едешь, Саша, мне непременно надо знать, и что ты намерен еще делать³.

Твоя Т а т а

Фр(ёлих) очень жалеет, что тебя нет здесь, Саша. Что Лизок? Вот будет много рассказывать, когда вернемся.

Кланяюсь Тхор(жевскому) и Касаткиным.

N. Herzen

Aux soins de l’Amtschreiber. Ratz von Brienzen.
Engstelen-Alp, bei Meyringen⁴

¹ 12 июля Тата и Мейзенбург привезли Ольгу в бернский пансионат Фр(ёлиха) (о помещении ее туда Герцен договорился с ним во время пребывания с Ольгой и Мейзенбург в Берне 22–30 июня – см. XXVIII, 82–86). 13 июля Фр(ёлих) с ними и еще несколькими ученицами и сопровождавшими их взрослыми, в том числе Надей Мечниковой и ее матерью О.Р. Скарятинной (гражданской женой Л.И. Мечникова), отправились в путешествие по горной Швейцарии.

^{195*} проводников (нем. Führer).

² Сон Татьяны – эпизод из “Евгения Онегина” Пушкина (глава 4-я, строфа XII).

³ А.А. Герцен выехал из Женевы в Берн 20 июля, чтобы затем отправиться к сестрам в Энгштелен-Альп. Прибыл туда 23 июля вечером, задержавшись из-за дурной погоды у кн. П.В. Долгорукова в Интерлакене. Дети Герцена вернулись с Мейзенбуг в Берн 25 или 26 июля, а в Женеву Тата и Саша приехали 27 или 28 июля.

⁴ Герцен ответил 17 июля (XVIII – 80–82 с опиской в месяце: *июня*).

47

23-ero, 24-ого июля 1865
Engstligenalp, bei Meyringen

Жду, жду – не дождуся ответа.

Погода меняется, солнце скрывается, сквозь туман ничего не видеть, а ответа нет как нет. Мечников приезжает¹, рассказывает такую чепуху, что я ничего не понимаю, – Саша с Лугининым в объятиях Долгорукова, слушает с восхищением пение Лион² и наслаждается чистым воздухом Фауль-Горна – причем ждет телеграмма от сестрицы, которая его ждет с нетерпением в тумане на Engstelen-Alp. Не понимаю, в чем дело, только с нетерпением жду ответа.

Рукой А.А. Герцена:

Ну вот и дождалась живого ответа: мой путь до Берна был великолепен, – в Берне на другое утро в 5 часов было тоже совершенно хорошо, но на Тунском озере погода испортилась – в Интерлакене сделалось до того гадко, что не решился ехать дальше и телеграфировал сюда вопрос, не ожидать ли их в Интерлакене. Целый день шел проливной дождь – ответ пришел только вечером, что погода на горах поправляется и чтобы я непременно приезжал. Все воскресенье это действительно была прелестная погода, и я отлично дошел до Engstelen-Alp. Они хотят возвращаться другой дорогой, через Engelberg на 4-хкантонное озеро и через Люцерн в Берн; стало, я потерял ровно сутки и, кроме того, пришел сюда, когда уже нельзя было отправить письма, так что ты получишь письмо двумя днями позже, чем ожидал, да и мы приедем двумя днями позже. Место здесь превосходное – вчера вечер был восхитительный, – сегодня такая ужасная погода, что нельзя носа показать на дворе и невозможно тронуться ни вперед, ни назад, надо терпеливо ждать; даже бедный Мечников, хотевший ехать, застрял.

Я не успел порядком поговорить ни с кем, добился только того, что 1) письмо Мальвиды к тебе было написано, по ее словам, в “мрачную минуту”³; 2) что весь *alarme*^{196*} Мечниковых действительно происходит от той знаменитой оплеухи⁴, и что *m-me* Мечн(икова) после длинных разговоров с Фрëлихами опять совершенно успокоилась и обещала долго не приезжать больше к Наде, которая совершенно счастлива и всем довольна. Подробности на словах. Сегодня я переговорю со всеми; погода дает на это отличный случай.

Итак, не ожидай нас прежде четверга⁵, особенно ежели ты желаешь, чтобы я подробно расспросил Адольфа⁶.

Обнимаю всех

С а ш а

Рукой Н.А. Герцен:

Я больше писать не могу об холоде и не хочу, чтобы было кое-что рассказать.

Т а т а

Вчера танцевала на глетчере – брат Мечникова⁷ расскажет все – он с нами был. Обнимаю и целую всех.

¹ Л.И. Мечников.

² С О.И. Лион, дочерью владимирского губернатора И.Э. Куруты, одаренной певицей-любительницей (см. XXII, 63, 92), Герцен познакомился во Владимире в 1838 г. В 1865 г. она поселилась с детьми в

^{196*} переполох (*франц.*).

Берне, переписывалась и не раз виделась с Герценом; найдя у Таты голос, рекомендовала учиться пению (см. XXVIII, 100).

³ Это письмо неизвестно. Возможно, на него Герцен отвечал 17 июля (см. XXVIII, 81–82).

⁴ Л.И. и О.Р. Мечниковы, а также Герцен были встревожены, узнав, что Надю (дочь О.Р.) “били” в пансионе (см. XXVIII, 85).

⁵ Тата и Саша вернулись в Женеву 27 или 28 июля.

⁶ С.А. *Фогтом*, профессором гигиены Бернского университета, братом К. Фогта, Герцен и Саша были знакомы еще с 1849 г. (см. XXIII, 154).

⁷ И.И. Мечников приехал в Швейцарию для встречи со своим старшим братом Л.И. Мечниковым из Гиссена, где занимался зоологией, по-видимому, в начале июля 1865 г. и познакомился с Герценами.

48

31-ого марта^{197*} 1866.
Hôtel des Alpes. Montreux¹

На этот раз я доехала до Votan'a без приключений. Сначала вагон был битком набит молодыми женевцами и хорошенькими американками, так что Пан² с завистью смотрел на меня. Но утешь его, они недолго остались, и я очутилась одна одинохонька. В Веве вошел какой-то корпулентный^{198*} старичок, с картофельным немецким лицом и шершавой шляпой с широкими полями. Вот и всё. Я была так уверена, что Natalie придет на встречу, что ужасно сконфузилась, очутившись одна на станции, – однако не оставаться же мне тут. Отправилась я – и после нескольких шагов увидела черную точку с длинным голубым хвостом, которая из всех сил бежала мне навстречу. Нетрудно было мне узнать мою Лизочку. Расцеловала я ее, подняла голову – и увидела четырнадцать глаз, устремленных на меня, – пара глаз Natalie, пара miss Turner, две пары обоих Жуковских³, две пары обоих Ауэрбахов⁴ (так что я сейчас же исполнила поручение Касаткина) да пара Стеллиных⁵, который приехал по каким-то делам; от него я узнала новость о Фази⁶. Какой скандал!

Натали торопит. Мы все здоровы. А вы что, что Жегонь?
Обнимаю и крепко тебя и Ага целую.

Твоя Т а т а

Как насмех, опять дождь.

¹ 30 марта Тата поехала из Женевы в Монтрё, где жили Тучкова-Огарева и Лиза. Вернулась в Женеву около 25 апреля (XXVIII, 176, 178–180).

² С. Тхоржевский, провожавший Тату на вокзал.

³ Участник русского революционного движения Николай Иванович Жуковский, с 1862 г. эмигрант в Лондоне, затем в Швейцарии; весной 1866 г. он и его жена Ада Степановна жили близ Монтре.

⁴ Вероятно, Герман Андреевич Ауэрбах и его жена Юлия Федоровна, приехавшие в феврале из России (Герцен познакомился с Ауэрбахом 1 марта в Монтрё – см. ЛЖГ IV, 237).

⁵ Участник польского восстания И.Ф. Савицкий (Ян Стелла), эмигрант, в 1865–1866 гг. преподавал в Женеве Тате историю и географию.

⁶ Вероятно речь идет об отставке Дж. Фази с поста чина Большого Совета Женевского кантона. Был снова избран в 1868 г. Ср. “Скуки ради” (XX, 481–488).

49

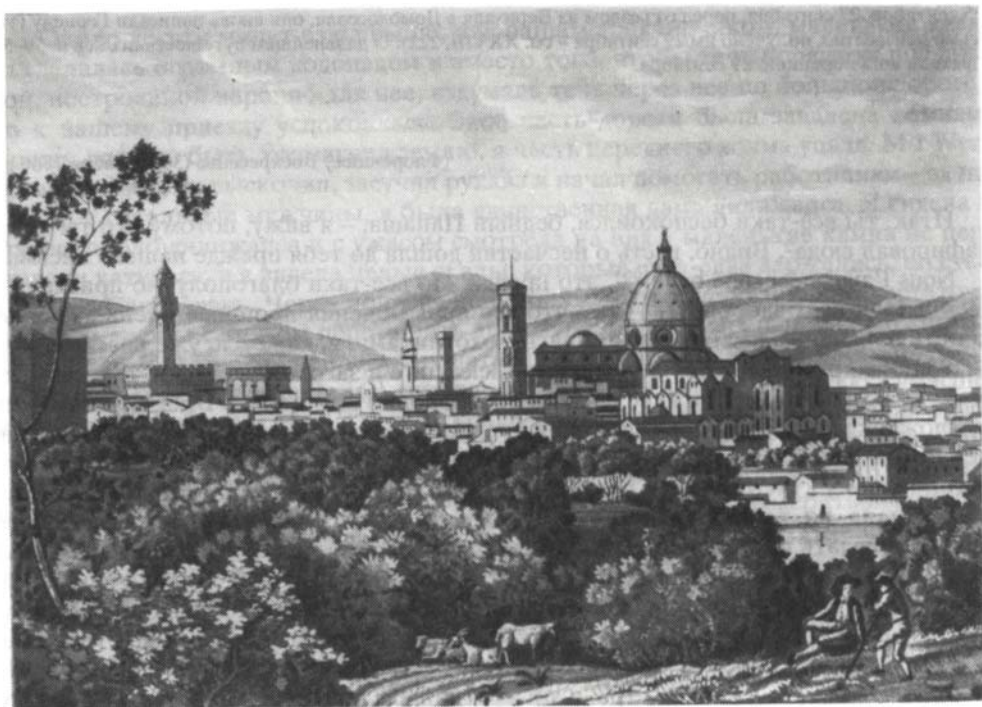
(Беризаль.) Понедельник, 9 часов утра.
24 сент(ября) 1866
Hôtel de la Poste. на полдворе¹

Здравствуй, бедный дорогой Папаша,

Ты теперь сидишь в Морже и сердишься на погоду. Ну, нам не лучше тебя. По неволе сидим в крошечном этом трактирчике и, пожалуй, ночевать придется. Дождик льет, как из ведра, – все ручейки сделались почтенными водопадами, с вче-

^{197*} В автографе ошибочно: апреля. – Ред.

^{198*} дородный (франц. corpulent).

ФЛОРЕНЦИЯ

Акватинта с рисунка Кароччи, 1840-е годы

Из альбома: *Vues de Florence et des principaux villes de la Toscana. Florence, s.a.*

рашнего дня переезд невозможен. Но вечер и ночь мы провели хорошо. Мы недолго сидели одни после того, как расстались с тобой. Вошел какой-то военный швейцарский, учтивый, *galant*, верно, отполированный во Франции, – сейчас начал с нами разговаривать – словом, чисто светский человек в светло-лайковых перчатках.

В Вильнёве нам пришлось менять вагоны, и остальную часть вечера мы сидели с тремя охотниками, которые едут в Африку на охоту львов. Один из них такой оригинал, что весь вечер нас забавлял. Сначала я его приняла за австрийского офицера. Говоря между собою, эти господа перемешивали английский, французский, немецкий и испанский язык. Я Саше заметила по-русски, что они хотят похвастаться, – вдруг “оригинал” начинает мешать и русские слова в разговор, потом обратился к нам и понемногу рассказал всю свою историю, как он ненавидит все цивилизованные страны, какую тоску на него наводят все по моде одетые люди. Мать его была англичанка, отец – русский, он сам вечно путешествует, видел и знал множество людей всех классов, и они ему так опротивели, что он может только жить в диких странах и охотиться за дикими зверьями. Теперь едет во второй раз в Африку на охоту львов.

Не могу кончить, французы едут, надобно отдать письма, продолжение до будущего №. У нас очень забавное общество. Французы – какие-то члены фамилии d'Orbens. Остальные американцы и американки, последние очень милые и образованные девушки.

Прощайте – всех целую.

Т а т а

¹ 23 сентября Н.А. и А.А. Герцены выехали из Женевы во Флоренцию по железной дороге, а затем должны были дилижансом переехать через Симплонский перевал (Герцен провожал их до г. Морж). Однако им из-за ливня пришлось задержаться на станции Беризаль. Письмо закончено “во вторник поутру”

– 25 сентября. 27 сентября, перед отъездом из Беризалья в Домодоссоло, они вновь написали Герцену (это письмо неизвестно, получено им 29 сентября – см. XXVIII, 222). О дальнейшем путешествии см. в п. 50–51. Приехали во Флоренцию 29 сентября.

50

(Флоренция.) Воскресенье (30 сентября 1866 г.).
41. Via Santa-Monaca¹

Итак, ты все-таки беспокоился, бедный Папаша, – я вижу, потому что ты телеграфировал сюда². Видно, весть о несчастье дошла до тебя прежде нашего письма.

Nous l'avons échappé belle^{199*}, это правда. Но все-таки благополучно приехали и здесь нашли всех здоровыми – так что все приключения прошлые очень забавны. Начну с начала. Как мы познакомились с охотниками, я, кажется, уже рассказала. – М-г Wendt с друзьями сел в наш вагон в Viellencur'e и заговорил с нами. В десять часов вечера мы сели в дилиженс и ехали преспокойно всю ночь, в Brieg напился кофе – дождик уже лил, как из ведра, а на полдороге между Brieg'ом и маленькой станцией Berisal мы встретили дилиженс, который возвращался с той стороны гор. Кондуктор нашему кучеру сказал, что он не будет в состоянии проехать. Мы не поворотили сначала, но, доехавши до Berisal'a, в девять часов утра, нам объявили, что надобно подождать несколько часов. Ждали мы до вечера, дождик усилился, нам объявили, что придется ночевать; места было так мало, что сначала хозяйка нам сказала, что Саше и мне придется удовлетвориться одной комнатой. Однако наши охотники, узнав это, сжалились и уступили комнату – устроились кое-как все трое вместе. На следующее утро мы услышали, что и думать нечего ехать до вечера; вечером – что думать нечего ехать до утра, и т.д. – от понедельника до четверга. Первая наша мысль во вторник поутру была телеграфировать во Флоренцию и тебе написать... Француз (мы потом узнали, что это duc de Chartres) взял письмо³ и депешу – когда они были получены, я не знаю, но посланы были во вторник поутру – из Berisal. В трактирчике, который важно называется Hôtel de la Poste, мы нашли итальянца, который приехал накануне поутру и тоже не мог продолжать путь, и американское семейство. Pater familias^{200*} с женой, преумной дочерью, сыном и племянницей. Скоро все познакомились – стали друг друга спрашивать, откуда, куда, имена и т.д. Многое их удивляло в Европе – несвобода девушек их возмущала, и с трудом мы их убедили, что ужасы, которые делаются в России – правда⁴. После каждого факта, который я рассказывала, они восклицали: "How happy we are to be Americans!"^{201*} М-г Wendt, африканский охотник, играл роль шута всего общества. Он ужасно много путешествовал, много видел и презабавно рассказывает.

В среду вечером он предложил сварить пунш на все общество. Принесли огромный котел, рому и красного вина да дюжину яиц – все по очереди били яйца, и вышло (!) превкусный напиток, что-то между жженкой и гогель-могелем. В четверг поутру⁵ мы узнаем, что можно ехать. Duc de Chartres вернулся из Brieg'a, рассказал нам, что долина между Sion и Brieg вся под водой. В самом Brieg'e постоянно били в барабан, чтобы сзывать жителей, днем и ночью все работали, строили digues^{202*}. Потом все собирались на площади и молились.

Американцы уехали прежде, чем дилижанс приехал, – наконец, в 12-том часу мы слышим, это он подъезжает. Все в восторге бегут вниз – и что же? Прибегает курьер^{203*} с вестью, что как только проехали кареты французов и американцев, "il y a eu un nouvel écoulement"^{204*} – проехать невозможно. Но терпения больше не было, мы оставаться не могли, объявили, что непременно хотим ехать и собственными глазами видеть, что случилось, – так и сделали.

^{199*} Мы счастливо отделались (франц.).

^{200*} Отец семейства (лат.).

^{201*} "Какое счастье, что мы американцы!" (англ.)

^{202*} запруды (франц.).

^{203*} посыльный (франц. courrier).

^{204*} "произошел новый обвал" (франц.).

Около десяти минут езды выше, над нашим трактирчиком, маленькая каскада сделалась огромным водопадом и вместо того, чтобы течь порядком под аркадой, построенной нарочно для нее, вздумала течь через нее по большой дороге, — но к нашему приезду успокоилась. Зато часть дороги была завалена камнями. Дождь, должно быть, размягчил землю, и часть переднего холма упала. М-г Wendt подал пример, он выскочил, засучил рукава и начал помогать работникам — за ним пошли и остальные мужчины, я была единственная дама дилижанса. Я сидела на бревне около дилижанса и с ужасом смотрела на них — маленькие камни не переставали катиться, и я видела целые скалы, которые едва-едва держались, но стыдно было Сашу звать. Через полчаса они очистили край дороги ровно достаточно для того, чтобы с трудом перетащить дилижанс. Но мы перешли как можно скорей пешком. О многих неприятных деталях я не говорю, как, напр(имер), когда мы хотели ехать в купе в Berisal, оказалось, что места взяты; к счастью, сумасшедший англик, который взял, с утра отправился пешком до деревни Simplon — и там оказался очень учтивым, уступил нам места. До Domodossola мы доехали без замечательных приключений. Только вода вошла в галереи и набросала столько камней, что мы не знали, как проехать, послали людей вперед вымерить вышину аркад и сравнить с вышиной дилижанса, оказалось, что ровно достаточно места. Но дорога была так неровна, что пришлось снять весь багаж и положить его на особый телег, а то мы бы двадцать раз перевернулись.

Чувство, что “вот-вот упадем направо — вот-вот непременно упадем влево” — нас не покидало, то Саша невольно совсем опирался на меня, то я на него — прибавь к этому, что у меня сделалась страшная мигрень. Приехавши в Domodossola в 7 часов вечера, я должна была немедленно лечь (с тошнотою) — одетая, потому что дилижанс продолжал путь в 2 часа ночи.

Да, одно я забыла, между Simplon и Domodossola, на полдороге, уже смеркало(сь), кто-то останавливает дилижанс — мы узнаем бедного маленького италиянца, который с самого воскресения ждал в Berisal. Он показывает билет, говорит, что дошел пешком. Кондуктор, грубый зверь, говорит ему, что здесь не место, что слуги нет, и кричит кучеру: “En route!”^{205*}. Сквозь шум колес и крики кучера мы слышали, что кто-то продолжает ругаться, но только на следующий день узнали, в чем было дело. Маленький италиянец пустился бежать за дилижансом, держась за какой-то крючок или за ручку, ругая кондуктора; последний, чтобы от него отделаться, ударил его ногой, громадным сапогом, так что рука была в крови и вся распухла. Бедняга пешком прошел от Berisal до Domadossola.

Не могу кончить — надобно послать письмо — завтра dokonчу. Все здоровы и веселы. Ольга переменялась очень, к лучшему.

Всех целуем. Ольга очень рада всем подаркам⁶.

Тата Г.⁷

¹ Письмо датируется по содержанию и помете о дне недели.

² 24 или 25 сентября Герцен написал письмо к Мейзенбург во Флоренцию с выражением тревоги за Тату и Сашу в связи с обвалами на горных дорогах (до нас не дошло — см. XXVIII, 221, 402 — № 89, с отнесением к 23 или 24 сентября).

³ Речь идет о п. 49 и посланном вместе с ним из Беризала неизвестном письме А.А. Герцена от 25 сентября, который писал, что они “находятся посреди Симплон, не имея возможности схать ни назад, ни вперед” (XXVIII, 222). Герцен получил их 26 или 27 сентября, но еще 25-го узнал из газет о катастрофе с дилижансом на пути из Швейцарии в Италию, телеграфировал в лионскую контору дилижансов запрос, какой дилижанс перевернулся (текст неизвестен, см. XXVIII, 291, 402, № 90), а затем — Ольге и Мейзенбург, спрашивая, нет ли вестей о Саше и Тате.

⁴ Имеется в виду усиление репрессий против демократической молодежи в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II 16/4 апреля.

⁵ 27 сентября.

⁶ См. п. 51.

⁷ Герцен ответил, вероятно, около 3 октября (письмо неизвестно). — См. п. 52.

Понедельник, 1-го октября 1866
41. Via Santa-Monaca.
Piazza del Carmine. Firenze

Здравствуй, милый Папаша!

Итак, продолжаю – потому что странно, что я вчера ни слова еще не сказала о Флоренции и ее жителях. Но я хотела последовательно рассказывать. – Из Domodossola мы выехали в 2 часа ночи – багаж все еще следовал на телеге. Вся дорога по обеим сторонам состояла из одних болот. В некоторых местах вода унесла целые части стен и завалила дорогу кирпичами и камнями. Саша двадцать раз просил кучера остановиться при малейшей опасности, говоря, что мы предпочитаем пешком пройти по опасным местам.

Увидя, что ⟨я⟩ заснула под конец, Саша себе сказал, что ни за что не заснет, и хорошо сделал: дорога становилась все хуже и хуже – вода образовала то дыры, то холмики. В пятом часу мы встретили тележку с тремя мулами, которая совсем завязла. Дилижанс никак не мог проехать, Саша сейчас же вылез и меня вытащил, остальные пассажиры последовали нашему примеру. Долго рассуждали кучера, наконец решились привязать лошадей дилижанса к тележке, вытащили, потом и дилижансу удалось переехать, переваливаясь с боку на бок, – и так нам пришлось около трех или четырех раз выходить.

Я никогда не думала, что наводнение может иметь такие ужасные последствия. Я себе представить не могу, с какой силой текла вода да в ширину всей долины. Жаль, что не видела, должно быть страшное, но великолепное зрелище.

В десятом часу мы были в Ароне, опоздали к первому пароходу – я была очень рада, потому что проголодалась и голова просто кружилась от усталости. Поевши, я сейчас легла, а Саша встретил брата женевского Levier¹, дядю Розы, и пошел с ним по разным делам. Когда ты будешь в Ароне, остановись в этом отеле “L'albergo d'Italia” – нас очень хорошо знают. Ты увидишь молодую, хорошенькую сестру хозяйина, которую мы прозвали кариатидой. Они нас сейчас узнали, очень мило приняли. Isabella хочет непременно читать твои мемуары; говорит, что столько слышала о тебе от разных путешественников. Пожалуйста, остановись там и скажи, что ты Искандер.

В пять мы сели на пароход, вдруг нас окружила толпа. “Bonjour, vous voilà, hello! How do you do?”^{206*} – все общество Berisal'a было тут – со всех сторон расспрашивали: “How did You crop, comment avez-vous passé?”^{207*}. В Milano все расстались, “hoping to meet again some day”^{208*}.

Ночью мы отлично спали в вагоне, а в субботу в 8 часов утра были во Флоренции. Ольга, Levier и Berdushek нас ожидали – все здесь так беспокоились, бедняжки, Бог знает сколько раз были на станции. Боже мой, как мне было странно видеть Ольгу – мы одного роста, теперь едва-едва заметно, что ⟨я⟩ чуть-чуть выше, об занятиях я, конечно, еще судить не могу, знаю только, что она играет гораздо лучше, avec plus de fermeté^{209*}. Но характер ее очень переменялся – т.е. она более похожа на молодую девушку – видно, что все пойдет ладно, полно и хорошо между нами, в этом я не сомневаюсь. То, что она одна читает, ведь уже громадный шаг для нее; потом она все уроки готовит совсем одна, М⟨альвида⟩ никогда не вмешивается и не помогает. Она почти целый день занята – но все-таки как-нибудь постараюсь устроить чтение с ней, она сама желает. Здоровье бедной Mali все еще нехорошо, в лице она не постарела, но стала еще более боязливей прежнего – и в самом деле очень страдает ужасными головными болями (вот, пока я пишу, Ольга играет Nocturne Фильда).

Ну, прощайте на этот раз. Теперь, милый Папа, я тебя успокоила насчет наше-

^{206*} “Добрый день, вот и вы, привет, как поживаете?” (франц., англ.)

^{207*} “Как вы ⟨здесь⟩ оказались? Как вы проехали?” (англ., франц.)

^{208*} “с надеждой на новую встречу” (англ.).

^{209*} с большей уверенностью (франц.).

го здоровья и насчет всего физического, дай же успокоить тебя насчет всего морального. Имей же доверье ко мне. Конечно, в этаких обстоятельствах никогда нельзя ручаться вперед – но я себя очень хорошо знаю и знаю, что ничего “опасного” здесь нет, – и будь уверен, что я тебе все откровенно буду писать.

За сим обнимаю и крепко, крепко тебя целую. Что здоровье Огарева – что планы Natalie² – и что делает Каракозочка?³

Твоя Т а т а⁴

¹ В Женеве жил отец врача Э. Левье (флорентийского приятеля А.А. Герцена). С “женевским Левье” и его дочерью Розой Герцены, очевидно, были знакомы уже летом 1866 г. (см. XXVIII, 205; ЛЖГ IV, 279).

² Н.А. Тучкова-Огарева находилась с 31 августа 1866 г. в Женеве.

³ Так Тата называла Лизу.

⁴ Ответ Герцена, написанный, очевидно, в Базеле около 9 октября и отправленный вместе с письмом к Мейзенбург от этого дня, неизвестен (ср. XXVIII, 225–226).

52

Воскресенье. 7-го октября 1866.

41. Via S.-Monaca. Piazza del Carmini. Firenze

Получили мы обе твои записки, милый Папа, и обе сделали на меня очень грустное впечатление. Первая, написанная, когда ты еще не знал, что мы благополучно доехали, меня очень огорчила, что ты так беспокоился и тревожился о нас, бедный, добрый Папаша¹, – несмотря на то, что мы сейчас же написали². Вторая – уж лучше не говорить о ней³. Все ли я причиною неприятностей разных – ведь я стараюсь не быть так небрежной – и все не удастся – что же, у меня мозг иначе устроен, чем у других, – или Бог знает что! Во всяком случае, мне очень, очень жаль, что я тебе оставила такой скверный сувенир – но дай мне все-таки поцеловать тебя, дорогой Папаша, и постарайся забыть все это.

Ты спрашиваешь об Ольге – я тебе все расскажу откровенно. Я лично ей в самом деле очень, очень довольна, да и в остальном, т.е. в занятиях, видно очень много *bonne volonté*^{210*}. Она ходит ежедневно к Domengé⁴, который, по-моему, отличный учитель, я уже несколько раз провожала Ольгу и присутствовала при уроках, он ею доволен и говорит, *qu'elle travaille consciencieusement*^{211*}. Он не строг, но понимает ее характер. Задачи всегда все сделаны. Он сам ей написал разделение времени, сколько часов она должна заниматься – так как она работает еще медленно, все выходит побольше. Для чтения одной ей решительно времени нет теперь.

Встаем мы все рано, в шесть или 6½ – в 8 пьем кофе, а до кофе Ольга работает. По вечерам собираются наши знакомые то у нас, то у m-me Шифф – иногда мы остаемся дома. Лица нашего кружка тебе знакомы, если не лично, то по рассказам. Levier-fils⁵, Berdushek⁶, Blaserna и всевозможные Шиффы – собравшись, мы “музицируем” или читаем; Blaserna очень хорошо читает и объясняет разные итальянские стихотворения. До днях мы прочли некоторые удивительно хорошие вещи Leopardi – а потом я их для него перевела. Может быть, ты помнишь два маленькие стихотворения “L’infinito” и “A se stesso”. Другое, подлиннее – “Alla sorella Paulina” – все удивительно хороши⁷.

Были мы раз тоже в театре – видели опять “Le lion amoureux” Ponsard’a. Domengé – важная особа во Флоренции, имеет всегда ложу к своим услугам или к услугам своих друзей – благодаря ему мы были в Nicolini и видели “Влюбленного льва”.

Квартира наша хороша, комнаты для итальянского дома очень “не маленькие” – и для всех вдоволь места. В твоей будущей комнате я себе устрою теперь маленькую мастерскую и опять возьмусь за живопись. Чтобы не разучиться по-русски болтать и видеть русских время от времени, я возобновила знакомство с Ге. Он опять работает над большой картиной, и сюжет опять взят из Библии. Магдалина бежит объ-

^{210*} доброй воли (франц.).

^{211*} что она работает добросовестно (франц.).

явить, что видела *воскресение* – а на первом плане группа солдат стоит, смеется и рассчитывает деньги получить для того, чтобы не рассказывать, что они видели⁸. Картина странная; что касается до композиции, мне кажется, что слишком мало фигур – главное лицо, Магдалина, вдали в середине картины, а солдаты – в крайнем правом углу. Потом, мне кажется, что в каком бы новом и реальном виде художник ни представлял все эти сюжеты, он мог бы найти интереснее предметы в современных или не до такой степени отдаленных событиях.

Теперь вот какой у нас важный вопрос. Ты нам сказал сыскать здесь лучшего учителя пения. Узнали мы, что дама одна хорошо учит, написали ей – но судьба нас предостерегла, девушка наша Gaetana ее не нашла. В тот же день мы узнаем, что только что приехал знаменитый учитель пения из Парижа – Раповка. Признаться, я никогда о нем ничего не слышала, да где же и было слышать – но здесь его m-me Sabatier рекомендует всем своим ученицам. Но он господин с придурью и претензиями. Решился Саша сходить к нему – он ему сейчас же объявил, что он приехал сюда на зиму, уроков не ищет, но если кто очень желает, готов учить под следующими условиями: брать непременно три урока в неделю и абонироваться помесечно, – а урок стоит 15 фр. А начать он все-таки должен с того, чтобы испробовать голос и видеть, стоит ли труда заниматься им. Это хорошо, а вместе с тем как страшно будет пробовать. Завтра мы пойдем к нему пробовать голос, чтоб знать, стоит ли вообще заниматься, ну а абонироваться, конечно, никак не можем без твоего согласия. Отвечай же поскорей, что ты советуешь, если ты думаешь, что на это не стоит столько тратить, – можно продолжать одной или с дамой или решиться попробовать хоть месяц с Раповк'ой. Сегодня мы, должно быть, сделали последнюю большую прогулку, т.е. pick-nick – целый день провели в Pratolino – вернулись недавно, а теперь идем спать.

Прощай⁹

¹ Возможно, речь идет о письме Герцена к Мейзенбуг от 29 сентября, в котором он, рассказывая о тревожных днях ожидания вестей от Н.А. и А.А. Герценов (с 25 сентября), писал: “Я устал... exhausted (выдохся – *англ.*) – все напасти бьют меня молотом по голове. Я не припомню более ужасного времени, после гибели моей матери, после 1852 и кошмарных декабрьских дней 1864 в Париже” (XXVIII, 221).

² См. п. 49.

³ Это письмо Герцена к Тате, написанное около 3 октября, вероятно, под тяжелым впечатлением от ссоры с Тучковой-Огаревой (см. XXVIII, 222–224), неизвестно.

⁴ Ж. Доманже, участник революции 1848 г., эмигрант, в 1860-е годы держал во Флоренции “маленький пансион”, где Ольга училась французскому языку, арифметике, истории (см. письмо Г. Моно к г-же де Прессансе от 12 марта – *Vincent*, 213–214).

⁵ Э. Левье (Левье-сын; см. п. 51 и прим. 1 к нему).

⁶ М. Бердушек, приятель А.А. Герцена.

⁷ Стихотворения Дж. Леопарди “L’infinito” (“Бесконечность”) и “A se stesso” (“К себе самому”) в переводе перевела А. Ахматова. Полное название третьего – “Sullo nozze della sorella Paolina” (“На свадьбу сестры Паолины”).

⁸ Тата описывает картину “Вестники воскресения”, которая была закончена Н.Н. Ге в 1867 г.

⁹ Ответ Герцена неизвестен (ср. п. 53 и прим. 1 к нему).

Ну вот, мы только что вернулись от Пановки, и я чувствую, что с новой храбростью, энергией и с новым удовольствием примусь за дело. Милый Папаша, пожертвуй мне эти несчастные деньги, если ты только можешь, – ты мне, право, сделаешь огромное удовольствие¹. Я тебе писала, что мы по вечерам музицировали – ты знаешь, что мне стоит петь при чужих; притом чувство, что я не уверена в своих силах, да то, что я ясно видела, что все ожидают гораздо больше, чем я могу им показать, – все это меня ставило в такое неловкое положение, что я ни разу не спела порядочно ни малейшей вещицы, – руки у меня делались ледяными, голос дрожал и, конечно, никакого выражения не было. Мне нетрудно было видеть, что все ожидали гораздо больше и были *desillusionnés*^{212*} – меня это очень огорчало – я решила ни

^{212*} разочарованы (*франц.*).

одной ноты больше не петь до визита Пановки. Ну, а он был чрезвычайно доволен, сожалел только, что я уже год училась и далеко не у первосортного учителя. А как я боялась – потому что он Саше вперед объявил, что “il faut qu’une élève m’intéresse – que je vois qu’il y a du bon terrain à travailler – autrement je laisse tout–vaut mieux qu’on passe autre chose”^{213*}. По этому уже видно, как он строг, – и поэтому ты можешь судить, до какой степени я была утешена и рада, когда он мне сказал, что он очень доволен. Мне сама Флоренция со всеми жителями кажется милой и веселой с тех пор. Он мне сказал, что я в один урок выучила то, что многим он не может объяснить в 10 и больше.

Ну, а теперь крепко-крепко тебя обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.

Да, вот еще что, я получила на днях очень милое письмо от Стеллы, в котором он говорит только о том, как ему жаль было прекратить уроки², и т.д. Переписки мне начинать не хочется, поэтому прошу тебя передать ему, что я ему очень благодарна за письмо и еще раз искренно благодарю за то, что он так трудился для меня.

Какие же окончательные планы Natalie? Что Лизины уроки со Стеллой, интересуются она или нет? Что Пан – все сердится или успокоился с тех пор, как меня нет? Крепко жму ему руку.

И об Огареве напиши кое-что да поцелуй его за меня. Что-то он скажет насчет Пановки? В том, что он первосортный учитель, – и сомнения нет, первых слов его достаточно было для того, чтобы в этом убедиться.

Еще раз прощай, Ольга тебя целует. Как же кончилось дело Каракозова³ – т.е. всех, которые были замешаны?⁴

¹ 19 октября Герцен писал сыну в связи с “делом о Пановке” Я могу согласиться (...) если Малв(ида) того же мнения, то уроки брать можно” (XXVIII, 228). Тата училась вокалу у Г. Пановки до 1868 г., Ольга – до 1869 г.

² См. п. 48.

³ Д.В. Каракозов был казнен 15/3 сентября. Отклики Герцена – в статьях “Приговор Верховного уголовного суда” и “Заговора не было!” в “Колоколе” от 1 ноября (XIX, 144–150).

⁴ Ответ Герцена неизвестен.

54

(12 ноября 1866 г.) Понедельник¹

41. Via Santa-Monaca. Piazza del Carmini. Firenze

Да, Папаша, я сама себя спрашивала более двадцати раз – что выйдет из моего учения с Пановкой? Справедливо ли тратить столько время и денег без серьезной цели и не в самом ли деле это аристократический *agrément*^{214*}? Что я во время уроков и приготовлений не теряю время и серьезно работаю, надеюсь, что не нужно это тебе говорить, не до такой же степени я пуста, это было бы грех. Что же выйдет дальше? До твоего письма я уже много думала об этом. Я, кажется, тебе уже писала, что гибкостью моего голоса Пановка все еще доволен – но я холодна, это меня мучает и декуражирует^{215*} – а как себя пересоздать? – Ну, ты скоро приедешь, сам должен посмотреть, о(б)судить, решить или посоветовать. Не откладывая твой приезд, Папаша, так чтоб мы хоть рождение могли вместе провести. Нам ужасно жаль, что план Ниццы исполнится, и Бакст не может равнодушно об этом говорить. А об школе в Milano Natalie больше не думает?² Бакст все еще мечтает об этом, но говорит уже о Франции, а не об Италии. Он очень доволен устройством нашей жизни, мы назначили два вечера для собрания нашего кружка, по понедельникам все приходят к нам, по четвергам собираются у Шиффов, и каждый из профессоров или кто-нибудь из

^{213*} “надо, чтоб ученица меня заинтересовала, чтоб я видел, что есть надлежащая почва для работы, – иначе я все бросаю – лучше заняться чем-нибудь другим” (франц.).

^{214*} способ развлечения (франц.).

^{215*} приводит в уныние (франц. *décourager*).

других должен по своей части читать лекцию. В прошлый понедельник произошла презабавная сцена. Lieben³ начал лекцию о химии, середь лекции Berduschek встает, ужасно извиняется, говорит, что ему самому очень жаль, но он не может дольше остаться, что у него rendez-vous в такой-то час и как аккуратнейший из аккуратных немцев он не мог опоздать. Минуты две после того, как он ушел, входит Бакст, лекция продолжается, через четверть часа возвращается Berduschek – ворча, что “неаккуратность ни на что не похожа, я ... много потерял, пол-лекции...” Здесь увидел Бакста (нрзб).

Только тут мы заметили, что крошечный Бакст, держа себе боки от смеху, старался спрятаться за кресло – а бесконечный Berduschek (он почти головой выше Саши) открывши его, указал на него, разинул рот и остался в этом положении несколько секунд, как будто остолбенев от удивления и досады. Все сейчас же поняли, в чем дело – что Бакст дал rendez-vous, чтобы отправиться с Berduschek'ом к m-lle Assing, которая принимает по понедельникам; ни тому, ни другому не хотелось идти, но Berd(uschek), считая, что “Долг прежде всего”, отправился на rendez-vous, а Бакст, который, видно, не совсем обгерманился, пришел к нам, рассчитывая, что Berd(uschek'a) уже не будет. В миг все это поняли и подняли шумик, и всеобщее рукоплескание, и “bravo, Baxt!”

Сегодня черед Blaserna, он, верно, нам готовит что-нибудь о физике. Lieben, к сожалению, уже уехал в Рим.

Я теперь с головной болью выздоравливаю от очень сильной простуды, которая от насморка перешла в боль горла, так что я не только не могла петь, но некоторое время не могла даже говорить – точно так же, как я ровно год тому назад простудилась в Лозанне⁴.

Представь себе, что мы вещей еще не получали. Однако на днях было сказано в газетах здешних, что теперь начнут перевозить товары через Mont Cénis. Надеюсь, что и наши вещи получим скоро.

Русского у нас ничего нет, не получаешь ли ты что-нибудь, что бы ты мог пересылать нам? Бакст мне говорил о каком-то новом русском журнале, который недавно стал выходить, под заглавием “Женский вопрос”, или “Вопрос о женщинах”, или “О женском вопросе” – слышал ли ты о нем?⁵

Третьего дни приехали Белинские, остановились только <на> один день⁶, теперь уже в Пизе.

А вчера, представь себе мое удивление, вбегает Ольга, покрасневши и смеясь, – я одевалась – и говорит: “Спеши, спеши, miss Solomon⁷ в салоне”. – Старые, полузабытые, глупые лондонские тени... Эссенция английской глупости, ведь шесть, семь лет она меня не видела, и первые слова после shake-hands^{216*} были: “Oh, ah! How do you do, oh! ah! Very fine morning indeed, yes!”^{217*} Адрес наш она получила от Müller-Strübing'a, и ему, бедняжке, удалось, наконец, погулять; месяца три тому назад он был в Италии – тогда, когда никого из нас не было еще во Флоренции. А теперь прощай, крепко тебя целую, что ты нам так мало пишешь, все по несколько строк – и то грустных, недовольных... Чем кончается демонстрация поляков против Ага?⁸

Твоя Тата Г.

Четверг. 15 ноября 1866

Что это женеvцы опять нашумели? 14 раненых. Это не шутка⁹. Не заболел ли Касаткин? В чем было дело, видел ли ты?¹⁰

¹ Датируется по помете о дне недели и соотносению с датой приписки. Тата отвечает на письмо Герцена от 6 ноября, в котором он писал: “Я очень рад, что твои уроки с Пановкой идут. Имей в виду одно – что если есть успех, то надобно добиваться до больше-возможного совершенства – иначе это будет аристократическая шалость. Ты помнишь, что я тебя обвинял постоянно в неумении сосредоточиться, т.е. в рассеянии – в недостатке выдержки и в бедности труда” (XXVIII, 239).

^{216*} рукопожатия (англ.).

^{217*} “Ох, ах! Как поживаете, ох, ах! Не правда ли, очень ясное утро, да!” (англ.)

² Герцен считал, что более целесообразно Тучковой-Огаревой и Лизе провести зиму не в Ницце, а в Лозанне (см. XXVIII, 223, 234–235). Туда же советовал ехать В.И. Бакст (зимой 1865–1866 гг. он давал уроки Лизе в Монтрё и строил с Тучковой-Огаревой планы организации пансиона в Милане).

³ См. ниже.

⁴ Речь идет, вероятно, о пребывании Таты в начале декабря 1865 г. у Тучковой-Огаревой в Монтрё (см. XXVIII, 121).

⁵ Журнал “Женский вестник”, основанный в Петербурге А.Б. Мессарош (редактором его был Н.И. Мессарош). Начал выходить в сентябре 1866 г.

⁶ М.В. и О.В. Белинские – жена и дочь критика.

⁷ Miss Solomon – английская знакомая Герценов.

⁸ Герцен 6 ноября писал, что произошла “катавасия”, которая может задержать его в Женеве: в этот день, в связи с появлением в л. 229 “Колокола” от 1 ноября статьи Огарева “Продажа имений в Западном крае”, было создано Обществом братской помощи собрание польских эмигрантов, принявшее «Протест поляков против руссификаторства в “Колоколе”». В нем заявлялось об отречении от “фальшивых друзей” – редакторов “Колокола” (см. “Лит. наследство”, т. 64, с. 777–778). В связи с этим 7 ноября Герцен написал от имени своего и Огарева обращение “A nos frères polonais” (“Нашим польским братьям” – XIX, 162–165, 425), призывающее покончить с недоразумением (см. ЛЖГ IV, 319–320).

⁹ Речь идет о выборах 11 ноября в Большой совет Женевы, в которых участвовал и Герцен (“В первый раз выполнил долг подлинного швейцарского гражданина”, как он писал Мейзенбуг 15 ноября – XXVIII, 241, 243, 381). Во время выборов произошли столкновения, в которых было ранено 14 человек. Картину такого рода выборов Герцен нарисовал в “Скуки ради” (см. XX, 484–485).

¹⁰ Ответ Герцена, написанный около 18 ноября, неизвестен.

55

26-ого ноября 1866
41, Via S.-Mopaca. Firenze

Никогда, видно, не дадут тебе покоя, милый Панапаша. Что это опять за скверная история с поляками?

И от Серно-Соловьевича я этого не ожидала¹, ведь все отношения должны быть прекращены между вами и им после этого. Во всем, должно быть, какое-нибудь недоразумение. Но объясни поподробнее, в чем оно состоит... Вот скоро два года, что ты в Женеве, – а не прошло месяца без неприятной какой-нибудь истории – то “людиловцы”², то Касаткин³, то Долгоруков⁴ – типография...

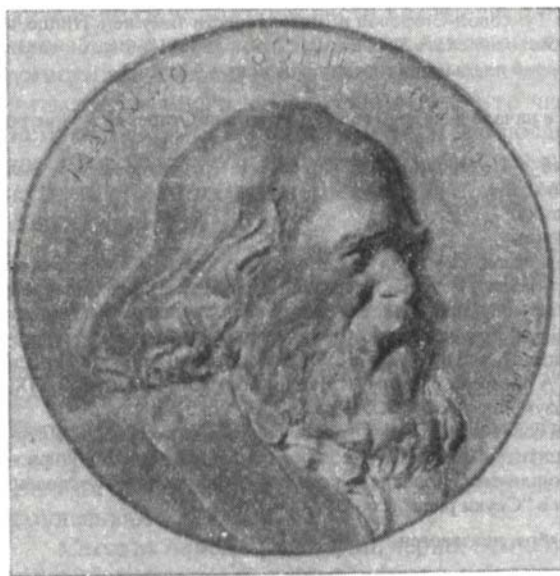
А что всего хуже – это что конца не видать. Приезжай поскорей к нам отдохнуть у нас... Отчего ты М(альвиде) пишешь, что это не будет отдых для тебя⁵, – нет, будь уверен, мы все хорошо для тебя устроим и сами будем “умницы”. Приезжай поскорей – забудь тупую Женеву с своими сплетнями.

Мы были в ужасном волнении все последние дни. Многие из профессоров, которые не занимаются естественными науками, а больше политической экономией и в особенности экономией итальянского правительства, очень жаловались последнее время, что приходится платить иностранным профессорам, выписанным чтобы образовывать итальянскую молодежь, – молодых профессоров, а они работают себе в уголке для “блага человечества” – и вообще для естественных наук. Это, конечно, всего больше относилось к Шиффу.

Итак, в одно прекрасное утро Шифф был приглашен к министру просвещения, который ему предложил кафедру профессора физиологии в Неаполе. Шифф выпросил себе несколько дней, чтоб обдумать. Представь себе, какая чепуха вышла бы из этого, Шиффы уехали бы в декабре – Саша остался бы здесь совсем без цели или поехал бы в Неаполь – мы остались бы здесь без лучших наших здешних знакомых⁶. Итак, весь кружок был в ужасном волнении в продолжение всей прошлой недели. Но, к счастью, Шифф отказал и хочет, напротив, улучшить здешнее заведение. На год мы обеспечены: корабли будут под рукой – мы не утонем⁷. Теперь отгадай, кто дал вечер splendidный^{218*} в прошлую субботу? – мы засиделись до 12½ – Фрикен!!!!..

Он живет на Piazza Pitti; в день въезда короля⁸ он пригласил нас, Муравьевых⁹, племянницу графини Alma Norte – я не пошла, мне было лучше видно у m-lle

218* великолепный (франц. splendide).

МОРИЦ ШИФФ

Барельеф работы Гуго Бови (гипс). 1890-е годы. Сверху надпись: "Maurizio Schiff. 1823-1896. Hugues Bovy"

Музей Герцена, Москва

Backofen. Но это дало повод к вечеру – и в самом деле отличился наш Фрикен-Бирибикен. Микроскопические его комнаты в 4-ом этаже так дышали щепетильной чистотой, порядком и уютностью. В первой комнате в величину английского "family bedstead"^{219*} – он ухитрился выстроить великолепный буфет – с блестящей посудой – горы конфет, пирожков, сэндвичей, мороженого и т.д. и выставить около буфета громадного седого лакея в белом галстуке и белых перчатках. Сам Фрикен, в ужасно хорошем расположении духа, любезничал и острил лучше всех других особ мужского пола. При прощании он с своим формальным поклоном подошел к каждой даме и сказал: "Regardez-moi de vous offrir..."^{220*} и каждой из нас поднес бонбоньерку.

Наши вещи, наконец, получены. Все в порядке. Только я вижу, что забыла книжку Стеллы, это

очень досадно, я хотела попробовать с Ольгой почитать. Можно попросить Пана поискать ее, ты мог бы привезти. Она претоненькая, в темном переплете...

Теперь начинаются публичные лекции, сегодня пойдем слушать Porri Villari¹⁰ – история Флоренции. По воскресениям начнутся с будущей недели лекции популярные в Спеколе.

Прощай, – когда тебе приготовить комнату, к какому сроку?

Целую Natalie и Лизочку – я им и Огареву писала¹¹, получили ли мои письма? Пану кланяюсь.

Твоя Т а т а

Я начинаю знакомиться с молодыми девушками – две мне всего больше нравятся: Berthe Sommier и полунитальянка и полуангличанка Alice Sorripino – но мы видимся очень редко.

Все тебя целуют – М(альвида)

С(аша) и

Ольга.

Саша формально принят¹² и с будущего декабря будет настоящий ассистент Шиффа!¹³

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 18 ноября, в котором он, очевидно, сообщал о продолжающемся инциденте с польской эмиграцией см. п. 54 и прим. 8 к нему), а также о "протесте" А.А. Серно-Соловьевича против статьи Огарева. Герцен отказался напечатать его в "Колоколе" или отдельной брошюрой, и "Протест" был во второй половине ноября (до 29) напечатан по-французски в Женеве, в типографии Пффера и Пуки (см. "Лит. наследство", т. 67, с. 709–712; т. 41–42, с. 115; ЛЖГ IV, 321, 324–325).

² Людмилловцы – молодые эмигранты, принадлежавшие к кругу Людмилы Петровны Шелгуновой, ставшей гражданской женой А.А. Серно-Соловьевича (наиболее близки к ним были П.И. Якоби, В.А. Голицына и отчасти А.А. Черкесов). Их конфликтные отношения с Герценом, обозначившиеся еще во время эмигрантского съезда в Женеве (29 декабря 1864 – 6 января 1865 г.), обострились в июне–июле 1865 г. в связи с психическим заболеванием Серно-Соловьевича и осложнением его отношений с Шелгуновой.

219* двухспального ложа (англ.).

220* "Позвольте мне преподнести вам..." (франц.)

Сбежав из больницы, куда она его поместила, Серно-Соловьевич в середине июля несколько дней скрывался в доме Герцена, куда затем друзья вторглись его искать.

³ Отношения Герцена с В.И. Касаткиным обострились в связи с его участием в делах Вольной русской типографии (после перевода в Женеву в апреле 1865 г. Герцен превратил ее в акционерное предприятие, учредителями-вкладчиками которого выступили, кроме него и Огарева, Касаткин, кн. П.В. Долгоруков, Л. Чернецкий, В. Стрельцов (очевидно, В.Ф. Лугинин). Но акции расходились плохо, и типография, переданная затем (в конце 1866 г.) Герценом в собственность Чернецкого, существовала за счет все новых дополнительных ассигнований со стороны Герцена. Расчеты с Касаткиным по акциям в конце ноября, в ходе которых им были проявлены явная мелочность и бестактность, привели к разрыву.

⁴ См. XXVIII, 215; ср. 220 и публикацию письма Огарева к П.В. Долгорукову в кн. 1-й наст. тома.

⁵ Это письмо Герцена неизвестно. 19 октября он писал Саше: "У вас жизнь слишком шумна для меня (...) тут нет ничего дурного, она вам по возрасту – но мне тягостна" (XXVIII, 228).

⁶ 2 декабря Герцен писал в связи с этим Саше: "Я рассуждений твоих и Таты не делю. Мне кажется, что правительство было вправе переместить Шиффа туда, где 300 студ(ентов), я не вижу резона, почему и тебе (...) не ехать в Неаполь (...) Профессура не есть синекюра или почетное звание, а дело общественного воспитания" (XXVIII, 245).

⁷ Шутка связана с тем, что по-немецки фамилия Шифф (Schiff) означает *корабль*.

⁸ Виктор-Эммануил II перенес свою столицу из Турина во Флоренцию.

⁹ Во Флоренции жила жена декабриста А.М. Муравьева – Жозефина Адамовна со взрослыми детьми. С ними поддерживали знакомство не только Тата и Саша: по приезду во Флоренцию, 28 января 1867 г., их посетил Герцен (см. XXIX, 24).

¹⁰ Научные интересы итальянского историка П. Виллари, профессора Флорентийского института высших наук, были связаны в особенности с изучением деятельности Дж. Саванаролы и Н. Макиавелли.

¹¹ Письмо Таты к Огареву от 22 ноября – см. в *РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. кр. 455, л. 13–14об. (отрывок – в "Лит. наследстве", т. 63, с. 456); названные письма к Тучковой-Огаревой и Лизе неизвестны.

¹² До этого времени А.А. Герцен был ассистентом М. Шиффа в Спеколе без официальной должности и оплаты.

¹³ Герцен ответил 2 декабря (XXVIII, 244).

56

6-го декабря 1866.
41, Via Santa-Monaca. Firenze¹

Напугала тебя Ольга? Как я хохотала, читая ее письмо². – Интересно мне, понравится ли тебе наша жизнь или нет – к сожалению, кружок наш потеряет главных членов к твоему приезду³. Теперь все так, как Ольга описала^{221*}:

- 1) *Schiff* – о физиологии;
- 2) *Blaserna* – о физике;
- 3) *Berduschek* – об архитектуре – он только раз говорил;
- 4) *Monod*⁴ – о литературе и истории, но и он только раз читал;
- 5) *Levier* – о ботанике;
- 6) *Caua* – о физиологии № 2.

До сих пор не было связи между *разговорами* этими, всех занимающихся естественными науками расспрашивают гораздо больше. Blaserna говорит всех больше. Зная, что он скоро уезжает, все хотят как можно больше воспользоваться его присутствием. В воскресенье он дал публичную лекцию в Спеколе о магнетизме звездного шара. Публика была чрезвычайно довольна. Каждое воскресенье популярная лекция, но, кроме этого, курсы по два раза в неделю о разных предметах. Так что ежедневно о чем-нибудь да говорят. Я постараюсь ходить во все эти лекции.

Emile Vogt⁵ здесь, он вчера присутствовал при *début* бедного Levier, – Levier так застенчив, что он боялся этой лекции у нас, как другой боялся бы публичной лекции. Но все обошлось хорошо – несмотря на то, что он часто краснел и говорил: "Oh, mon Dieu, je m'embrouille"^{222*}. Теперь я с нетерпением жду *début* Саши, он очень хорошо объясняет, когда мы одни. Но, видно, одна мысль, что те же лица собираются для того, чтобы *слушать*, его немножко пугает.

Я думаю, что Monod тебе всех больше понравится, он все-таки очень мил, несмотря на восторженные описания Мальвиды (я говорю *несмотря* на это, потому что такие описания портят впечатление обыкновенно). Он ужасно много читал, ничего

^{221*} for external descriptions book, page 4-the (описание наружности см. на стр. 4-й (англ.)).

^{222*} "О боже мой, я путаюсь" (франц.).

нельзя назвать, чтобы он не сказал: “Oh, je connais cela!”^{223*} Он гораздо серьезнее остальных, абстрактнее, не умеет шутить – однако он сегодня нам рассказал презабавный анекдот (он ходит к М(альвиде) два раза в неделю, по утрам, брать уроки немецкого языка...), как он приехал вечером в Пизу, прошлого года – и хотел зайти в театр – взглянуть, на что похоже. Пошел искать – наконец, видит большой дом, великолепно освещенный (он очень рассеян, все философствует и забывает настоящее). Он входит, его поразило, что внизу никого нету, что даже билеты продаются на первом этаже. Он всходит по большой лестнице, входит в блестящую залу, в которой двери открыты а *deux battants*^{224*} и видит: толпа народа, дамы *декольте*, мужчины во фраках (Monod был в дорожном платье). Вдруг к нему подходит господин и очень учтиво просит снять пальто и войти. Monod ошеломлен и только тут понял, что он совсем ошибся и вошел в частный дом – в котором был вечер или бал.

225* 1) *Shiffé*. – № 1. – *Рост* маленького, постоянный костюм – шуба. Голова – круглая. Громадное количество седых и черных волос, покрывающее почти все лицо.

2) *Blaserna*. – *Ростом* почти меньше Шиффа, полненький, постоянный костюм даже в самые холодные дни – сюртук. Тип жидовский, пребелокурый. Голос маленький, тихонький, симпатичный. Выражение предобродушное, любит смеяться. Итальянская простота и *grand genre*^{226*}.

3) *Berdushek*. – *Рост* – равняющийся *Blaserné*, поставленному на плечи *Шиффа*. Пребелокурый – прегерманский тип, пренесимпатичные руки, напоминающие лапы ящерицы, пребелозенный вид, прежидкая борода, преаккуратное существо, претумительный... Впрочем, очень хороший человек.

4) *Monod*. – *Рост* – большой. Голова чисто французская.

Не могу продолжать, голова слишком болит, успокою тебя только насчет понедельников, о которых говорила Ольга, до сих пор почти никого не было, кроме Фрикена и Муравьевых, – но ты сам поймешь, что это гораздо лучше – назначить такой день и говорить: “Вот мы дома от 2–5” – зато никого не принимать в продолжение всей недели.

Куда вы едете, я ничего не понимаю, Лиза и N(atalie) писали, что Ницца слишком дорога – и что, должно быть, ничего не выйдет из этого⁷.

NB Насчет белья, Тхоржевский знает, что надобно считать только те вещи, под которыми написано в его книге “nouveau” или “nouvelle”^{227*}, потому что остальное – тряпье, из них мы взяли 1 скатерть и 12 салфеток – 12 полотенец. Больше ничего⁸.

Среда, (12 декабря)

Папаша, хотя ты не объясняешь, почему ты можешь только на десять дней приехать теперь, ясно, что лучше подождать, но зато приезжай непременно к Новому году и моему рождению⁹. Право, это ты должен устроить. А засим прощай, у меня ужасно голова болит.

Картинка о фенианах в “Пунше” в самом деле ужасно подла.

Рукой А.А. Герцена:

Папа, я никого не встретил, кто бы хотел купить “Б(ылое) и д(умы)” – привези несколько экз(емпляров) с собой. На всякий случай прошу тебя прислать мне два экз(емпляра) по почте¹⁰. Приезжай, во всяком случае, к Новому году.

Тв(ой) С а ш а

¹ Ответ на письмо Герцена от 2 декабря (XXVIII, 244).

² Это письмо неизвестно.

³ Герцен приехал во Флоренцию к детям 18 января 1867 г.

⁴ Двадцатидвухлетний французский историк и литератор Г. Моно, впоследствии – муж Ольги Герцен.

⁵ На сообщение о приезде во Флоренцию бернского юриста Э. Фогта Герцен откликнулся в письме к Мейзенбу и Саше от 9 января 1867 г. (см. XXIX, 14).

223* “О, я знаю это!” (франц.)

224* настежь (франц.).

225* Дополнительные подробности о членах кружка (описание их наружности). – Ред.

226* великосветский вид (франц.).

227* “новый” или “новая” (франц.).

⁶Здесь, вверху стр. 4 автографа, Н.А. Герцен расположила примечания-характеристики членов кружка, перечисленных ею в начале письма, а ниже продолжила его текст.

⁷Это письмо неизвестно.

⁸Отклик на замечание Герцена в письме от 2 декабря: "Никто не знает, что ты взяла с собой из белья" (XXVIII, 244).

⁹Тата отвечает на письмо Герцена к Мейзенбург и детям от 8 декабря, в котором он писал: "Хотите ли вы, чтобы я приехал 25-го на десять дней – только – и чтоб я вновь *вернулся* – после 10 января или, быть может, лучше приехать после праздников" (XXVIII, 246). Письмо (возможно, сохранившееся не полностью) было прислано детям вместе с журналом "Punch".

¹⁰Еще 6 ноября, сразу по выходе в Женеве "Отделения первого" т. IV "Былого и дум" Герцен спрашивал сына, не может ли тот продать "экз(емпляров) пять" ("вся выручка в пользу Тхоржевского" – XXVIII, 238). 8 декабря он вновь писал детям: "Не скрывайте от меня, если никто не хочет Тхорж(евского) "Былое и думы" (XXVIII, 246).

57

15-го апреля 1867.
41. Via Santa-Monaca.
Piazza del Carmini. Firenze

Папа, еще раз благодарю тебя за деньги, они сегодня благополучно прибыли. Лизино письмо презабавное – и она уже очень порядочно пишет¹.

Да, жаль, что нельзя устроить жизнь разумнее – но, сколько я ни думаю, я решительно ничего, ничего не вижу. Знаю только, что нам здесь, во Флоренции, очень хорошо – я в самом деле должна признаться, что вряд ли для нас жизнь могла бы лучше устроиться. Такое разнообразие специалистов – или специальностей. Monod с Stephan'ом Sommier читают книгу Comte'a в присутствии Мальвиды. Книга не по силам, да потом, по их собственным словам, слишком сухое чтение для такого большого общества, поэтому они читают себе втроем, а по понедельникам Monod нам делает *резюме* того, что читал.

Я чувствую, что меня этот предмет очень интересует – хотя следовать трудно. Если б он читал для меня одной, можно было бы останавливать, расспрашивать, до тех пор, пока все (станет) ясно в голове – в большом обществе неприятно. Мне бы очень хотелось прочесть какую-нибудь историю философии, не *слишком сухую*².

Ты спрашиваешь насчет D-r Zahn и других новопривезжих. D-r Zahn, должно быть, чрезвычайно ученый археолог, но в разговоре немножко тяжел – да что же об нем говорить, он уже уехал³, мы видели его только два, три раза.

Что касается до Ниццы, Папа, если ты увидишь, что Natalie желает, чтобы я приехала и что я могу быть полезна Лизе, я поеду в конце мая.

Тут глупо (?), что именно в июне Сашино рождение, – словом, это можно будет как-нибудь устроить. Например, я могу ехать в 1/2 июня, остаться до рождения Natalie⁴.

Покаместь прощайте, крепко тебя обнимаю и целую.

Твоя Тата Г.

Вчера я ездила верхом с Stephan Sommier на превосходной лошади – очень весело было⁵.

¹Письмо Герцена из Ниццы, написанное около 12 апреля, на которое отвечает Тата, как и письмо Лизы, отправленное вместе с ним, неизвестны.

²О какой книге О. Конта идет здесь речь, не установлено. Возможно, что о "Курсе позитивной философии" (1830–1842).

21 апреля Герцен отвечал из Женевы: «Насчет истории философии я тебе говорил, что серьезной книги ты не одолеешь – а поверхностное знание дает фальшивую уверенность и идет больше для внутренней головной прически, чем для дела. Есть у вас мои "Письма об изуч(ении) природы" и "Дилетантизм в науке"? – могу прислать. Попробуй. Разумеется, я во многом тогда ошибался» (XXIX, 84).

³Об отъезде из Флоренции И.-К.-В. Цана, немецкого архитектора, художника и искусствоведа, Герцен в письме от 21 апреля заметил, что рад этому: "Меньше немцев (...) Их ненависть к славянскому и русскому доходит до комизма" (XXIX, 85).

⁴День рождения А.А. Герцена – 25 июня, а Н.А. Тучковой-Огаревой – 14 июля.

⁵Герцен ответил 21 апреля (см. XXIX, 84–85).

23 апреля 1867 г.¹41. Via Santa-Monaca, Piazza del Carmine.
Firenze

Хорошо, что тебя нет, милый, дорогой Папаша. В последнее время образ моей жизни опять переменялся, т.е. опять побольше суеты и беготни; может быть, ты бы опять сказал, что это “*far niente preoccupato*”^{228*} – но зато ты, с другой стороны, был бы доволен, что я делаю больше движения. Начали мы недавно устраивать большие ранние прогулки. Были несколько раз с Monod, с Узиелли и Lafenestr’ом², это были важные прогулки, как, напр(имер), до Шартрезы, отправились мы в 9 часов утра, вернулись около 2-х. Но, кроме этого, я устроила прогулки с Berthe Sommier и ее братом³, в шесть часов утра, обыкновенно от 6 (до) 9 или 1/2 10-ого. Возвращаемся мы с множеством цветов. На днях после такой прогулки мне пришлось еще бегать от 12 (до) 1 по Long’ Cano, я искала пансион, в котором остановились Белинские – вечером у нас были гости, кухни Monod приехали, очень милые девушки, жаль, что они завтра уже едут. Сидели мы долго, я в 12 легла, не почувствовавши устали. К тому же я несколько раз ездила верхом с Стефеном. Какой он необыкновенно развитой юноша, трудно верить, что ему только 19-ый год. Какое несчастье, что у него глаза болят. Он послезавтра едет в Девон лечиться – проездом будет у тебя в Женеве – семейство остается еще до конца мая, а потом они едут на выставку.

Да, беготни больше тоже оттого что я ежедневно хожу к Бердушeku и его сестре – мы от 1 (до) 3 читаем “*Die Kunstgeschichte*” von Schnase⁴. Он очень много объясняет, стол всегда покрыт разными атласами, географическими и художественными, рисунками, гравюрами и т.д. Так как мы очень правильно читаем, чтение подвигается быстро и живо.

Я получила письмо от Natalie, она немного пишет, говорит, что, конечно, была бы очень довольна, если я приеду, но что звать не смеет, потому что боится, что я буду скучать⁵. Этого я никогда не боялась, ведь везде человек может так устроиться, чтобы не скучать, как только умеет читать, писать да вообще заниматься. Но для меня главная цель занимать других – и я уверена, что эти три недели пройдут очень хорошо.

Я буду заниматься Лизой, найдется время читать с Natalie, за домом у них, кажется, лесок – с другой стороны море – “*Mein Liebchen, was willst du denn mehr?*”⁶. Я ей уже отвечала, написала, что приеду в конце мая или в начале июня. И ты, Папаша, не опаздывай, приезжай, как обещал, в конце июня. Насчет лета я тебе серьезно советую даже не пробовать устраивать общую жизнь. К чему это поведет? Только к тому, что лето для всех будет испорчено – я это предчувствую. Нет, пусть Natalie едет в Lausanne или Vevey. А Мальвида в San-Terenzio или в Специю. Верь мне, это всего лучше.

Вот с Огаревым хотелось бы повидаться. Но как это устроить, милый Ага? Одна весть тебя обрадует, я думаю, милый мой Ага, я довольно много играю в четыре руки, некоторые вещи учу, но большей частью разбираю, чтобы познакомиться с разными увертюрами, операми и т.д. С Ольгой я играю “*La Grotta di Fingal*” Mendelssohn’а⁷, жаль, что она еще гораздо медленнее выучивает, чем я, несмотря на то, что на нее жаловаться нельзя, она сама всегда отправляется играть. Всего больше я играю с ее учительницей m-lle Backofen. Этой милой и добрейшей Бакошке (как мы ее называем) мы должны быть благодарны за то, что она Ольгу заинтересовала. Удивительно, как она мило обращается с ученицами. Папа мне несколько раз писал, если б можно было найти такую Бакошку для Лизы⁸. Но! Ей, пожалуй, найди! Но

228* хлопотливое безделье (итал.).

долго ли она останется? Прощайте, дорогие мои Папаши, обнимаю и крепко вас целую – иду читать “Wilhelm Tell”⁹.

Ваша Тата Г.

Кланяйся Пану. М(ери) и Г(енри) целую.

Я получила письмо от Стеллы – очень печальное¹⁰.

Папаша, насчет сапожника, я боюсь, что придется заплатить – я никак не могу припомнить – он работал для меня, когда мы еще были в Boissière, – 18 fr.”¹¹.

Рукой М. Мейзенбуг¹²:

Villa Montier-Naldini. Poggio Imperiale. Fire(nze)¹³.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное между 15 и 18 апреля (см. о нем ЛЖГ IV, 382), и на его письмо от 21 апреля (XXIX, 84–85). Наст. письмо Тата передала Герцену со С. Сомье, поехавшим в Женеву 27 апреля.

² Приятель А.А. Герцена и член кружка натуралистов во Флоренции; вскоре, 7 июня, вместе с Г. Моно и С. Баумриттером приехал к Герцену в Женеву; от имени кружка вел переговоры с ним и К. Фогтом об издании “позитивно-физикального ревью” (XXIX, 119, 120, 122; издание не состоялось).

³ С. Сомье.

⁴ Книга К. Шназе “Geschichte der bildenden Künste”. Изд. 2-е. Т. I–II. Düsseldorf, 1866–1867.

⁵ Это письмо не сохранилось, как и упомянутый далее ответ Таты.

⁶ “Милая, чего же тебе еще желать?” – рефрен стихотворения Г. Гейне “Du hast Diamanten und Perlen...” (“У тебя бриллианты и жемчуг...””) из цикла “Heimkehr” (“Опять на родине”, 1823).

⁷ Программная увертюра Ф.-Я.-Л. Мендельсона-Бартольди “Фингалова пещера” (1832).

⁸ Эти письма Герцена неизвестны.

⁹ 21 апреля Герцен писал Тате: «Если ты хочешь читать исторические драмы Шиллера, то их две – и обе chefs-d’oeuvre: “Wilhelm Tell” и “Wallenstein” (...) Принимайся за них сейчас» (XXIX, 84).

¹⁰ Письмо И.Ф. Савицкого (Стеллы) из Страсбурга неизвестно.

¹¹ Вопрос об этом содержался в письме Герцена от 21 апреля 1867 г. (см. XXIX, 85).

¹² Адрес дачи, снятой на лето А.А. Герценом.

¹³ Ответ Герцена, написанный, вероятно, около 2 мая, неизвестен.

59

Фрагмент

Суббота. 27 апреля 1867.

41. Via Santa-Monaca.

Piazza del Carmine. Firenze

Сегодня вечером в 10 часов уезжает Stefan Sommier. Он, бедный, едет в Девон лечиться. Ему ужасно не хотелось ехать – ему здесь было очень хорошо, особенно у Шиффов и у нас, в Девоне он будет ужасно скучать – один, без знакомых. Это было бы ничего, если б он мог заниматься, но глаза не позволяют. Он проездом остановится на день в Женеве, чтобы побыть у тебя – скажи, пожалуйста, чтобы его, во всяком случае, приняли, потому что он даже ночевать не будет в Женеве. У него письма от нас к тебе и Ага – да записка для Пана¹.

Ольга получила твоё красивое письмо сегодня². Ты её поздравляешь с знакомством с Гарибальди – но ведь, в сущности, весь визит был ужасно похож на глупую комедию³. Если б мы хоть минуточку пробыли с ним наедине – а то что же смотреть, как он сидит, окруженный кружком англичан.

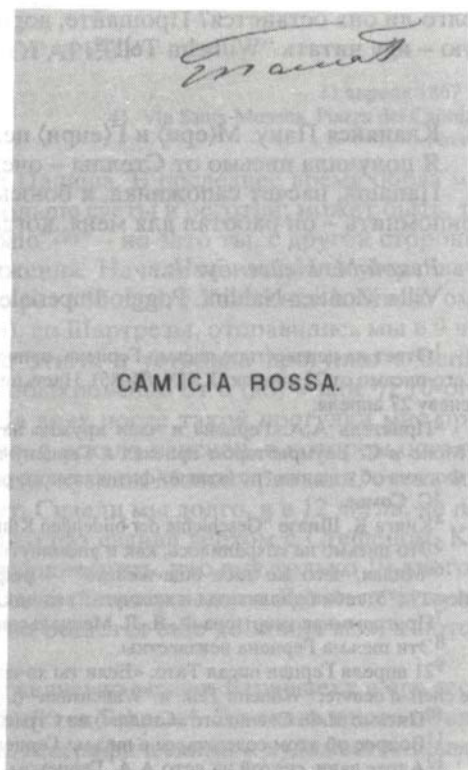
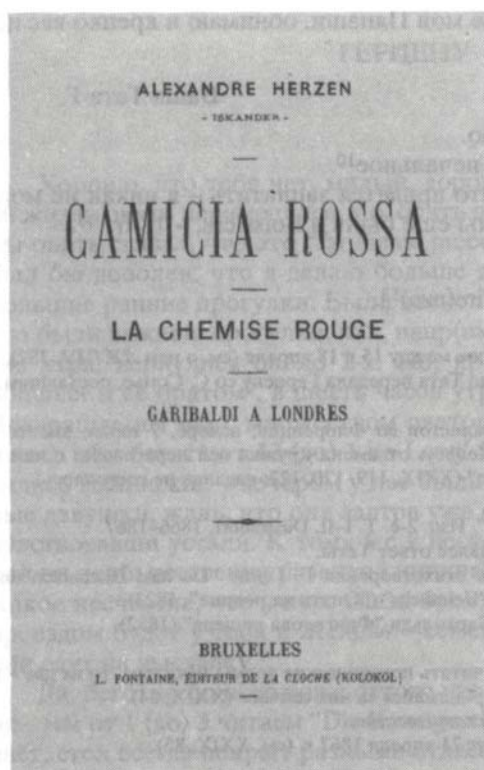
В письме, которое тебе отдаст Стефен Соммье, ты найдешь ответы на все твои вопросы. Между прочим тоже насчет сапожника – боюсь, что если Пан не найдет его чеки в пачке счетов, оставленных мною у него, придется заплатить.

Я хочу письмо это сейчас отправить, поэтому тороплюсь. “Пунша” и письма твоего, т.е. корен^{229* 4}

¹ Письмо 58; другие упомянутые письма неизвестны.

² Письмо Герцена от 24 апреля (XXIX, 86) написано на бумаге с красочным видом окрестностей Женевы и с золотым ободком.

229* Конец письма утрачен. – Ред.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД ГЛАВЫ X ИЗ VI ЧАСТИ "БЫЛОГО И ДУМ"
(БРЮССЕЛЬ, 1865). ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ТАТЕ ГЕРЦЕН

На шмуцтитule владельческая надпись: "Тата Г(ерцен)"

Музей Герцена, Москва

³По приглашению Д. Уайт-Марно, английской писательницы и подруги Гарибальди, давней знакомой Герцена, Тата и Ольга Герцен посетили Гарибальди во время пребывания его во Флоренции 17 апреля. Гарибальди расспрашивал о Герцене и передал ему поклон (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 461; Vinant, 224).

⁴Ответ Герцена на это письмо и п. 58, написанный, вероятно, около 2 мая, неизвестен.

60

6-го мая 1867

Villa Montier-Naldini.

Poggio Imperiale. Firenze¹

Сяжу за столиком Bertine Sommier и пишу тебе. Мы теперь уже на даче, но я часто хожу в город и особенно к Соммье, так как они скоро уезжают, — к сожалению, не через Ниццу. Но знаешь ли ты, с кем я, должно быть, поеду? С негритянкой — miss Remond². Она собирается ехать в конце мая, ей все равно ехать, морским или сухим путем; ей, кажется, очень приятно ехать со мной. Отчего ты, милый Папаша, мне как будто с упреком говоришь, что на три недели не стоит ехать в Ниццу. Во-первых, ты мне сам всегда говорил о трех, четырех неделях, а потом я писала это больше из осторожности: пойдет хорошо, я увижу, что Natalie довольна, что я на Лизу имею влияние хорошее, никто мне не помешает дольше остаться. Три-четыре недели — говорится, как "я еду на два, на три дня", а потом выходит неделя если не больше. C'est une manière de dire^{230*}.

^{230*} Это так говорится (франц.).

Здесь у нас на даче очень хорошо, такая разница температуры с городом, что больше поражает, чем разница между Женовой и Montreux зимой. А помнишь, как ты удивлялся?

Насчет Monod что тебе сказать – по-моему, тебе совсем не надобно беспокоиться³. Пусть Мальвида себе мечтает и строит воздушные замки, на Ольгу это не действует. Monod ведь чрезвычайно тихого, серьезного характера, нечего бояться, чтобы он когда-либо лишнее слово сказал, – и до сих пор, уверяю тебя, что он имеет только хорошее влияние на Ольгу. Уроки давать он продолжает. Если он Ольге и показывает *преферанс*^{231*} и часто с ней разговаривает, – право, можно только радоваться этому, его разговоры могут только ее развивать и приучать самой лучше говорить.

7 мая 1867

Да, Папа, уверяю тебя, не беспокойся об Ольге. Я больше раза с ней говорила, она чрезвычайно спокойная натура или, скорей, *неразвитая* натура, неспелая. Она таким детским образом говорит: “Monod мне всех больше нравится, и естественно, что я его люблю, он один со мной разговаривает разумно и мной занимается”. Сентиментального ни следа: привязанность ее – всего больше благодарность. Во всяком случае, не бойся, что она думает о будущем, о том, что когда-нибудь выйдет замуж и т.д.

Вот и пришло письмо, которое я ждала от Natalie⁴. Она, как видно, в очень хорошем расположении духа. Письмо такое характеристическое – только N(atalie) и могла его написать. Сначала оно очень грустно, она рассказывает, как провела 2-ое мая на кладбище, положила камень, на котором оставлено место для ее имени, потом рассказывает об Астракове, о смерти его, как он все видел Огарева, о бедной Татьяне, которая не знает, что делать, чем жить⁵. А кончает тем, что опять приглашает, говорит, что *все* радуются моему приезду – т.е. Elisabeth⁶, Ferret⁷ да Лиза. Что всего лучше – это что у них сумасшедшая кухарка, но, несмотря на это, тихая женщина. N(atalie) меня успокаивает, однако прибавляет, что, если Саша боится, она возьмет другую – что это не должно иметь влияния на время моего приезда!! – Pierre Rocca⁸ третьего дня приехал – Саша его видел.

Нам пришлось именно второго мая переезжать – потому что 1-го был проливной дождь, – я хотела тебе писать, но никак не удалось. Первое впечатление новоселия было чрезвычайно неприятно, пасмурно и печально.

У нас почти в продолжение недели был холод и дождь – да такой холод, что мы сидели в пальто и дрожали, но зато теперь такой жар, что Мальвида в восторге. Вилла наша презабавная, стоит она чрезвычайно мило на холме, маленькая капелла, полупокрытая зеленью, очень прибавляет исторического эффекту, деревья à la Perugino^{232*}, крутая дорожка, которая ведет к дому, с густыми кустами с левой стороны, а с правой наша “*rodegè*”^{233*} – виноградник, оливковые деревья – а у подножья холмика течет ручеек и стоят штук двадцать молодых, но больших дубов. А главное, вдаль тихие, нежные линии гор – все это очень мило, а при захождении солнца так хорошо, можно бы по целым часам стоять и смотреть, но, к сожалению, солнце устает к вечеру – довольное тем, что нас грело целый божий день, – и торопится поскорее лечь – и ложится зато с такой помпой и роскошью! Наши комнаты чего стоят – все украшены фресками: в большом салоне висит виноград с потолка, небо просвечивает, большая занавесь поддержана колоннами, но с одной стороны развязалась, небрежно упавши, образует самые эффектные складки и показывает вдаль озеро, острова, деревья, горы, синейшее небо – чуть ли не Эльдорадо. В столовой, чтобы никто никогда не мог грустить за столом, общество окружено осемью летучими

^{231*} предпочтение (франц. *préférence*).

^{232*} как у Перуджино (франц.).

^{233*} “усадьба” (итал.).

барышнями, играющими на разных инструментах – в костюме à la madame Tallien, grandeur naturelle^{234*}.

Однако всего тебе не опишешь, поэтому лучше поскорей перейти к ответам, напр(имер) – насчет последней пьесы Alex(andre) Dumas-fils⁹. Monod ее принес раз вечером, когда у меня болела голова, и, думая, что это не чтение для молодой девушки, – прочел ее громко М(альвиде) и Саше да унес – я у него несколько раз просила, он обещал принести. “Колокол” и твое письмо к Акс(ак)ову получили и прочли¹⁰, но о влиянии на русских судить не можем, потому что никого не видели. Ге вернулся только на днях¹¹, мы его еще не видели.

Неужели Катков еще не знает, кто Желудков?¹² Как это они не устали повторять одно и то же, эти старые сплетни о пожаре и обществе в Тульче – непонятно¹³.

Твоя карточка последняя мне не нравится – кто ее делал? Не Ferret ли?¹⁴ А что твой оцарапанный глаз? Будет тебе зубы вырывать – прошу покорно ни одного не трогать, не спросивши моего позволения.

Прощай, крепко тебя обнимаю и целую, тебя и Огарева.

Твоя Тата Г.

Пану жму руку – за заплоченный счет благодарю.

Сын Levier был третьего у нас с женой (сестра молодой англичанки Florence Hill, о которой ты сказал, что ей следовало бы пить сыворотку). На вид он не очень интересен. Узнали мы от него, что скоро явится новое издание истории философии отца его¹⁵.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 2 мая (см. ЛЖГ IV, 390–391).

² С.-П. Раймонд – приятельница Мащини, с которой Герцен познакомился во время пребывания во Флоренции в январе–марте 1867 г., направлялась в Англию через Ниццу–Париж. 11 мая Герцен писал сыну: “Я очень рад, что Тата едет с креолкой”, а 12 мая в письме к Тучковой-Огаревой просил принять ее “получше” и советовал передать с ней письмо к А. Саффи или Мащини (XXIX, 94, 96).

³ Очевидно, Герцен высказывал беспокойство по поводу матримониальных планов Мейзенбург относительно Ольги и Г. Моно, дававшего ей уроки французской литературы и истории.

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Тучкова-Огарева получила около 3 мая письмо от Т.А. Астраковой из Москвы (неизвестно) с описанием последних минут брата ее мужа – С.И. Астракова, умершего 5 января н.ст., повторяя имя Огарева (см. письмо Тучковой-Огаревой к Герцену от 24 февраля).

⁶ Elisabeth – горничная.

⁷ Ferret – ницкий фотограф.

⁸ Пьер Рокка – сын Паскуаля Рокка, повара в ницком доме Герцена (1851–1852).

⁹ Герцен, очевидно, спрашивал, читала ли Тата пьесу А. Дюма-сына “Idées de m-me Aubray”, поставленную 16 марта в Париже, в театре Gymnase и имевшую шумный успех.

¹⁰ Речь идет о д. 240 “Колокола” от 1 мая со статьей Герцена “Ответ И.С. Аксакову” (XIX, 244–255).

¹¹ См. п. 61 и прим. 7 к нему.

¹² Под псевдонимом Иван Желудков печатал свои статьи в русской прессе эмигрант В.И. Кельсиев.

¹³ В августе–сентябре 1865 г. русская реакционная печать во главе с “Московскими ведомостями” М.Н. Каткова развернула кампанию инсинуаций против “Тульчинской агенции Герцена” (колонии эмигрантов, основанной зимой 1863 г. братьями В.И. и И.И. Кельсиевыми в Тульче на Дунае и распавшейся к весне 1865 г.), будто бы виновной в массовых пожарах в России. Герцен тогда же разоблачил эту клевету в серии открытых писем в европейскую прессу и статей в “Колоколе”. В феврале 1867 г. в “Варшавском дневнике”, а затем в “Голосе” были повторены измышления о принадлежности Герцена к обществу поджигателей. См. их опровержение в его статьях (XIX, 229, 238–240).

¹⁴ Эта фотография Герцена неизвестна. Ее, очевидно, он послал старшим детям с письмом к Ольге от 24 апреля (фотография “одного веселого старичка” – XXIX, 86; см. о ней в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 764 – “сходства мало”).

¹⁵ Это письмо Н.А. Герцен было получено Герценом 10 или 11 мая; 11 мая он писал сыну, что “Татинo письмо прочел с большим интересом и удовольствием” (XXIX, 93, ср. 94, 96). Ответ Герцена, написанный, вероятно, 14 или 15 мая, неизвестен.

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

18 мая 1867. Villa Montier-Naldini.
Poggio Imperiale. Firenze¹

Милый Огарев, вчера вечером я пела в концерте, это больше *soirée musicale*^{235*}. Ты, может быть, уже слышал имя *madame Laussot*, Мальвида много о ней говорит. Эта дама очень много занимается музыкой – несколько лет тому назад она была директором “Общества Керубини” здесь, во Флоренции. Вот она недавно вернулась из Рима, видела Листа, привезла с собой его “*Pater noster*”^{236*}, кажется, его последнее сочинение² – составила хор, меня пригласила петь в контральтах или с контральтами. “*Pater noster*” очень хорош. После этого *m-me Laussot* сама играла на фортепиано – трио Бронсарта, ученика Листа, с премилым *scherzo* – трио для фортепиано, скрипки и виолончели.

Кончили мы “*Beatitudine*”^{237*} Листа – хором без аккомпаниемента.

Пишу я только несколько слов наскоро, потому что спешу в город – укладывать вещи, которые остаются. Я, верно, поеду в середу³. Железнов принес и отдал 200 fr. Странный человек. Вот самоотверженный – он работает только с мыслью, что без Вазари ни одна страна быть не может⁴. Я ему сказала, что вряд ли купят два, три экземпляра. – “Знаю, знаю, но придет время, может, лет через 50–100, – но непременно придет – и будут читать”. Вот как надо трудиться для человечества.

Прощай покамест, но я до отъезда еще напишу.

Всех целую.

Твоя Т а т а

Передай это письмо Папаше. “Писем об изуч(ении) природы” нет – Папаше хорошо бы прислать нам в Ниццу⁵.

Ты, Папа, обещал рассказать какой-то роман – об русском попе *und eine* (3 нрзб.)⁶.

Ге, наконец, вернулся, ему очень досадно, что он мне не отдал *портрет* до отъезда, но дело в том, что он думал вернуться через неделю, а остался 6 (?) Но портрет остается во Флорен(ции) к моим услугам⁷.

¹ Вероятно, отклик на неизвестное письмо Герцена, написанное 14 или 15 мая.

² Под названием “*Pater noster*” известно несколько произведений Ф. Листа. Одно из них, написанное в 1860-х годах, вошло позднее в ораторию “Христос”.

³ Среда приходилась на 22 мая. Тата приехала в Ниццу к Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизе 23 мая.

⁴ Художник М.И. Железнов несколько лет работал во Флоренции над русским переводом многолетнего труда Дж. Вазари “*Le vite dei più eccellenti pittori, scultori e architetti*” (1568). Том IV перевода вышел в начале 1867 г. в Вольной русской типографии. О связях Герцена и его детей с Железновым см. в ЛЖГ IV, 233–234, 372.

⁵ В письме от 3 июня Герцен обещал прислать Тате “Письма об изучении природы” (XXIX, 113).

⁶ См. письмо Герцена к старшим детям от 21 апреля (XXIX, 85).

⁷ В марте–апреле Н.Н. Ге ездил в Вену и был проездом в Женеве. До этой поездки он в феврале–марте написал во Флоренции известный портрет Герцена – “первоклассный *chef d’œuvre*”. Тата в 1868 г. сделала с него копию (см. XXIX, 301, 328).

Вот я и в Ницце, дорогой мой Папаша¹ – и всех старых знакомых уже видела, старушку Рокка и ее дочь², садовника Jean и Claudine, Сезарину и Адельгейт³. Как мне приятно вспоминать прошедшее и года детства, я столько помню и так живо...

Об теперешней здешней жизни я много сказать еще не могу. Лизин характер, ко-

^{235*} музыкальный вечер (франц.).

^{236*} “Отче наш” (лат.).

^{237*} “Блаженны...” (лат.).

нечно, очень пострадал от этого несистематического и неестественного воспитания. Что она, несмотря на это, необыкновенно способна и умна, мы все знаем. Я, во всяком случае, займусь теперь больше ее характером, чем просто умом или учением. Впрочем, это все идет вместе. Мы почти не расстаемся, она читает, мы разговариваем и рассуждаем – она меня, кажется, очень любит. Ах! Если бы решилась N(atalie) мне ее отдать на воспитание, я уверена, я чувствую, что имею хорошее влияние на нее. И с каким удовольствием, с какой любовью я бы это сделала.

Natalie все повторяет, что для нее выхода нет – пансион или Россия. Она спрашивает, что я об этом думаю, – как я могу серьезно отвечать на первое предложение, когда не вижу возможности исполнения. Ни веры в способности воспитывать, ни в терпение – и где капитал?

Утешся – и у нас ужасная погода была, сегодня только показалось солнце. Обнимаю тебя крепко, и Ага тоже. Скоро буду опять писать.

Твоя Т а т а Г.

Пану кланяюсь – Пану и князю⁴ – да всем женевским знакомым.

А где ты будешь зимой???

“Пунш” получили – книгу Фогта тоже⁵. А “Письма об изучении природы”?

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

На конверте я написала, что Тата приехала – она очень весело путешествовала, но здесь ее встретила тоже дурная погода – Лиза захворала в тот день, так что я одна встретила дилижанс; теперь все прошло, это была головная боль, после рвоты ей сделалось лучше.

Я не получала твоего ответа⁶. Насчет Прогер⁷ скажу, что не вижу ни малейшей надобности посвящать ее в мою жизнь, – если можно завести с ней пансион, я готова, *но возможно ли это?* Вот вопрос, если б можно, я бы осталась, но так как я предвижу, что это невозможно, то лучше ехать в Р(оссию). Гувернанту я считаю невозможным в моем положении.

Теперь о ближайшем, деньги у меня еще есть, если ты приедешь к 15, то не присылай, это ненужная потеря. До 4, я думаю, надо переехать, если бы отдали квартиру возле Гариб(альди)⁸, на один месяц можно взять, хотя и это трудно – через месяц будет слишком заметно⁹. Тата мне говорила, что ты потом поедешь на лето с ней к Ольге, стало, самое лучшее для нас ехать в горы вдвоем с Лизой и жить где-нибудь в пансионе после вашего отъезда.

Ну прощай. Кухарку не стоит присылать только на месяц¹⁰, а там мы лучше будем жить в пансионе¹¹.

¹ Тата приехала в Ниццу 23 мая дилижансом. Она отвечает на письмо Герцена от 25 мая, в котором он откликнулся на неизвестное сообщение Тучковой-Огаревой об этом, жаловался на холод и пр. (см. XXIX, 104–105).

² Вдова П. Рокка и их дочь Мария *Пиачентини*.

³ Адельгейда *Меассалер*, в 1851 г. горничная Л.И. Гааг, находившаяся вместе с ней во время кораблекрушения, впоследствии владелица гостиницы и ресторана в Ницце.

⁴ *Пан и князь* – С. Тхоржевский и П.В. Долгоруков.

⁵ Возможно, Герцен прислал для Лизы иллюстрированную книгу К. Форта “Vorlesungen über nützliche und schädliche, verkannte und verführte Tiere. Mit 64 Abbildungen in Holzschnitt” (Leipzig, 1864) или ее французский перевод, вышедший в Париже в 1867 г.

⁶ Вероятно, ответ на письмо от 25 мая (см. *АО*, 60–61, с редакционной датой 1868; дата установлена в ЛЖГ IV, 406). Ответ Герцена от 29 мая см. XXIX, 108–109.

⁷ *Прогер* – содержательница учебного пансиона близ Женевы; Герцен намеревался привлечь ее к воспитанию Лизы (см. XXIX, 82), Тучкова-Огарева же строила планы совместного с ней заведения пансиона (см. также *АО*, 55).

⁸ Семья двоюродного брата Дж. Гарибальди, жившая в Ницце.

⁹ Тучкова-Огарева предполагала, что беременна.

¹⁰ В ответном письме Герцен объяснял, что “никогда не собирался лето жить” в Сан-Теренцо с Ольгой, а лишь съездить к ней на неделю (XXIX, 109).

¹¹ Герцен получил настоящее письмо вечером 29 мая. “Им недоволен. Всю ночь решительно, часов до 5, не спал”. Ответил Тучковой-Огаревой 29–30 мая (XXIX, 113; ср. ЛЖГ IV, 408–409).

〈Ницца. 4 июня 1867 г.〉

Рукой Н.А. Тучковой-Огаревой:

Пишу только несколько строк, чтоб ты знал, что мы живы и здоровы. Тата и Лиза купаются каждое утро. Лиза учится плавать с большим старанием и храбростью – Тата учится нырять. Жары начались, но днем мы не выходим – мы устроили себе палатку и сидим в ней – а вечером гуляем. Вчера ходили смотреть квартиру, но не могли узнать о угле, надо идти опять сегодня – а помещенье хорошо: наверху для нас всех, а внизу кухня и две столовые

		вход	вроде салона
		салон	
Для тебя спальня			
Твоя комната			

		кучер
баня		Елизавета
спальня		спальня

Кухарка наша честная и добрая женщина, но готовить не умеет: пожалуй, присылай кухарку, только что с ней после делать – когда я поеду на горы, там все пансионы?

Море вдали...

Оставляю Тате место. Я жду твоего письма и поэтому ни о чем больше писать не буду.

Прощай, приезжай поскорей.

Рукой Н.А. Герцен:

4-го июня 1867. Nice

Я прочла последнее письмо Natalie к тебе, дорогой Папаша¹, и повторяю, что я год тому назад говорила в Lausanne. Как мне во Флоренции ни хорошо, ясно, что я сейчас все брошу, если Natalie будет больна, и буду смотреть за Лизой. Но когда идет речь о ее воспитании, о том, чтобы я серьезно взялась за него, – первое условие *plain pouvoir*^{238*} и полное доверие. С вечным противоречием на каждом шагу жизнь слишком неприятна и ни к чему почти не ведет.

Мы часто с Natalie разговариваем; она воображает, что у нас совсем противоположный взгляд на воспитание, во-первых – потому что я все-таки держусь больше за порядок, чем она, и говорю, что, по-моему, нехорошо приучать детей делать решительно все, что им вздумается. Как Лиза, *qui s'habitué suivre ses instincts en tout*^{239*}. Положим, мы все согласны, что наказывать нехорошо, – это очень хорошо в теории – а в практике Meysenbug и Natalie доказывают, что этим только портишь характер, – оттого ли, что они слишком слабы или не умеют, это Бог знает!² Но очевидный факт, что Ольга и Лиза никого не слушаются – что в некоторых случаях характер у них невыносимый. Ольга теперь во многом переменялась, но на Лизу мне иногда больно смотреть. Как можно равнодушно смотреть, как ребенок так дерзко отвечает матери и всем окружающим, или совсем не отвечает на вопросы, повторенные три, четыре раза, или отвечает: “А мне что за дело, что вы это говорите, я все-таки буду делать, что хочу”, – говорит и *делает!* (Пока все-таки молчу.)

Когда дошло до такой степени, когда просьбы и слова ничуть не действуют, по-моему, надобно бы все-таки искать другие средства. Я просила Natalie раз попробовать сказать Лизе, что за такие дерзкие ответы ты не пойдешь с нами гулять – по

^{238*} неограниченные полномочия (франц.).^{239*} которая привыкает следовать своим инстинктам во всем (франц.).

крайней мере не в Jardin public^{240*}, где все ее маленькие друзья. “Не хочу, это наказание, старая система”, — отвечает Natalie. Но ее система — *отсутствие всякой системы*, которая вместе с неровным, нетерпеливым (нравом) возбуждает только оппозицию.

Теперь я вот что с ней пробую; я ей говорю: “Ты понимаешь, Лиза, что, когда видишь ребенка, милого, веселого, так и хочется с ним играть, с ним заняться, ему сделать удовольствие, сюрпризы, — а когда видишь ребенка, который вечно ворчит, жалуется, всех бранит, — ты, естественно, отдаляешься от него — тебе в голову не приходит желать с ним играть или делать ему разные любезности, на которые он тебе все будет грубо отвечать. Например, Ольга; с тех пор как она переменялась, мне все хочется ей делать разные сюрпризы или с ней заняться и т.д.”. Мы одни гуляем. Наконец она мне сказала: “Тата, я хочу перемениться, как Ольга”. Теперь она, в самом деле, второй день гораздо умнее; однако сколько это продолжится, не знаю. Постараюсь поддержать. Я ей уже сказала, что мне сегодня так весело, что я другое платье надену, покрасивее. Странно, как эти безделицы действуют на детей.

Целую тебя и Огарева.

Твоя Тата Г.

В одном отношении я согласна с причинами, которые N(atalie) дает в объяснение желания ехать в Россию, — *неловко*³. Конечно, ее положение неловко, а ты никакого плана на устройство жизни не даешь?

Natalie, думая, что Saffi остаются в Англии, послала альбом Атилио⁴ с моей негритянкой⁵. M-lle Reymond еще в Париже. N(atalie) ей дала письмо рекомендательное к Лугинину. Не можешь ли ты ему написать — пусть он альбом оставит у себя покамест. Если m-lle Reymond у него была, конечно⁶. Пусть он у нее возьмет⁷.

¹ Очевидно, письмо от 1 июня.

² Откликаясь на эти размышления, Герцен писал: “Твоим письмом я очень доволен и целую за него от души. Что ты права насчет Лизы — в этом нет сомнения. Но главное, что надобно, — это иметь влияние на Nat(alie)”. “Фонд дурного в ее натуре идет из двух источников: ревность и необузданность (...) Если ты можешь настолько победить ее, чтобы иметь влияние на Лизу, — это великое дело” (XXIX. 115).

³ Сразу по приезде Таты Тучкова-Огарева призналась ей в истинном характере отношений в семье, рассказала о своей предполагаемой беременности и о том, что Лиза — дочь Герцена (см. об этом в письме Тучковой-Огаревой к Герцену от 25 мая — АО, 61).

⁴ Атилио — сын Аурелио и Джорджины Саффи. Семья Саффи летом 1867 г. переселилась в Италию.

⁵ С.-П. Реймод.

⁶ Герцен ответил, что к Лугинину писать теперь не намерен, т.к. тот собирается в Россию (“кажется, теперь он подойдет под амнистию” — XXIX, 116).

⁷ Герцен ответил 7 июня (XXIX, 115–116).

Ты не понял, дорогой мой Папаша, в каком отношении я написала тебе в последнем письме, что положение Natalie было бы *неловко*¹. Я хотела сказать, что неловко ей оставаться здесь *одной* — что с этой точки зрения я понимаю ее желание ехать в Россию. Но, кажется, Natalie опять *ошиблась*², и опять меньше говорит о России.

Ты говоришь, что пора бы жить открыто. Конечно, ужасно жаль, что это не было сделано с самого начала, но жалеть о прошедшем ни к чему не поведет. Как объяснить долгое молчание? Может быть, Огарев прав, и я была бы с ним согласна, если б не было Ольги и Лизы. Рано им говорить, Папаша, поверь мне. И, по-моему, важнее в отношении Ольги, чем Лизы³. Лизе почти бы лучше сказать теперь, важнее было бы, если б она привыкла к правде, бывши еще ребенком, пока ее маленькие подруги, игры и шалости ей не дадут время об этом размышлять. Мне кажется,

^{240*} Городской сад (франц.).

что чем позже, тем хуже, что уже надобно дождаться совершеннолетия мыслей и ума. Может быть, я ошибаюсь. Что ты думаешь? Ни за что бы мне не хотелось сказать Ольге теперь.

До сих пор Natalie со мной очень мила, и весь ее характер как будто бы стал покротче, кроме с Лизой. Конечно, трудно с ней сладить, но чья вина, *кто* виноват? Не могу тебе сказать, как мне больно видеть, как она, т.е. Лиза, на ласковые, тихие просьбы или замечания отвечает гримасой, насмешкой или замечанием: “*Ca m'est bien égal ce que tu dis*”; “*Crois-tu que cela me fasse quelque chose?*”^{241*}

Она не только теряет почти все грации ребенка, но, право, у нее сердце портится. По минутам я не знаю, что делать.

Мерси за “*Blocus*”, мы читаем его все вместе. Одна и с Natalie я читаю “*Norac'a*” George Sand'a. Я нахожу его характер немножко егзажерированным^{242*} – это почти карикатура⁴.

Об выстреле мы, конечно, давно слышали; знаем, что это должно иметь важные последствия⁵. Эмигранты, однако, объявили, что ничего общего не имеют с этим поляком, а у него самого, кажется, характер не хуже, чем у Каракозова. Что с ним сделают? Здесь была иллюминация по этому поводу, как во всей остальной Франции. И вход *нашего сада* был украшен двумя знаменами – для спасения Алек(сандра) Ник(олаевича)!! Но что же бы вышло, если б он попал? Впрочем, молодой человек не думал о будущем, а хотел только отомстить.

Ты пишешь, Папаша, что ты “страстный человек” – живешь только воспоминаниями. Ну, так я “страстная девушка” – потому что я это так хорошо понимаю и тебе сочувствую. Я продолжаю встречать старых знакомых. На днях меня остановила Julie⁶ на улице; узнав N(atalie), она догадалась, что я *бывшая маленькая Тата*; представь себе, что я ее сейчас узнала. Странный ее нос, *положение зубов* и бородавка с длинными волосами, все у меня ясно осталось в памяти – и я очень обрадовалась этой встрече!

Целую тебя крепко.

Твоя Т а т а

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Фотография Ферре. Ницца, 1868

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

¹ Ответ на письмо Герцена от 7 июня. Откликаясь на п. 63 (Тата называет его “предпоследним”, возможно, считая “последним” свое письмо к Огареву от 9 июня – см. РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 455, л. 30), Герцен возражал: “Ты говоришь о *неловком* положении. Я думаю, что мы, толкуя много о новом воззрении, – такие же старые люди, как и те, которые не толкуют. Выше всех нас головою Огар(ев) – и он

^{241*} “Мне все равно, что ты говоришь”; “Ты думаешь, что это для меня что-то значит?” (франц.)

^{242*} преувеличенным (от франц. *exagérer*).

всего дельнее говорит, что скрывать поздно и глупо. (Не афишировать и не скрывать.)" Далее следовала "исповедь" о развитии отношений с Тучковой-Огаревой на протяжении десятилетия и призыв к Тате помочь "собрать" рассыпавшуюся, "как бусы", жизнь семьи (XXIV, 115–116).

² Имеется в виду предполагаемая беременность Тучковой-Огаревой.

³ Тата откликается на слова Герцена в письме от 7 июня: "Пора бы сделать свидание с Ольгой и ей сказать обо всем" (XXIX, 116).

⁴ Герцен выслал Тате роман Эркмана-Шатриана "Blocus" (Р., 1867) около 10 июня, вместе с неизвестным письмом, на которое она отвечает далее в наст. письме.

⁵ Речь идет о покушении на Александра II, совершенном 6 июня в Париже участником польского восстания эмигрантом А.И. Березовским. Березовский был приговорен французским судом к пожизненной каторге.

⁶ Julie – служанка в ниццком доме Герценов в 1851–1852 гг.

65

Вторник. 17-ого декабря 1867.

№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze¹

Записочку твою получили². Да, неожиданно глупо мы расстались – глупо это прощание, сделанное наскоро. Возвращаясь, мы встретили Стефана Соммье, он очень жалеет и тебе кланяется. Кажется, виноваты мы, в день твоего отъезда вышел новый *appasio*^{243*}. В понедельник у меня была мигрень, всем сказано было, что "понедельника" не будет у нас, поэтому пришла одна m-me Шифф с Гуго и верный Levier. Потом я "Колокол" простудировала³. Видишь, когда я одна про себя читаю, мне до 12, до 1 спать не хочется.

Сегодня у нас обедает Линда⁴. Пановке ужасно не хочется, чтобы она дала *matinée musicale*^{244*}, но тут необходимость – им буквально нечем жить.

Поэтому я тебе тоже благодарна за то, что ты мне дал подарок деньгами. Мальвида с Пановкой "*en cérémonies*"^{245*} (только, *пожалуйста*, ты не говори и не пиши ей об этом) – он был неучтив, поэтому она не хочет иметь никакого дела с ним, кроме Ольгиных уроков, – и объявила ему, что не будет больше вмешиваться в устраивание Линдиной "*matinée*". Но чтобы Линда не пострадала от этого или не думала бы, что мы не заботимся о ней лично, мы решились с Мальвидой устроить и подарить ей весь туалет для концерта.

Среда. (18 декабря)

Мальвида купила шелк, я заплачу счет портнихе и подарю ей все маленькие аксессуары. Линда в восторге – как ребенок. А Терезине я подарю к Новому году золотые серьги – *second hand*^{246*} ⁵. Знакомые m-lle Giattà устроили лотерею для бедных, дама одна пожертвовала эти серьги, я за них заплатила 17 фр., а они новые стоили больше 30–35. Терезина ходит ко мне три раза в неделю, учиться – т.е. читать по-французски, а для отдыха и по-итальянски. Линде тоже ужасно хочется, пожалуй, можно бы и с ней что-нибудь устроить. Я вчера ее экзаменовала, она читает уже порядочно и многое понимает. Какая она живая и уморительная. Во время всего обеда нас смешила вчера.

Однако прощай, я сегодня отправляюсь покупать салфетки, скатерти и т.д. с m-me Шифф. Все знакомые тебе кланяются. Меццеского мы еще не видели после твоего отъезда⁶.

Саша в Спеколе.

Ольга смешна, мила и готовит уроки.

Meysenbug окрепла и пишет мемуары⁷. Я тебя обнимаю и крепко, крепко целую.

Твоя Т а т а Г.

Получил ли ты письмо Огарева, посланное отсюда?⁸

^{243*} конфуз (*итал.*).

^{244*} музыкальный утренник (*франц.*).

^{245*} "в натянутых отношениях" (*франц.*).

^{246*} подержанные (*англ.*).

Пиши побольше – что собор⁹ и деньги твои¹⁰ – здоровы ли? Доволен ли ты вообще Миланом и обедом в Hôtel Savour в особенности?

Писем для тебя нет.

Вчера Ольга тебе написала¹¹ poste restante¹².

¹ Герцен с Татой выехали из Ниццы во Флоренцию 17 ноября, приехали туда 21 ноября. Герцен пробыл у детей до 15 декабря, а затем через Милан – Турин – Геную возвратился в Ниццу (27 декабря).

² Ответ на неизвестное письмо Герцена от 16 декабря из Милана (см. XXIX, 241; ср. 780 – № 64, где оно фигурирует как письмо к неизвестному с датой “(середина декабря)”).

³ Очевидно, № 1 французского “Kolokol” (датирован 1 января 1868 г., вышел около 9 декабря 1867 г.).

⁴ Линда Караччиоло – флорентийская подруга Таты.

⁵ О подарке Терезине Феличи, с которой Герцен познакомился в доме детей в конце ноября, он заметил в ответном письме: “Я никогда не выбрал бы для подарка серьги – пустые вещи поддерживают пустые вкусы” (XXIX, 243).

⁶ С кн. А.А. Мещерским, дальним родственником Тучковой-Огаревой, приехавшим из России, Герцен познакомился в первой половине декабря.

⁷ Воспоминания Мейзенбург (т. I) были напечатаны в типографии Л. Чернецкого; вышли под заглавием: “Mémoires d’un idéaliste (entre deux révolutions), 1830 – 1848”, Genève et Bâle, 1869.

⁸ Письмо О.А. Герцену от 13 декабря (“Лит. наследство”, т. 39-40, с. 479–480), отправленное во Флоренцию и пересланное Татой в Милан. Получено Герценом 17 или 18 декабря (см. XXIX, 240).

⁹ 18 декабря Герцен писал Мейзенбург о Миланском соборе: “После Венеции я еще ни разу не видел такой каменной глупости, как этот огромный мраморный собор. Такой поразительно безумный, бесцельно возвышенный, сталактито-сумасшедший. Да, человек велик только в бессмыслице” (XXIX, 240, см. также 248).

¹⁰ В Турине Герцену предстояли хлопоты по переоформлению итальянских бумаг в банковской конторе Fidel, Berne et C^{nie}, начатому по пути во Флоренцию 19–20 ноября.

¹¹ Письмо О.А. Герцен от 16 декабря неизвестно. Оно было получено Герценом 19 декабря и очень обрадовало его (см. ответ Герцена Ольге от 19–20 декабря в кн. 1-й наст. тома).

¹² Отвечая на наст. письмо Таты 21 декабря, Герцен сделал несколько замечаний, в частности: “Вы очень рассеиваете ваши силы и средства” (XXIX, 243).

66

25-sth of December 1867.

№ 9. Piazza San(to)-Felice.

Via Maggio. Firenze¹

Вот и 25-ое декабря, но мы, конечно, не празднуем мое рождение. Шиффы придут с нами поболтать вечером – и Мещерский тоже. Он совсем не пропал; напротив, бывает очень часто и нам очень нравится² – такой живой, веселый, всё его интересует. Со мной он хочет верхом ездить, с Ольгой играть в четыре руки, с Сашей рассуждать о “либр арбитр’е”³ – с Мальвидой о Wagner’e, и т.д.

Опять начались хлопоты, беготня, выдумывание сюрпризов к Новому году. 31-го вечером будем у Шиффов – пожалуйста, думайте о нас! А с бюстом мы решили так – 31-го в 1/2 первого все участвующие должны соединиться у Забеллы в ателье, а в час будут приглашены Шиффы. Domengé сделает маленький speech. Так Забелле не придется переносить бюста – ты знаешь, что он не совсем кончен⁴.

С Domengé я говорила об обещанной статье – он сказал, что непременно напишет⁵. Я жду с большим нетерпением, это будет чрезвычайно интересно. Он мне viva voce^{247*} много объяснял. Я не понимаю, в чем он с тобой согласен. Мне кажется, что он полон надежд для Франции, он придает такую важность успехам ассоциаций, что, по его мнению, большой переворот неминуем – т.е. “abolition du prolétariat – aussi nous aurons atteint le même but que la Russie avec la commune”^{248*}.

29-ого дек(абря)

Бедный Domengé так болен, что он уже три урока Ольгиных пропустил. Прощай на сегодняшний день – обнимаю и целую тебя крепко – поздравляю с Новым годом. Добрый Пан прислал нам “Illustrated London News” к Новому году.

^{247*} живым голосом (итал.).

^{248*} “упразднение пролетариата – так что мы достигнем той же цели, что Россия с общиной” (франц.).

Вчера я целый день лежала с ужасной мигренью.

В будущем письме получишь описания всех важных событий:

1) Представление бюста;

2) Праздник у Шиффа – для которого у меня еще ужас сколько работы

3) Линдин концерт, для которого нам тоже приходится много хлопотать.

Кланяйся всем знакомым от Рокки и Адельгейды до m-me Garibaldi⁶ и Rocherolle.

Что за ужасы делают фенианы в Англии⁷. Жаль, что невинным приходится страдать.

№ Я получила 12 fr. от Berthe Sommer – очень-очень прошу Natalie доставить их m-me Gillywitto – miss Sommer's compliments^{249*} – у них общий сад с café Anglais – Адельгейда знает.

Рукой А.А. Герцена:

Любезный Папа, мне система Огарева так нравится⁸, что я тебе пишу сегодня чтобы сказать, что *поздно* и что я напишу завтра – т.е. после нашего праздника и презентации^{250*} бюста и т.д. Сегодня же – только для того, чтобы поздравить вас всех с Новым годом и пожелать вам всего хорошего.

Пожалуйста, пошли редактору "Pensée Nouvelle" 20 фр. – от меня – вообрази себе, что я не мог отправить, потому что требовали nom de baptême^{251*} редактора, а я не знал, я ему написал, что ты пришлешь.

Мещерский у нас и кланяется тебе; он сегодня встретил Долгорукова, который завтра едет в Рим.

Прощай⁹.

¹ Ответ на письма Герцена от 18, 21 и 23 декабря (XXIX, 240–241, 243–244, 246).

² 23 декабря Герцен спрашивал Тату: "Ну что же Мещерский пропал?" (XXIX, 246).

³ Вопрос о свободе воли (франц. libre arbitre) служил предметом многих споров в кружке флорентийских натуралистов. На одном из диспутов между М. Шиффом и Ж. Доманже 24 января присутствовал Герцен. Затем эта проблема обсуждалась не раз в переписке его с Огаревым и сыном, что послужило толчком к замыслу "Письма о свободе воли" (XX, 434–443).

⁴ В честь 45-летия М. Шиффа друзья заказали скульптору П.П. Забелло его бюст.

⁵ Ж. Доманже, ознакомившись с № 1 "Kolokol", переданным ему Герценом, высказал намерение вступить в полемику на страницах газеты с программными положениями "русского социализма", высказанными в "Prolegomena". 21 декабря Герцен писал Тате: "Напомни Домангаю, что он хотел писать возражение, – это для нас очень полезно" (XXIX, 243). Впоследствии Герцен не раз напоминал об этом обещании, но статья так и не появилась.

⁶ Жена двоюродного брата Дж. Гарибальди. С этой семьей Тучкова-Огарева и Тата познакомились в Ницце в мае 1867 г.

⁷ В сентябре в нескольких городах Ирландии революционная организация фениев подняла восстания, жестоко подавленные. 13 декабря фении, пытаясь освободить арестованных товарищей, взорвали стену лондонской тюрьмы.

⁸ Герцен писал об этой системе" 21 декабря (XXIX, 243).

⁹ См. ответ Герцена А.А. Герцену от 4 января 1868 г. (XXIX, 255). Герцен выполнил просьбу сына. См. п. 67.

С русским Новым годом поздравляю!

Мерси за деньги, милый Папаша, они всегда полезны – только напоминаю тебе, что 12 fr. Берты я давно употребила на Ольгино черно-шелковое платье, т.е. на отделку. Уезжая, ты мне оставил три счета: 1) за бархатные жакетки, т.е. портнике, – 18 fr., 2) за альбом большой 26. Да за отделку платья Ольги – так что ты мне должен 44 fr. А если ты мне назначишь что-нибудь для рождения, то пришли все вместе – это проще и лучше.

^{249*} поздравления от мисс Сомье (англ.).

^{250*} представления (франц. présentation).

^{251*} имя, данное при крещении (франц.).

Мещерский ходит часто. Чрезвычайно симпатичный человек. Я лично с ним в очень хороших отношениях – остальные все тоже, но так случилось, что мы больше вместе, чем другие. Мальвида была нездорова, Ольга простужена, Саша все на Спеколе, он раз входит и говорит: “Что это вы все дома сидите – пойдемте погулять”. И уговорил меня идти. С тех пор мы уже несколько раз делали громадные прогулки вдвоем – вчера еще были в Шартрезе, по Poggio Imperiale отправились. Чудо как хорошо. У него искры кокетства нет, он никогда не любезничает. Ему не до того, он хочет еще много работать и разные планы имеет. Mais nous sommes sur le bon chemin pour devenir grands amis²⁵². А прогулки делаем совсем как два товарища – он неутомим, постоянно имеет что-нибудь интересное рассказать или меня вы(с)-прашивает. Словом, с ним очень весело и хорошо. 17-ти лет он сидел в крепости по делу петербургских студентов. Всех на свете знает – от Европеуса, Чернышевского, Михайлова, до Усова, Лугинина и т.д. Имя его было в “Колоколе” – после ареста, он помнит². Как жаль, что ему скоро придется вернуться в Германию, может быть через 10 дней или две недели. Тебе он очень кланяется. Статья Огарева к “Колоколе” ему очень нравится³, ему хочется с ним познакомиться – если он будет в Женеве, я ему дам письмо.

Как это Лизочка ни слова мне не написала к рождению? Ни Натали. Целую их и тебя крепко обнимаю, дорогой Папаша.

Твоя Т а т а

Ольга часто простужается. Мальвида все нездорова.

Рукой А.А. Герцена:

Любезный Папа, Domengé был болен и поэтому не мог написать статью, но обещает написать, когда выздоровеет⁴. И я еще не могу дать Чернецкому работы⁵ – с тех пор, как ты уехал, мне было совершенно невозможно заняться своей статьей, Шифф взошел в какую-то ярость работы и совершенно неумолим, я возвращаюсь только к обеду, и довольно усталый, потом надо же посидеть и поболтать, и кое к кому сходить, потом праздники, страшный холод и насморк, и, наконец, теперь Matteucci мне буквально заказал три публичные лекции, к которым я должен тоже приготовляться, так что прежде месяца не могу ничего обещать.

А.А. МЕЩЕРСКИЙ

Фотография Кутилина. Петербург. 1870. Внизу подпись рукой Мещерского: “Первый Русский. Vispino. Tr(i)stino и еще пока больной! Март (18)70 СПб.”

Музей Герцена, Москва

²⁵² Но мы на надежном пути к тому, чтобы стать большими друзьями (франц.).

(14 января 1868 г.)

Сию минуту получил твое письмо – завтра напишу тебе ответ⁶.

Кланяйся Natalie.

Лизу целую.

С а ш а

Деньги из Турина получил 4.348 фр.⁷ – а “Pensée Nouvelle” не выдерживает задачи⁸.

¹ Ответ на письма Герцена к А.А. Герцену от 4 января и к Н.А. Герцен от 8 января (XXIX, 253, 254), а также, вероятно, на неизвестное письмо от 2 или 3 января с поздравлениями по случаю дня рождения Таты (он считал в эти годы, что она родилась 25 декабря по старому, а не по новому стилю, и прибавлял еще 12 дней – ср. XXVIII, 127 и 139) и обещанием прислать деньги на подарок.

² Мещерский упоминался в “Списке студентов, содержавшихся в крепости...”, который был помещен в разд. X “Материалов для истории гонения студентов при Александре II” (л. 121 “Колокола” от 1 февраля 1862 г., с. 1009), а также в статье Герцена “Хроника террора” (л. 141 от 15 августа 1862 г. – XVI, 228).

³ Работа Огарева “La Russie actuelle et son développement”, публикация которой началась с № 1 “KoloKol” от 1 января.

⁴ См. п. 66 и прим. 5 к нему.

⁵ 4 января Герцен писал сыну: “Что ты думаешь с твоей диссертацией французской – печатать теперь у нас можно, у Чернецк(ого) работы не много. Ты рукопись можешь исправить и посылать частями” (XXIX, 255). Речь идет о работе А.А. Герцена “Conversations physiologiques”, с которой Герцен ознакомился в рукописи по приезде во Флоренцию 21 ноября 1867 г. (см. XXIX, 236).

⁶ Письмо Герцена от 11 января, в котором он “предостерегал” сына от предстоящего “безрассудного” брака (XXIX, 257–259). Ответ А.А. Герцена неизвестен.

⁷ Посланы по поручению Герцена.

⁸ Наст. письмо отправлено вместе с п. 68.

68

(Флоренция.) Вторник. 14-ого января 1868.

Саша не отослал мое письмо, написанное несколько дней тому назад¹, – поэтому прибавляю еще несколько строчек. Во-первых, только что получили “Дым” Тургенева и “Pensée Nouvelle”. К чему ты прислал “Дым” – ты, кажется, мне сам говорил, что тебе не нравится?²

Мальвида все нездорова, Domengé сегодня в первый раз начнет опять уроки – поэтому мне приходилось долго бывать с Ольгой, ее занимать, учить, читать с ней. Несмотря на то, что она еще такой ребенок, это мне доставляет большое удовольствие – она со мной всегда с радостью учится, старается и чрезвычайно мила. Мне иногда даже больно за Мальвида – но с точки зрения Ольги я понимаю, что она отдыхает у меня от вечных замечаний Мальвиды, в пользу которых она не верит, хотя знает, что делаются из любви к ней. Несчастные уроки Пановки, благодаря им она вечно слышит: “Не выходи из комнаты, надень что-нибудь на плечи, удерживай кашель” и т.д.

С Терезиной уроки идут так себе, она работает прилежно и внимательно, но задача трудна. Уроки музыки с m-lle Vaskofen идут хорошо – она с большой легкостью все понимает – но резкого, необыкновенного таланта нет.

Только что принесли твое застрахованное письмо – но Саши дома нет³.

Еще раз всех целую.

Твоя Т а т а

Благодарю за деньги.

16 января^{253*}

Перепутали мы все с письмами, теперь вижу, что Саша не вложил эту записочку. С тех пор и Ольга, и Мальвида уже писали⁴, а Саша не знает, как тебе отвечать. Я письмо твое не читала, но Саша мне все рассказал, и я понимаю, что с его точки зрения ему почти невозможно исполнить твой совет⁵. Ведь он уверен (насколько

^{253*} В автографе описка: дек(абря). – Ред.

человек может быть уверен) в том, что он любит Терезину и что она его любит и что они вместе будут очень счастливы. Как же ты хочешь, чтоб он при таких обстоятельствах вдруг отретировался бы? – Мы можем это желать – и я лично не была бы против, потому что совсем не уверена в характере Терезины. Но она в 1 1/2 года разовьется, тогда и увидим, что делать.

Мальвида тебе рассказала о неожиданном визите М. Боткина и его двоюродного брата. О Левицких, как его дела не очень хорошо идут, все ходят к Петруше – зато Полина поет и делает фурор. Съездить бы мне к ним погостить?⁶

Как мы тихо живем – я решительно ни разу не была ни на бале, ни на вечере – даже к Шиффам ходим очень редко. Теперь единственное развлечение – прогулки с Мещерским, но он скоро уедет. Всех целую еще раз⁷.

¹ Имеется в виду пред. письмо.

² 11 января Герцен послал для Таты роман Тургенева “Дым”, полученный от автора из Парижа, а в следующем письме, от 17 января, писал в шутку, что от его чтения “остается копоть и чад” (см. XXIX, 259). Однако в ответ на наст. письмо Герцен написал Тате 19 января: «“Дым” мне действительно не нравится – но в русской литературе Тургенев все же не такой дюженик, чтоб позволительно было не знать его сочинений» (XXIX, 260).

³ Письмо Герцена к сыну от 11 января 1867 г., в которое были вложены также деньги для Таты – “на вздор” (XXIX, 257–259).

⁴ Письма Ольги и Мейзенбуг к Герцену от 14 или 15 января неизвестны.

⁵ Ср. XXIX, 258–259.

⁶ По возвращении С.Л. Левицкого в 1865 г. в Россию его двоюродный брат и помощник по фотографическому ателье П.А. Захарьин завел в Петербурге отдельную фотографию. – П.С. Левицкая, как сообщал Герцен 18 января Тхоржевскому (очевидно, получив это известие из письма Мейзенбуг), – “поет в концертах и поступает в оперу” (см. XXIX, 260).

⁷ Герцен ответил 19 января (XXIX, 260–261 – до слов: “Она с этой Сандрильоной хороша”); далее в этой публикации следует ошибочно присоединенный текст, относящийся к письму Герцена от 1 января (см. ЛЖГ V, 24).

22-ого февраля 1868.

Piazza San(ta)-Felice, № 9. Firenze

Не бойся, дорогой мой Папаша, Катя ведь никак не может иметь влияние на мой характер¹ – если я ей до сих пор жертвовала больше времени, чем сама желаю, то это не моя вина. Я должна была держать ее далеко от нашего дома и особенно от Ольги. С другой стороны, она далеко не глупая девушка и многое знает, многим интересуется, как я тебе, впрочем, уже писала (если ты получил письмо мое)². Мы кончили “Что делать?” – она с большим вниманием слушала и о многом рассуждала. Конечно, мы во многом противоположных мнений, но это совсем не мешает вместе читать, а напротив. Первые дни я должна была с ней разъезжать по городу, чтобы познакомить ее с магазинами, ей было нужно. А когда я заметила, что она начинает вздор покупать, я просто отказывала сопровождать ее, говоря, что дело дома. Сколько раз я ни предлагала Мальвиде устроить общее чтение у нас вечером – она всегда отклоняла, боясь Катино влияние на Ольгу.

Но Мальвида и Саша несправедливы против Кати, они решительно видят только нехорошие ее стороны. Что она тебе и Natalie не понравилась, еще понятнее – видя и зная ее так мало, вы могли только нехорошие стороны ее узнать.

Вот очень кстати приехали Бердушеки – на неделю. Марта обыкновенно оставалась у Шиффов – а m-me Schiff нездоровится, она просила нас взять Марту. Воспользуюсь этим случаем, чтобы Катю еще меньше видеть, но я устрою с ней чтение “Кромвеля”, так как с Мальвидой не подвигается³ – то она нездорова, то не хочет читать, потому что Ольга не участвует, ей не по силам. А Катя – *испорченная* натура, но совсем не бездарная – с ней можно читать. Насчет Утина тоже думаю, что ты не совсем справедливо судишь, милый Папаша⁴. Здесь он с нами чрезвычайно учтив, но и следа интимности нет – как это тебе вздумалось? Он немножко постарше

Мещерского, но был студентом в то же время, в Петербурге – их вместе арестовали, они вместе сидели в крепости⁵. С тех пор они, однако, 4–5 лет не видались.

Встретились они здесь во Флоренции. Мещерский с самого начала стал его расспрашивать о женевском деле его брата с тобой⁶. Мещерский меня уверял, что Утин с самым большим уважением говорил о тебе, говорил даже, что ты во всем был совершенно прав, а брата своего *просто ругал* (это слова Мещерского). Отчего ты его считаешь врагом?

Утро 24-ого фев(раля)

Дорогой Папаша, только что получили твое письмо с ужасным известием о бедном Огареве⁷. Сапа побежал телеграфировать⁸, а я хочу немедленно отослать письмо это, чтобы еще и еще раз просить тебя позволить мне съездить к Огареву и за ним ходить, если дело серьезно и продолжительное⁹. Бедный, добрый мой Ага, крепко, крепко тебя обнимаю и целую.

А ты, Папаша, расскажи, как все случилось. Мару, наверно, умеет ходить за больными – но много работы будет ей одной. Во всяком случае, лучше *мне* ехать, чем Сапе.

Здесь все здоровы.

Твоя Тата Г.

Ольга целует Огарева и тебя¹⁰.

¹ Тата отвечает на письмо Герцена от 18 февраля, в котором он писал: “Не могу сказать, чтоб я был особенно доволен твоей излишней близостью с Воло(димировой), она пустая и дрянная – ты хотела быть серьезной” (XXIX, 278). Речь идет о Е. Владимировой, вновь приехавшей из России в Женеву, а затем отправившейся через Ниццу во Флоренцию. Герцен предупреждал Тату, что она сделалась “величайшей консерваторкой” (XXIX, 256, 260–263). Видевшись с Владимировой в конце января в Ницце, он был “взбешен” ее “нецеремонностью”, намерением поселиться у его детей во Флоренции “на неопределенное время” и требовал, чтобы они, проявив твердость, устроили ее отдельно, в каком-нибудь пансионе. Около 1 февраля Владимирова приехала во Флоренцию и поселилась в пансионе.

² Это письмо Таты, написанное около 10 февраля, неизвестно. О нем же, вероятно, вспоминает Герцен в письме от 26 февраля (XXIX, 283).

³ 16 января Герцен послал Тате “историю Кромвеля” – по-видимому, книгу Ж.-М. Дарго “Histoire d’Oliver Cromwell” (P., 1867 – ср. XXIX, 667). Советуя “прочесть с вниманием” книгу, он писал ей 17 января: “Что за величественные лица всех главных участников англ(ийской) революции, что за сила и энергия, а восстановленный король – шалопаи и воришка, дрянь и папист – казнит их и бьет, как мух хлопущей, – и стада народа стоят и смотрят. Человечество вырабатывает на мильон негодяев в сто лет одного порядочного человека... кто же уроды – он или стадо?” (XXIX, 259).

⁴ Речь идет о Е.И. Утине, младшем брате Н.И. Утина. 18 февраля Герцен в письме к Тате предостерегал: “Он хуже своего брата, один из затаенных врагов наших (...) Прошу быть очень осторожным с ним (...) Неужели Мещер(ский) не раскусил его?” (XXIX, 278). По воспоминаниям кн. П.В. Долгорукова, Е.И. Утин вел в Женеве в мае 1867 г. переговоры с Герценом о печатании в Вольной русской типографии сочинений Чернышевского. Переговоры потерпели неудачу и книги вышли в типографии М.К. Элпидина (см. ЛЖГ IV, 64, 97, 395–396).

⁵ Е.И. Утин был арестован во время студенческих волнений в Петербурге осенью 1861 г. После освобождения находился под гласным надзором полиции.

⁶ О каком именно эпизоде отношений Герцена и Н.И. Утина в Женеве идет речь, точно не установлено. Они были чреваты конфликтами, начиная с эмигрантского съезда 29 декабря 1864 – 6 января 1865 г.

⁷ Письмо Герцена к сыну от 21 февраля с известием о несчастном случае с Огаревым (в ночь на 20 февраля он сломал себе ногу) и о своем немедленном выезде к нему в Женеву (XXIX, 280).

⁸ Текст этой телеграммы детей Герцена в Женеву неизвестен. В ней выражалось беспокойство о здоровье Огарева и готовность приехать. (см. XXIX, 282).

⁹ 26 февраля Герцен отвечал: “Теперь ездить незачем. Вот разве летом – другое дело” (XXIX, 282).

¹⁰ Герцен ответил 26 февраля (XXIX, 282).

10-ого марта 1868. Середа¹
№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze

Все утихло, милый Папаша!

И теперь Катя, верно, уже в Ницце. Глупая она, не обдумала ничего. Какую приятную жизнь можно было *⟨бы⟩* устроить с ней, если б она была разумнее. И Утин вернулся в Ниццу, Мещерский его так редко видел и имел так мало сношений с ним, что не может судить о нем². Так как профессор Мещерского еще путешествует, он решил остаться еще во Флоренции до конца марта. Ему нужно подробно изучить вторую половину 18-ого столетия, особенно Французскую революцию. Хотелось ему прочесть историю революции Quinet³. Он предложил нам читать ее вместе по вечерам. Вот и начали мы на днях. А чтобы факты и числа привести в порядок в моей голове, я одна перечитываю Mignet⁴; несмотря на наше чтение Carlyle и Michelet в Ницце⁵, это полезно. Я нахожу, что с Mignet следует начать с Ольгой. Если мы летом будем вместе, я непременно с ней прочту. Я говорю летом, потому что ничего не устроишь путного теперь, она свободна только по минуточкам.

Можешь ты мне сказать, пожалуйста, чьи были, т.е. кто автор этих биографий Danton, Анахарсис Клоца и т.д., которые нам давал читать Касаткин, в Буассьере?⁶ Читал ли ты историю революции Quinet – я не помню; но Мальвида говорит, что не очень ею доволен был? Мещерский находит, что много фраз.

На днях я писала в Ниццу. Благодарила Natalie за приглашение которым, конечно, не воспользуюсь теперь⁷. Ты, верно, ей писал, чтобы меня удалить из Флоренции? Лизе я с Катей послала премиленькую брошку. (А proros, вперед благодарю за деньги, которые ты мне обещал, они очень кстати.)

Как мы, однако, тихо провели эту зиму; что касается до *вечеров, раутов* и т.д., решительно ни у кого не бывали. С нездоровьем Мальвиды и m-me Шифф кончились наши *понеделники* и шиффовские *четверги*. У Sommier мы раз обедали, вот и всё – да с Катей я была раз у Ге, в субботу вечером. Никакого общества, никакого кружка не устроишь. То, что я тебе писала о Берлине, конечно, глупо, ведь я сама доказывала Мальвиде, что это вздор. Но она с таким энтузиазмом об этом говорила, потом мне хотелось чем-нибудь отвечать на твой вопрос после первых наших намеков о Германии. Ты писал: “Нельзя же так вдруг ехать в какой-нибудь *Каценеленбоген* – сговоритесь, предложите план”. – Тут Monod столько писал о приятном и интересном обществе в Берлине, что я тебе сделала это предложение, чувствуя, что оно неумно и неисполнимо. В самом деле, *château en Espagne*⁸.

Что здоровье Огарева? Хорошо ли за ним смотрят? Посылаю тебе и ему последние свои карточки с *пятнышком* на руке⁹. Нравится вам или нет? Здесь почти все довольны, потому что у меня выражение не такое сердитое, как на других. Пану кланяюсь, пусть скажет, какая поза ему больше нравится – я ему пришло – ему и Чернецким.

Покаместь обнимаю и крепко тебя целую, Папаша, и тебя, добрый мой Ага.

Ваша Тата Г.

Бедный Бенни!¹⁰

¹ В 1868 г. 10 марта приходилось на *вторник*. Н.А. Герцен ошиблась, очевидно, в дне недели: 11 марта она осведомлялась уже в письме к Огареву (автограф см. в РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 456, л. 4), получены ли фотографии, о посылке которых речь идет в наст. письме. На автографе его, ниже даты, пометы Герцена о днях недели.

11 чет(верг)

12 пятн(ица)

13 субб(ота)

14 воск(ресенье)

15

16

² Тата отвечает на письмо Герцена к ней от 26 февраля, а также на письмо его к сыну и Мейзенбург от 27–28 февраля (XXIX, 282–283 и 283–285). О Е. Владимировой и Е.И. Утине см. в п. 69 и др.

³ Речь идет о книге: E. Q u i n e t. *La Révolution*. V. I-II. P., 1865. Герцен читал ее сразу по выходе, в декабре 1865 г.

⁴ О чтении с Татой книги Ф.-О. Минье "Histoire de la Révolution française" (P., 1824) Герцен писал сыну еще в ноябре 1859 г. (см. XXVI, 306).

⁵ В середине и конце октября 1867 г. Герцен с Татой читали, по-видимому, следующие книги Т. Карлейля и Ж. Мишле: Th. C a r l y l e. *The French Revolution. A History...*, v. I-III. L., 1837 (возможно, тт. I и II во французском переводе 1865–1867 гг.); J. M i c h e l e t. *Histoire de la Révolution Française*, v. I-VII. P., 1847–1853).

⁶ Вероятно, речь идет о книгах: G. A v e n e l. *Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain*, v. I-II. P., 1865; E. H a m m e l. *Saint-Joust, extrait de la biographie universelle*. P., 1863; E. H a m m e l. *Histoire de Robespierre...* P., 1865; A. B o u g e a r t. *Marat, l'Ami du peuple*, v. I-II. P., 1865. (о них Герцен писал Огареву 26 марта 1865 г. – XXVIII, 51). Возможно, от В.И. Касаткина Герцены получили книгу: A. B o u g e a r t. *Danton. Documents authentiques pour servir à l'histoire de la Révolution française*. Bruxelles, 1861.

⁷ Это письмо неизвестно.

⁸ В неизвестном письме от 17 января Тата предложила общую поездку в Берлин. Герцен отвечал 22 января, что об этом можно будет подумать не ранее лета, а затем, в письме от 27 января, добавил, что нужен "план, комбинация" (XXIX, 264 – эти строки и напоминает Тата). В неизвестном письме, написанном около 10 февраля, она вновь, уже подробнее, изложила выдвинутый А. Фолькмар проект переезда Таты с ней в Берлин. 26 февраля Герцен писал, что не отвечал на этот проект, потому что принял его за воздушный замок. "Какой же смысл, кроме желания двигаться? Какая специальность у тебя, которой особенно соответствует Берлин? Если ты хочешь заниматься чем бы то ни было – то еще и во Флоренц(ии) и в вашем круге (...) найдется дело" (XXIX, 283).

⁹ Одну из этих фотографий, с дарственной надписью Герцену от 7 марта, см. в наст. кн.

¹⁰ Отклик на статью Герцена "Arthur Beni" в № 9 "Kolokol" от 1 марта (XX, 132–133). В ней рассказывалось о ранении А. Бенни, находившегося в гарибальдийских войсках в качестве корреспондента английской прессы. А. Бенни был знаком с Герценом и его семьей в Лондоне с 1858 г. Перед присоединением к гарибальдийцам Бенни, вероятно, побывал у детей Герцена во Флоренции: в письме от 28 октября 1867 г. Герцен просил их и Мейзенбург помочь ему с рекомендациями к итальянским деятелям (см. XXIX, 218). 27 ноября 1867 г. Бенни умер – по-видимому, от заражения крови (см. XXIX, 294).

Ответ Герцена, написанный около 16 марта, неизвестен (см. о нем в п. 71). Герцен откликнулся на наст. письмо также в письме от 23 марта (XXIX, 295; 298; об исправлениях в его тексте см. в ЛЖГ V, 44).

71

22-ого марта 1868. Воскресенье¹.

№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze

Дорогой мой Папаша, скажи мне, пожалуйста, что ты Саше пишешь? Верно, о Терезине все? На что? Что же ты хочешь, чтобы он делал теперь? Письма твои он мне не показывал, даже одними намеками о них говорил, но я вижу, что они его очень огорчают². Право, лучше не дотрагиваться больше до этого предмета. Пожалуйста, не думай, что он просил меня писать, нет, я ему даже не говорила, что пишу тебе об этом.

Ты себе, верно, делаешь совсем фальшивое понятие о наших отношениях с Терезиной. Никто не думает о том, невеста ли она или нет, – те, которые догадываются, об этом не говорят, все относится одинаково к ней, т.е. как в милому ребенку, как к Ольгиной подруге и моей ученице. К нам так мало и редко ходят – да к тому же в ее обращении с Сашей ничего не бросается в глаза. Что же ты от него хочешь? Он счастлив, она мила, резва, учится хорошо, во всем успевает – он верит в ее любовь и в будущее счастье. Не могу сказать, что и я так уверена – но его не разубедишь. А потом, в самом деле, как можно вперед знать? У каждого свое понятие о счастье. Он теперь мечтает о совершенном уединении, о тихой семейной жизни в одиночестве. Я жалею об этом, потому что, по-моему, общество хорошо на него действует и оживляет его. Но теперь дело сделано, к чему его мучить этими рассуждениями, он отретироваться никак не может – да и не хочет – ясно и естественно, когда он верит в свою любовь к ней. Поэтому прошу тебя серьезно, милый, дорогой мой Папаша, не говори больше об этом, не мучь его, пусть он живет себе счастливо по-своему. Что же нам желать, если он в самом деле счастлив? Какой нам вред от этого? Нельзя же серьезно говорить о том, что человек должен бы так или иначе жениться, чтоб устроить home^{254*} сестрам. В характере Терезины много хорошего, больших недостат-

^{254*} дом (англ.).

ков я до сих [⟨]пор[⟩] не замечала. Никак уж нельзя приписать ей и ее отношениям с Сашей то, что наша жизнь монотоннее теперь, чем прошлого года. Это решительно ни в чем не могло помешать. А помешало просто то, что наш кружок значительно уменьшился, и то, что Мальвида и m-me Schiff постоянно нездоровы.

Итак, еще раз очень, очень тебя прошу: не обижай Сашу, пиши мне, расспрашивай меня обо всем, что хочешь, но оставь его в покое, милый Папаша. Что он летом не хочет уезжать³, именно в то время, когда и нас не будет, тоже естественно. Как же сразу опять оставить Терезину в семействе, в обществе, к которому она уже больше не принадлежит, – все-таки у нее теперь совсем другие интересы. Летом все уезжает, даже любимые ее уроки музыки прекратятся – люди, которые ее окружают, натуры грубые. Нехорошо было бы даже с Сашиной стороны, если б он ее оставил одну летом.

Был у нас третьего дня громадный концерт – в Sala Filarmonica. M-me Laussot устроила. Все было очень удачно. Les Cherubins – т.е. члены нашего “Общества Керубини”⁴ – сделали громадные успехи с прошлого раза, благодаря необычайной энергии m-me Laussot. Превосходная женщина, даже Рапофка, который был с ней “en cérémonie”^{255*} не мог удержаться, встал, сделал ей разные комплименты – и до сих пор все повторяет: “Cette femme a du génie, cette femme a du génie!”^{256*} Вот наша программа – покажи Огареву:

1) *Ouverture avec chœur* de O. Nicolai, arrangée p(ou)r deux pianos. На одном форт(е)пиано) играла Berthe Sommier.

2) *Cœur de Pélenus*. “Ave, Maria” – Arcadelt.

3) “*L'Etoile du Soir*” – air du “Tannhäuser” Wagner.

4) *Mottetto* “Iste Dies” p(ou)r chœur – Cherubini.

Случайно остановилась последняя дочь Керубини, старушка лет 90 – остановилась проездом во Флоренции, ее, конечно, пригласили, принесли кресло особое в концерт, и после *Mottetto* m-me Laussot ей поднесла громадный букет – в память отца.

5) “*La jeune religieuse*” – Schubert.

6) *Allegro, Adagio, Scherzo* – Brossard.

7) *Quatuor* de l'opéra “Fidelio” – Beethoven.

8) “*Ballades du pays de Gallois*” – chantées par miss Wyane.

9) *Mottetto* “Giammai, o Signor, ti faserò” pour chœur – Bach.

Все было очень удачно. Ольга m-me L(aussot) поднесла большой букет, очень мило.

Вообще теперь начинается музыкальный сезон здесь – концертам конца нет. К тому же Salvini здесь, я уже несколько раз его видела. В Гамлете он мне далеко не понравился, его ужасно страстная игра, мне кажется, не идет к северному типу и характеру Гамлета. Но деньги, деньги! Я сама удивляюсь, как я могу все платить из своей кассы. Себя одеваю (правда, что мне не нужно было необыкновенных туалетов, т.е. бальных и вечерних), за гердеробом Терезины смотрю и сама плачу за разные развлечения, как концерты, театры, верховая езда и т.д. А потом как я хозяйством занимаюсь! Экономничаю, настоящий Necker – конечно, у меня счета больше в порядке, чем до моего министерства, – а когда что-нибудь *не так* – так из своего кармана приплачиваю.

Mignet я кончила, это читается немножко как лексикон, но здорово. И первый том Mignet мы кончили. Но несмотря на то, что второй том гораздо больше, Мещерский говорит уже, что после этого надобно бы и Tосqueville⁵ прочесть – а остается он всего-навсего еще две недели.

Прочла я тоже несколько глав “Histoire d'un paysan” – il y a des longueurs^{257*} по временам, но все-таки очень хорошо как народный рассказ, и некоторые возмути-

^{255*} “В натянутых отношениях” (франц.).

^{256*} “У этой дамы талант, у этой дамы талант!” (франц.).

^{257*} “Истории крестьянина” – есть длинноты (франц.).

ТАТА ГЕРЦЕН

Фотография Ф. Шембока. Флоренция, (1868). С дарственной надписью на обороте: "Папаше Тата Герцен. 7-аго Марта 1868 Флоренция". Сбоку приписка: "Посылаем Вам последние карточки, других у нас здесь нет"

Музей Герцена, Москва

тельные сцены нищеты и ее последствий, например, когда он рассказывает, как мать радуется, что старший сын вынул хороший билет во время conscription^{258*}. Не потому, что он освобождается от солдатской жизни, а потому что его можно сейчас же продать за девять louis-d'or^{259*} – и не умереть с голоду – а вместе с тем она сына ужасно любила – страдала. Сына напоили, он с первого же вечера все прокутил. – Читал ты сам рассказ этот или нет?⁶

Ждем продолжение твоего "Дня" – над началом мы очень хохотали. Так и вижу, как ты каждое утро начинаешь баррикадироваться, потом как Пан входит позавтракать, пожаловаться на расстройство желудка. Какой ты все веселый, милый, дорогой мой Папаша?⁷

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую – и Ага тоже.

Твоя Тата Г.

Пану жму руку, какую же фотографию он себе выбрал?

Как же это ты Саше пишешь, чтобы он подождал – не читал бы нам ответа д-р(у) Крупову, пока всего не получит, а мне пишешь, отчего я не прочла?⁸ Мы еще не читали – Саша дал Пенизи, который еще не отдал.

Все кланяются тебе, Ольга целует⁹.

^{258*} призыва новобранцев (франц.).

^{259*} лундоров (франц.).

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена к Тате, написанное около 16 марта, и на письмо "всем" ("omnibus") от 16 марта (XXIX, 295–296).

² В части письма от 16 марта, обращенной к сыну, Герцен вновь писал, что боится его брака – за него "и за общий покой": "Все быстрые пересаживания и развития – очень трудны" (XXIX, 294; ср. 258–259).

³ Герцен советовал Саше отложить свой приезд в Женеву к Огареву до лета (см. XXIX, 294).

⁴ В 1867 г. во Флоренции возобновило свою деятельность любительское музыкальное "Общество Керубини"; в нем приняли участие и дочери Герцена (см. п. 61).

⁵ Речь идет о книге: А. Т о с қ u e v i l l e. *L'ancien régime et la révolution* (P., 1856). Отвечая на это сообщение, Герцен писал 30 марта с удивлением: "Черо Мещ(ерский) хочет от Токвиля, – очень хорошая книга, но для чтения с Татой я бы никогда ее не выбрал" (XXIX, 299–300).

⁶ Роман Эркманна-Шатриана "*L'histoire d'un paysan du 1789–1815*", ч. 1 которого ("Генеральные штаты") была напечатана в 1868 г. Вероятно, Герцен послал эту книгу дочери (ср. в его письме к Лизе от 3 марта сообщение, что он привезет этот роман в Ниццу для чтения "вместе" – XXIX, 288).

⁷ Юмористическое описание своего "неизменного, незбылемого дня" Герцен начал в письме к детям от 16 марта (см. XXIX, 295–296, но в 30-томном изд. эта заключительная часть письма, находящаяся на отдельном листке и имеющая помету "Omnibus" ("Всем". – *лат.*), ошибочно присоединена к его письму от 23 марта. Что она входила в письмо от 16 марта, доказывает наст. ответ Таты. См. ЛЖГ V, 44). Продолжено описание дня в письме Герцена от 28 марта (см. XXIX, 297–298).

⁸ Речь идет об "Aphorismata по поводу психиатрической теории д-ра Крупова" (XX, 637–645). Первоначальная редакция написана Герценом между 14 и 20 февраля, в Ницце, а к 27 февраля он – уже в Женеве – перевел ее на французский язык для № 6 "*Kolokol*" от 1 апреля и читал Огареву и Бакунину ("успех полный", см. XXIX, 276, 282, 284, 285; русский оригинал опубликован в "Полярной звезде на 1869"). 11 марта Герцен писал сыну: "Я тебе пришло в Spescol'у через два дня корректуру "Анти-Крупова" – ты ее сначала прочти и потом сделай сюрприз Мейзенб(уг), и Тате, и Шиффу, и Левье – прочти им громко, artistisch" (XXIX, 292). Очевидно, посылая около 14 марта корректуру (не полностью?) Герцен просил сына помедлить с общим чтением. Вопрос же к Тате, видимо, содержался в неизвестном письме, написанном около 16 марта. 23 и 30 марта Герцен вновь спрашивал у Таты, как "понравился Левиафанский?" (XXIX, 298, 300; см. в ЛЖГ V, 46 уточнение состава этих писем). Мнение Таты о произведении см. в п. 73.

⁹ Герцен ответил 28–30 марта (XXIX, 297–300).

72

27-ого марта 1868 года.
№ 9. Piazza S. Felice. Firenze

Благодарю тебя за портрет S-t. Just'a, милый мой Папаша¹. Пожалуйста, пришли мало-помалу всю коллекцию, о которой говоришь. Жаль, видно, что с плохих рисунков сняты фотографии. Во всех чертах что-то такое "conventionnel"^{260*}, что трудно судить о характере лица². "Les derniers Montagnards" мы нашли у Vieusseux³. Но так как эта книга довольно большая, я еще подожду и возьмусь за нее, когда кончим Tocsqueville'a.

28-ого

Только что провожала Сашу⁴ – или, скорей, Терезину, ей хотелось ехать на станцию – бедняжка была так огорчена – не то, что мы. Как мы легко расстаемся несколько раз в год, поневоле привыкаешь, но и поневоле все-таки думаешь: "Увидимся ли мы когда-нибудь опять – что может случиться?"

Вернулась я с ужасной мигренью, ничего делать не могу, придется лечь. Посылаю эту записочку, только чтобы видеть, кто первый доедет до Женевы – Саша или письмо.

29-ого

Не удалось мне и этой записочки докончить, потому что так разболелась голова, что должна была лечь.

Как ты все спрашиваешь, какие у нас планы, что мы намерены делать летом. О себе я могу только сказать, что желала бы часть лета провести с вами всеми, если вы будете вместе, т.е. Ага, Natalie, Лиза и ты. Но вы сами ничего не решили. Если Огарев останется в Женеве, так я поеду к нему в Женеву, а потом к Natalie и Лизе,

^{260*} "условное" (франц.).

где бы они ни были. Но часть лета мне бы хотелось тоже остаться с Ольгой, чтобы быть с ней именно когда у нее нет уроков и больше время для чтения⁵. Мальвида не решится выехать из Италии и уж, наверное, не согласится на общую жизнь летом. Съездить повидаться с Огаревым – другое дело. И предлагать нечего общее житье⁶. Здоровье Мальвиды в самом деле очень плохо, она сделалась такой раздражительной в мелочах. Как ей устроить жизнь тише и уединеннее, чем у нас теперь, и то она все жалуется. Вот сегодня она чувствует себя лучше и решает, наконец, попробовать съездить в театр, чтобы видеть Сальвини в “Figlio della Selve”⁷. Терезину мы берем с собой, скажи Саше, что я велела спросить мать, хочет ли она прислать “cognato”^{261*} за ней вечером или предпочитает ли она, чтобы Терезина спала у нас. Она предпочла первое, но и не была против второго плана.

А теперь прощай, крепко всех вас целую.

Ваша Тата Г.⁸

¹ Ответ на письмо Герцена от 23 марта (см. XXIX, 295, 298; ср. ЛЖГ V, 46).

² 23 марта Герцен писал: “Здесь появилось несколько карточек с портретов версальской галереи – революционных людей 1792 года”, и обещал в следующем письме прислать портрет А. Шенье (XXIX, 298). Отправляя его 2 апреля, он писал: “Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты – они брали тогда эту позу” (XXIX, 301).

³ Герцен в неизвестном письме к Тате, написанном около 20 марта, рекомендовал ей эту книгу Ж. Кларти, изданную в Париже в 1867 г. Герцен читал ее в первой половине января 1868 г. и в этой связи писал Ж. Мишле 3 февраля: “Как величественно ваше прошлое!” (XXIX, 259, 271; ср. XXIX, 300).

⁴ А.А. Герцен 28 марта выехал в Женеву в связи с болезнью Огарева. 29 марта вечером его встречали на женевском вокзале Герцен и Тхоржевский (см. XXIX, 299; ср. 297).

⁵ 13 апреля Герцен в связи с этим писал: “Если ты в самом деле Ольге полезна – то вряд ли нужно тебе торопиться. Обдумай все хорошо” (XXIX, 307).

⁶ Мейзенбург и Ольга Герцен провели часть лета в приморском поселке Сан-Теренцо (северная Италия), а в конце августа приехали в Пранжен, близ Ниона, где собралась в первой половине сентября на короткий отдых вся семья Герцена и Огарева.

⁷ Пьеса Ф. Гальма “Сын лесов”.

⁸ Герцен ответил 2–13 апреля (XXIX, 301–307).

Поздравляю тебя, милый Папаша, с днем твоего рождения. А за твое здоровье мы вчера пили, в крошечной trattoria, в премиллом местечке, две станции от Флоренции, по дороге в Рим. Здешние русские уже давно собирались учредить picnic^{262*} и меня пригласить, вчера все это устроилось.

Нас было 10 человек: 2 Ге, 2 Мясоедовых (т.е. мужья с женами), оба брата Каменских, m-lle Ушакова, обстриженная, пресмешная и веселая нигилистка, Забелла, Мещерский и я¹. Эта m-lle Ушакова – преоригинальное русское явление. Молодая девушка 23–24 лет и уже третий или четвертый год совсем одна путешествует по Европе – по Италии, Швейцарии, Испании. Теперь хочет на короткое время вернуться в Россию, оттуда отправиться в Египет – все это одна, даже без горничной. Конечно, очень богата, так что ей все и легко и удобно, но, кажется, ничем особенно не интересуется, а так веселится. Но не бойся, Папаша, что будет сближение. Я с ней только вчера познакомилась и вряд ли опять увижу, потому что она на днях уезжает. Женевские Утины² ее, кажется, хорошо знают. Впечатление она на меня сделала очень неприятное, чересчур ausgelassen^{263*}, как избалованный ребенок, но не как кокетка. Но если б они сошлись с Катей – вот наделали бы глупостей! Вообще странные типы встречаются в русском обществе.

Например, Мясоедов – такой оригинал, в жанре Базарова. Я с ним тоже на picnic'e познакомилась, мало знаю. Но представь себе, что они, т.е. с женой, живут на

^{261*} “зятя” (итал.).

^{262*} пикник (англ.).

^{263*} шаловлива (нем.).

разных квартирах, несмотря на то, что друг друга очень любят и уважают, говорят друг другу Вы и Григорий Григорьевич, Елиз(авета) Н(иколае)вна, так формально – все это по разным принципам – так, как он за здоровье Ушаковой пить не хотел, говоря: “Что мне за дело до ее здоровья, она мне не полезна и не интересует меня. А в жизни ведь все делается из эгоизма. За женщин вообще, пожалуй, выпью”. И Ге остался верен своему характеру – все время философствовал и бредил, лежа на траве, окруженный нами всеми, точно пророк какой-нибудь. Он с таким уважением всегда ко мне обращается, что мне просто совестно – во всех спорах спрашивает мое мнение – и очень хорошо знает, что я почти никогда с ним не согласна. Забавные люди. Забелла был тоже очень весел, вот счастье неожиданное – он получил маленькое наследство – достаточно, чтобы спокойно жить и не заботиться ежедневно о куске хлеба для детей – едет на днях в Россию устраивать дела – а потом, кажется, мечтает об Америке.

Что дела Levier идут хорошо, ты, верно, через Сашу уже знаешь. Третьего дни ночью он только час спал. С кем провел ночь? С любезным князем Петром Влад(имировичем) Долгоруким, который страдает, кажется, астмой и вернулся во Флоренцию к Светлому Воскресению. В Неаполе, должно быть, нет церкви русской.

2-ого апреля

Получили твое письмо и Сашин поклон³. Жалею вас, вы там жалуетесь на ветер и бизу – а здесь чудо что за погода, так тепло, что, гуляя вчера, я должна была снять маленький свой пальто. Мы все вместе, т.е. Мальв(ида), Ольга, Терезина, Мещерский и я, были на Villa Montier – жарились на солнце.

Как мы смеялись, читая твой день, милый мой Папаша⁴. А это в самом деле, лучший способ, чтобы дать живое понятие об образе жизни. Даже в нашей монотонной жизни бывают презабавные сцены. Самые комические роли играют обыкновенно кухарки. Наружность нашей старой Розы ты уже знаешь, ее старое лицо, покрытое морщинами; она испеченное яблоко. Так как теперь я всё заказываю обед – моя верная Роза с такой аккуратностью является каждое утро, в 7-м часу – тихонько-тихонько отворяет дверь и каждый раз удивляется, что у меня глаза уже раскрыты, и восклицает: “Ah! la mia lepre, non dorme più, il mio serpino ha gli occhi aperti! E pur è tornata tardi dal teatro ieri – dorme, dorme, poverina”^{264*}. – Это каждый божий день повторяется. После интродукции, т.е. после этого предисловия, мы приступаем к делу и рассуждаем о том, как всего лучше и дешевле устроить обед. Я ей рассказываю, что пари держала с Сашей, что он все надо мной смеется и говорит, что я ничего не понимаю в счетах, а я хочу ему доказать, что у меня будет все в большом порядке, поэтому я ей обещаю подарок к концу месяца, если мы экономно устроим все – и онапреважно приступает к делу. Как только она уходит, я тороплюсь поскорей одеться, часто даже в неоконченном туалете бегу в гостиную, только чтобы выбраться поскорей из моей неуютной комнаты, она такая большая, голая, холодная, окно к северу, свет серый, печальный, а в гостиной с раннего утра уже все так весело, легко, освещено солнцем – другие обыкновенно еще в спальнях, так что у меня тихий приятный получасик остается для чтения, до кофе. And I enjoy very much^{265*}.

С кофеем начинаются всевозможные хлопоты и суета. Во-первых, с кофе надобно торопиться, потому что Бакошка рано приходит, потом надобно поскорее счета делать и дать денег Розе, сказать, что делать, чтобы она не сидела сложа руки, или черное белье считать с Adelasia или чистое, только что принесенное, и обыкновенно приносят еще разные неожиданные счета – Begayo, Lataio, Calamajo, Bezzari, Gilli etc., etc.

Когда все это кончено, я опять ищу себе тихий уголочек, на солнце, чтобы спокойно сидеть... Это совсем не так легко, как кажется, хочется остаться в гостиной,

^{264*} “Ах, зайныка моя, ты уже не спишь, у моей змейки глазки уже открыты! Ты ведь вчера вернулась поздно из театра – спи, спи, бедняжка!” (итал.)

^{265*} И мне очень весело (англ.).

потому что хорошо и тепло, но тут Ольга играет на фортепиано, я при этом не могу читать. Сядешь к Мальвиде, — уж непременно начнется разговор о чем бы то ни было, а чтение не подвигается; к Ольге тоже нельзя, потому что именно в это время Adelasia делает^{266*} ее комнату, так что можно петь “Das Wandern ist der Tata Lust, das Wandern”²⁵ до окончания урока Бакошки, т.е. до 10 часов. После этого все успокаивается до завтрака в двенадцать часов — только иногда звонят, приносят записочку, и Adelasia говорит: “Una risposta subito”^{267*}. Эта записочка от Мещерского — он спрашивает, расположены ли мы идти гулять в Fiesole, Certosa, Pisa, Livorno. Мальвида^{268*} обыкновенно отвечает: “Ach, nein, das ist da nichts für mich, mein Kopf ist schwer und ich bin ganz erkältet, für Olga ist es auch nichts — sie wird sich erkälten”^{269*}. Поэтому, смотря по тому, день ли это урока Терезины или нет, я принимаю или откладываю прогулку. Но как Мальвида смотрит за здоровьем Ольги, ну, право, почти хуже, чем Natalie с Лизой — я даже дивлюсь терпению Ольги. Иногда я у Ольги в комнате причешиваюсь и вижу, как Мальвида при малейшем движении Ольги является и спрашивает: “Ты, верно, слишком громко говорила; не забывай голос, вот теперь, наверное, будешь кашлять; смотри, надевай жакетку, когда будешь проходить через коридор”. Во время прогулки не позволяет бегать и прыгать, останавливает на лестнице, когда Ольга хочет пошпице взбежать; никогда она не решится отпустить со мной на пикник куда-нибудь⁶.

Всего мне неприятнее сцены, которые почти ежедневно повторяются из-за фортепиано, потому что это развивает такую страсть к собственности. Все у нас под ключом, фортепиано, комната; чтоб достать ключ, надобно час работать, просить, хитрить. Но я решила не говорить больше об этом. Со временем пройдет, а теперь ведет только к неприятным разговорам — Мальвида сердится⁷.

Я сейчас после первого чтения Tосqueville сказала, что это книга (не) для общего чтения, но одна читать я могу, до сих пор все понимаю и нахожу, что интересно. И “Левиафанского” с большим интересом прочла, хотя с грустью увидела, что посвящения нет, — Шиффа я с тех пор не видела, мнение его не знаю⁸. — Написано: “1-ère variation”^{270*} — значит, будут еще статьи⁹ Чем кончилось дело работников в Женеве?¹⁰

Однако прощай, крепко тебя целую — думай об нас в понедельник¹¹.

Твоя Тата Г.

Мещерский только что пришел и кланяется¹².

¹ См. именной указатель к наст. тому.

² Николай Исаакович Утин и его жена Наталья Иеронимовна.

³ Далее ответ на письмо Герцена от 28–30 марта с припиской А.А. Герцена (см. XXIX, 297–298, 299–300, и прим. 1 к п. 72).

⁴ 28 марта Герцен продолжил описание дня (см. XXIX, 297–298), начатое в письме от 16 марта.

⁵ Перефразируется рефрен из песни “В путь” (“В движение счастье мое, в движение”), открывающей вокальный цикл Ф. Шуберта “Прекрасная мельничиха”.

⁶ В связи с этим Герцен 6 апреля писал Мейзенбуг об Ольге: “Учитывая наступление весны, умоляю вас, позвольте ей бывать на воздухе — даже когда холодно. Я опасаясь физической Verweichlung (изнеженности (нем.)). — XXIX, 305. См. п. 74.

⁷ См. прим. 9 к п. 71.

⁸ Сообщая дочерям 26 февраля, что “Афоризмата...” поступает в печать, Герцен поручил Тате “спросить М. Шиффа — приятно ли ему будет, если французская публикация выйдет с посвящением ему. Однако, не получив вовремя ответа, напечатал “Aphorismata...” в № 6 “Kolokol” без посвящения Шиффу, о чем сообщил дочерям 23 марта (XXIX, 282, 295). Затем, в “объяснении”, заключающем русскую редакцию, напечатанную в “Полярной звезде на 1869” (вышла в середине ноября 1868 г.), он указал, что написал «“рефлексии и контроверзии” прозектора Левиафанского» “собственно для Шиффа” (XX, 118).

⁹ Этот подзаголовок во французской публикации поясняется от лица редактора “Kolokol”, который,

^{266*} галлицизм: убирает (fait).

^{267*} “Ответ немедленно” (итал.).

^{268*} В автографе описка: Матильда. — Ред.

^{269*} “Ах, нет, это для меня исключено, у меня голова тяжелая и я совсем простужена, для Ольги это тоже исключено — она простудится” (нем.).

^{270*} “1-я вариация” (франц.).

будто бы, переведа с латинского лишь «первую «вариацию», или первый *афоризм*» из присланной «ученым прозектором» тетради, «увидел, что автор его – совершенно сумасшедший», а потому решил ограничиться печатанием лишь этого «вводного афоризма» (XX, 891).

¹⁰ Речь идет о стачке строительных рабочих, начавшейся в Женеве в конце марта (см. о ней в письме Герцена к Тате от 28 апреля – XXIX, 323). Огарев писал А.А. Герцену 9 мая, что стачка окончилась компромиссом (см. кн. 1-ю наст. тома).

¹¹ 6 апреля – день рождения Герцена.

¹² Герцен ответил 6 апреля (см. его письмо в кн. 1-й наст. тома).

74

18-ого апреля 68.

№ 9. Piazza S.-Felice. Firenze

Представь себе, что мы твое письмо из Марселя получили только вчера¹, милый Папаша. Я тебе сейчас бы отвечала, но вчера был хлопотливый день – я большею частью была с милым русским семейством Ворониных. Он, кажется, довольно замечательный ботаник, занимается микроскопическими грибами, криптогамами – много писал, как говорит Шифф, к которому он пришел просто как к доктору. Шифф их сейчас же пригласил вечером, и я их там встретила. Жена еще молода, умная, тихая и очень симпатичная особа, насколько могу судить после такого короткого знакомства. Ей было очень приятно с нами познакомиться, она желала как-нибудь встретиться².

Живут они почти всегда в Петербурге; она была там во время истории Чернышевского и во время истории Каракозова. Участвовала в устройствах школ, в преподавании. Они дружны с Сусловой³, потому что Богданова, друг и товарищ Сусловой (они вместе ходили в университет), вышла замуж за брата m-me Ворониной (какого-то Бокова (!) – он умер)⁴. Они рассказывают, что уже столько о нас слышали и видели столько карточек, что им кажется, что мы уже давно знакомы. Неудивительно, они очень хорошо знают Петрушу⁵ и Левицких – да Благодетель. И разные еще у нас общие знакомые. Зимой они были в Ницце, в Villa Fay – несколько раз тебя видели издали. С ними еще молодая девушка, сестра m-me Ворон(иной), которая занимается много музыкой, ходит в консерваторию в Петербурге и очень огорчала(сь), что Рубинштейн уехал⁶.

К сожалению, все эти русские здесь только проездом. Мясоедовы и Ушакова, о которых я тебе писала, уже уехали. Воронины едут завтра.

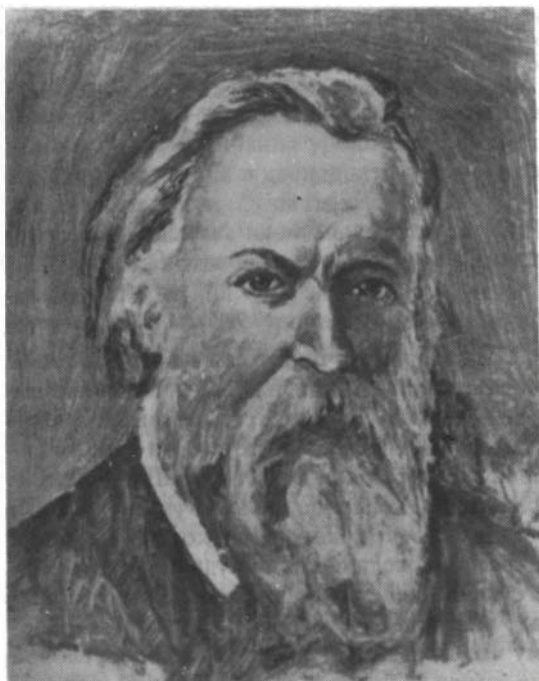
А насчет Кати что ты мне скажешь теперь? Меньше ли она тебе не нравится, чем прежде? Как мило со стороны Natalie, что она позаялась ею, я ей очень благодарна⁷. Видишь, однако, Папаша, что трудно иметь влияние на кого бы то ни было, когда так разнo смотрят на обстоятельства, как Мальвида и я или N(atalie) и я? Ольгой я все-таки же довольна, как только я ей прочла твое письмо, она готова была сделать все, что я предложила, совсем не запирает фортепиано, или сделать второй ключик – пошла к М(альвиде) – которая ей сказала, что это вздор⁸. Конечно, я Ольге объяснила, что она пусть лучше слушается Мальв(иду), что мне довольно того, что она сейчас на все согласилась. Напрасно ты сделал М(альвиде) замечание за то, что Ольга не гуляет, – она ежедневно выходит на “constitutional”^{271*} (по-английски), только на настоящие, хорошие прогулки по окрестностям боится пускаться с нами, когда сама не участвует, это презабавно – ну и, конечно, кутает.

Могу ли я быть Ольге полезна и до какой степени, это именно то, что бы мне хотелось исследовать летом – потому что теперь у нее решительно все время занято приготовлением уроков. Может, просто чтением удастся достигнуть больше, чем уроками.

О Саше нечего больше говорить, остается терпеливо ждать, увидим; Бог знает, может, выйдет все лучше, чем ожидаем.

Ты пишешь: “Счастлив тот, который приносит в жизнь побольше разума и поменьше увлечений”⁹. Можно ли сказать, что тот счастливее? *Спокойнее*, это так. Qui

^{271*} прогулку (англ.).

ГЕРЦЕН

Портрет работы Таты Герцен (масло). 1868

Собрание Жанны Амфу-Моно, Париж. Воспроизводится по книге: A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970

ne risque rien, ne perd rien, mais ne gagne rien non plus!^{272*} Думаешь ли ты в самом деле, милый Папаша, что это спокойствие можно назвать счастьем? И сам Левиотански(й) припоминает и цитирует: “Si la raison dominait le monde, il ne s’y passerait rien”¹⁰.

Если бы ты слышал, что Ге мне часто повторяет: “Что это вы все дома сидите, Нат(алья) Алек(сандровна), лягушек рассматриваете, книжки читаете, это все очень хорошо, только это можно и в старости делать, а веселиться надобно в молодости. Когда же вы жизнь узнаете, в молодости надобно *жить*”.

Мало-помалу я тоже узнаю, как везде, везде любят сплетничать – непостижимо. Вообще обо всех, ну, а что касается до нас, это утомительно, – кажется, я тебе еще не писала. И люди, которые нас совсем не знают и не видели – что им за дело, какой интерес? То говорят, что Саша уже в Риме хотел жениться на Кате (он ее никогда в Риме не видел); то, что Ольга католичка, а я аристократка, прибавляя: “Неудивительно, и отец – аристократ”¹¹, – что я горда,

со всеми говорю de haut en bas^{273*}, на балах бываю и вообще хожу только к маркизам и баронам... Верно, слышали о единственном бале, на котором я была во Флоренции, у барона Соннино. Сначала меня это все сердило, но невольно кончаешь тем, что засмеешься или не обращаешь внимания.

Цепочку я, конечно, получила, она мне очень нравится, и я тебя еще раз благодарю и целую.

Утин на днях вернулся – с сестрой – m-me Стасюлевич – но у нас еще не был. Видел ли ты статью Mazad’a в “Revue des Deux Mondes”?¹² Monod прислал Ольге книжку Langel’a “Problèmes de l’âme...”¹³

Папаша, отчего ты придаешь такую важность танцам?¹⁴ Что танцевать уметь приятно, полезно для неловких и неуклюжих – это так, но важности я не вижу в этом. Мне неприятно, когда Ольга говорит, что не любит танцевать, потому что это каждому покажется аффектацией – с ее веселым, шаловливым характером это естественно – и в самом деле своего рода кокетство. Если б она была серьезная, сосредоточенная натура, может быть, она *разумом* дошла бы до того, что танцы глупы, и взяла бы серьезное решение не танцевать. Но так это, конечно, шалость. Однако, пожалуйста, не пиши больше об этом Мальвиде. Она опять скажет, что я сплетничаю, – но мне отвечай подробно.

Терезина пришла – прощай, обнимаю тебя и крепко целую

Твоя Тата Г.

Natalie и Лизочку целую. На днях принесут посылочку на имя Natalie – прошу передать Кате. Это ее поручение – мозаики. Везет их родственник Воронина – кажется, его племянник, я его не знаю¹⁵.

^{272*} Кто ничем не рискует, ничего не теряет, но и ничего не выигрывает! (франц. поговорка)

^{273*} свысока (франц.).

¹ Тата отвечает на письмо Герцена от 13 апреля (см. XXIX, 307).

² М.С. Воронин – основоположник отечественной науки о грибах, и его жена Е.Н. (урожд. Быкова) участвовали в демократическом движении 1860-х годов – в частности, в устройстве воскресных школ.

³ Н.П. Суслова, участница студенческого демократического движения, в июне 1865 г. приезжала к Герцену в Женеву. Окончив в 1867 г. Цюрихский университет, она стала одной из первых русских женщин-врачей. Герцен заинтересованно следил за ее судьбой (см. XX, 325–326; XXIX, 486).

⁴ Участница кружков разночинной молодежи М.А. Богданова (в замужестве – Быкова).

⁵ Петруша – П.А. Захарьин, брат покойной Н.А. Герцен.

⁶ О встрече в Париже (10 апреля) с А.Г. Рубинштейном Герцен сообщил Тате 13 апреля (см. XXIX, 307).

⁷ 13 апреля Герцен писал Тате, что Тучкова-Огарева подружилась в Ницце с Е. Владимировой и та “даст Лизе уроки” (XXIX, 307).

⁸ См. в кн. 1-й наст. тома письмо Герцена к Ольге от 6 апреля, вызванное сообщением Таты об инцидентах с фортепиано. О том, что “необходимо положить конец неуместному чудачеству с роялью и ключом”, Герцен тогда же написал Мейзенбуг (XXIX, 305).

⁹ См. письмо Герцена от 13 апреля (XXIX, 307). 26 апреля, отвечая на наст. письмо, Герцен разъяснил: “Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии – а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей – в мере (...), все личное должно быть балансировано общим – иначе беда” (XXIX, 322).

¹⁰ “Если бы разум господствовал в мире, ничего бы не происходило”. – Тата цитирует сентенцию герценовского персонажа Тита Левиафанского по французскому автопереводу “Aphorismata...” (“Kolokol” от 1 апреля, см. XXIX, 642). Она приписана Герценом “одному французскому писателю”; ср. IX, 252 и 328.

¹¹ 26 апреля Герцен писал Тате по этому поводу: “Не знаю, кто меня называл аристократом – и тебя тоже, – но конфузиться этим нечего”. “Идет это все”, по его мнению, от круга женевской “молодой эмиграции” – А.А. Серно-Соловьевича, М.К. Элпидина, М.С. Гулевича, Н.И. Утина, “воображающих, что социализм состоит в том, чтоб им давали деньги(...) Все имеющее достоинство, удаляющееся от vulgar, они называют аристократизмом” (XXIX, 323).

¹² Статья Ш. Мазеда “Deux années de l’histoire intérieure de la Russie. 1866–1867” была напечатана в “Revue des Deux Mondes” от 1 апреля. 17 апреля Герцен рекомендовал ее Огареву: «Несмотря на пошлое, шляхетски “вестовое” (т.е. в духе газеты “Весть”) окончание – статья очень интересна», а 19-го сообщил ему, что намерен написать о ней “несколько строк” (XXIX, 314, 315, см. статью Герцена “L’article de M. Charles Mazade” в № 8 “Kolokol” от 15 мая (XXIX, 306–309 и 309–312).

¹³ Книга А.-А. Ланге L. Les Problèmes de la Nature, de la Vie et de l’Ame. P., 1868.

¹⁴ Отклик на письмо Герцена от 6 апреля (см. кн. 1-ю наст. тома).

¹⁵ Герцен ответил 26–28 апреля (XXIX, 322–324).

75

Фрагмент

(Флоренция.) 17-ого мая (1868 г.)¹

<.....>

А после возьму Draper’a – он у Vieusseux².

Вчера вечером мы, члены “Общества Керубини” и m-me Laussot, дали громадный концерт – очень удачный. Sala Filarmonica была битком набита. Участвовал тоже Wilhelmy – знаменитый виолонист. Молодой человек лет 22 – большой, толстый, с преоригинальным лицом, немножко à la Deville^{274*}, но белокурый. Он очень хорошо играет. На фортепиано отличался ученик Листа – молодой Sgambati – la poésie personifiée^{275*} – легкое, гибкое тело, длинные каштановые кудри, прозрачно-белое лицо – на верхней губе темноватый пух и (повыше) большие черные глаза с предлинными ресницами и сонно-меланхолически-швермерышным^{276*} выражением. Он, впрочем, милый малый – завтра вечером будет у нас. Пусть он послушает Линду.

Несчастное это семейство Caracciolo! Не нынче – завтра они останутся без гроша. Удивительная женщина старшая сестра их Laura. Неинтересная, несимпатичная толстая особа – а сердце какое доброе. Она одна работает, 7-ой год поддерживает все семейство – мать, двух сестер, лентяя-брата и его жену! – Случись, что она один

^{274*} похожий на Девиля (франц.).

^{275*} олицетворенная поэзия (франц.).

^{276*} мечтательным (нем. schwärmerisch).

сезон останется без engagement^{277*} – и они все останутся без гроша до дебю^{278*} Линды. Они все слепо привязаны к этому брату, потому что у него чрезвычайно тихий, любящий, любезный характер, и он далеко не глуп. Вот он, до известной степени, погубил себя, делая безумный *salto mortale*^{279*}. Женился на 15-летней девочке – которая оказывается дьяволом каким-то. А *propos*, представь себе, что племянник miss Remond, негритянки, женится на днях – это уморительно!

А теперь прощай, крепко тебя обнимаю и целую – и Лизу и Natalie. Забавно Лиза рассуждает!³

Твоя Т а т а⁴

¹ Ответ на письмо Герцена от 12 мая (XXIX, 335–337). Начало наст. письма, написанное, очевидно, 15 или 16 мая, неизвестно. Тата в нем, в частности, спрашивала совета, чем заниматься и какие книги читать для самовоспитания, высказывала мнение о “теории” Огарева “по поводу Саши и его брака” (см. XXIX, 343–344, 361).

² В письме от 20 апреля Герцен рекомендовал Тате книгу “амер(иканского) Бекля” – естествоиспытателя и историка Дж.-У. Дренпера “History of the Intellectual Development of Europe” (t. I–II L., 1864). 1 мая вновь “советовал достать” у флорентийского книгопродавца Вьессё эту книгу – “хорошее и здоровое чтение (...) уютнее Бёкла” (речь шла о большей доступности по сравнению с “Историей цивилизации в Англии” Г.-Т. Бокля). – XXIX, 318, 328 (ср. 320).

³ Отклик на “взрослые” рассуждения Лизы, приведенные Герценом в письме от 12 мая (см. XXIX, 336).

⁴ Герцен ответил 23 мая (XXIX, 343–345).

76

5-ого июня 1868.

№ 9. Piazza San-Felice. Firenze¹

Мальвида, кажется, поторопилась тебе писать о новом плане, т.е. о моем путешествии через Baden².

Ничего не решено, разные затруднения, семейство Williams многочисленное, переезжают они Splügen в особой карете – я должна бы ехать одна в дилижансе и ждать день целый в Куаре – пока догонит карета. Тогда уж проще ехать мне прямо в Женеву. Kommt Zeit – kommt Rat (freilich)^{280*} – поэтому увидим³.

Не писала я тебе о плане Мальвиды, потому что (не) хотела слишком рано писать⁴. Как только начала об этом говорить, я собиралась тебе сообщить, Мальв(ида) попросила подождать, пока все будет решено, – а решено было дело, пока я была в Пизе. Когда я вернулась, Мальв(ида) ожидала ежедневно твоего ответа⁵. – Что же мне было тут прибавлять? Я очень довольна, что d-r Brandes уговорил ее выехать из Италии – рада для нее лично, что она увидит сестер, несмотря на противоположные воззрения. Может быть, Германия ей так понравится, что она решится остаться подольше. Это было бы очень хорошо для Ольги – и вообще я думаю, что это путешествие будет полезно для Ольги. Смотреть за ней в некоторых отношениях довольно трудно, это так. Но столкновений у них будет мало с русским обществом – и с “Катями”. Они большею частью будут же с сестрами Мальв(иды) и вообще останутся в Kreutznach’e не более 4 недель.

№ Саша послал тебе брошюрку в Женеву⁶.

Конечно, Natalie идеалистка в том отношении, в котором ты пишешь, это так⁷.

Ты пишешь еще: “Villari сказал тебе вздор – но ведь и на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга – а физиология общественной истории, частной жизни, – важна социология в общем и изучение страстей в частном”⁸. Я в этом не сомневаюсь, дорогой Папаша, – но начать надобно все-таки же с изучения

^{277*} предложения работы (франц.).

^{278*} дебюта (франц. début).

^{279*} Здесь: отчаянный шаг (итал.).

^{280*} Придет время – придет (разумеется) и решение (нем. пословица, близкая к русской “Поживем – увидим”). – Ред.

“машины”? Первый и главный вопрос – может ли мысль, явление мысли, процесс мышления быть объяснен путем физиологии или нет? Тут ведь все равно, будь мысль самая глупая – если это будет объяснено, то и самые гениальные мысли будут объяснены тем же путем – не правда ли? И это совсем не значит, что “физиология общественной и частной жизни” менее важна? А, враз говоря, надобно же начать с того вопроса, т.е. с физиологии мозга, ведь это *piette de touche*^{281*}, чтобы с самого начала узнать, с какой стороны человек – с Villari, Domengé и С° или с Шиффом и физиолого-позитивистами – не правда ли?²⁹ – Это опять вопрос о *libre arbitre*. Я прочла все дискуссии Сената в Париже о деле *Гренье*¹⁰ – Саша принес “Les Débats”. Очень забавно – бедный кардиналик Vonpechose – с каким ужасом он делал цитации из лексикона Littré¹¹.

Мерси за “Louis XVI” Michelet¹¹ – я читаю его одна, очень интересно – и “Cromwell” чрезвычайно интересен – подвигается хорошо. Не могу сказать, что Cromwell симпатичная личность. Карл I, конечно, антипатичен – но умер он хорошо; как религия ему помогла! Странно, что во время этой и Французской революции королевы имели такое влияние и такое скверное влияние на мужей.

За сим прощай на сегодня, обнимаю и крепко, крепко тебя целую – Лизу и Natalie idem^{282*}.

Твоя Тата Г.

Ольга очень рада ехать.

Рукой А.А. Герцена:

Любезный Папа, Тхорж(евский) пишет, что переслал тебе мое письмо¹². Брошюры я тебе не послал в Ниццу, потому что боялся, что ее не пропустят во Францию¹³. Ты мне не отвечал, читал ли ты “Le Bilan de l’Empire” par Horn?¹⁴

Обнимаю тебя.

С а ш а

Послано 6-ого, суббота

Терезина (1 нрзб.)¹⁵

¹ Ответ на письмо Герцена от 1 июня (XXIX, 353–355).

² Очевидно, в неизвестном письме к Герцену, написанном около 22 мая, Мейзенбург сообщила план своей поездки с Ольгой в Крейцнах. А в следующем предлагала, чтобы и Тата ехала в Швейцарию через Германию с английским семейством Вильямс. 27 мая Герцен отвечал Мейзенбург: “В конце концов вы могли бы перевезти Тату за Бреннер и волны Крейцнаха, по направлению к Кольмару или Мюлузу” (XXIX, 349; ср. 362; там он намеревался осматривать школы для Лизы).

³ Тата приехала в Женеву для встречи с Огаревым около 22 июня, а 30 июня отправилась в Берн к Рейхелям. Здесь 10 июля она встретилась с Герценом и 13 июля выехала с ним в Люцерн, где находились Тучкова-Огарева и Лиза (см. ЛЖГ V, 97–98).

⁴ 27 мая Герцен писал сыну: “Зачем ни ты, ни Тата не написали ни слова об этом проекте? Я ничего не имею против, но Ольге будут большие искушения и на одну Волод(имирову) там она найдет сто и одну” (XXIX, 347–348). См. об этом же в письме его к Тате от 1 июня (XXIX, 353–354).

⁵ Очевидно, письма Герцена от 26 мая (XXIX, 346–347) – первого отклика на упомянутое письмо Мейзенбург, в котором излагался план поездки в Крейцнах. О поездке Таты в Лизу около 20–26 мая см. в письме Таты к Огареву от 28 мая (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 5–7об.; цит. в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 464–466).

⁶ Речь идет о книге А.А. Герцена “Studio fisiologico sulla volontà” (Milano, 1867; вышла, вероятно, весной 1868 г.). 1 июня Герцен в письме к Тате высказал удивление, почему не получил ее. А прочитав 6 июня работу, пересланную Тхоржевским из Женевы, писал сыну 8 июня, что вопрос о “volontà” “разбирать так нельзя – и Конт его отнес к социологии. Ты лучше доказал, что нет души – чем уяснил функцию того, что называется волей” (XXIX, 362; возражения развернуты в “Lettre sur le libre arbitre”-XX, 434–438; о замысле статьи см. также XXIX, 360, 370).

⁷ См. XXIX, 354.

⁸ См. письмо Герцена от 1 июня (XXIX, 354).

⁹ На эти доводы Герцен ответил 9 июня: “Дело не в том, что изучение начинается физиологией, а в том, что физиологи воображают разрешить своей частной физиологией явления социологические и на это у них сил нет” (XXIX, 364).

^{281*} пробный камень (франц.).

^{282*} также (лат.).

¹⁰ В мае во французском Сенате, как вспоминал впоследствии Г.Н. Вырубов, развернулись шумные прения “о допущении в медицинском факультете” Сорбонны “диссертации г-на Гренье (Grenier), в которой он отрицал свободную волю” (BE, 1913, № 1, с. 97). Герцен послал детям 23 мая “Liberté” с отчетом о начале прений, рекомендуя прочесть (XXIX, 345). Уже 28 мая Тата писала Огареву, что “продолжение истории Гренье” они читали в “Journal des Débats” (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 7об.). Герцен и впоследствии не раз вспоминал с иронией об этих “сенатских решениях философских вопросов” (XX, 579; XXX, 80, 365).

¹¹ Герцен послал Тате около 31 мая, рекомендуя “читать сейчас”, “превосходный том” Ж. Мишле “Louis XV et Louis XVI” P., 1867), завершающий его многотомный труд “Histoire de France au XVIII-e siècle” (XXIX, 355).

¹² Оба письма неизвестны.

¹³ 9 июня Герцен писал Тате об этих соображениях Саши: «Посмейся над его юноавторским самолюбием, что он боялся, что ее не пропустят во Францию, и это читая “La Pensée Nouvelle”...» (XXIX, 364; “это” – исправлено по фотокопии РГБ с автографа ВН).

¹⁴ Вероятно, в неизвестном письме около 15 июня А.А. Герцен вновь писал об этой статье венгерского публициста И.-Э. Горна, эмигрировавшего во Францию после 1848 г. (был редактором экономического отдела “Journal des Débats”). Герцен ответил 20 июня, что Горн “с тех пор уж написал вторую статью в ответ на нападки” (XXIX, 370).

¹⁵ Герцен ответил 9 июня (XXIX, 364).

77

Вторник. 3-его ноября 68.
Hôtel des Catalanes. Marseille¹

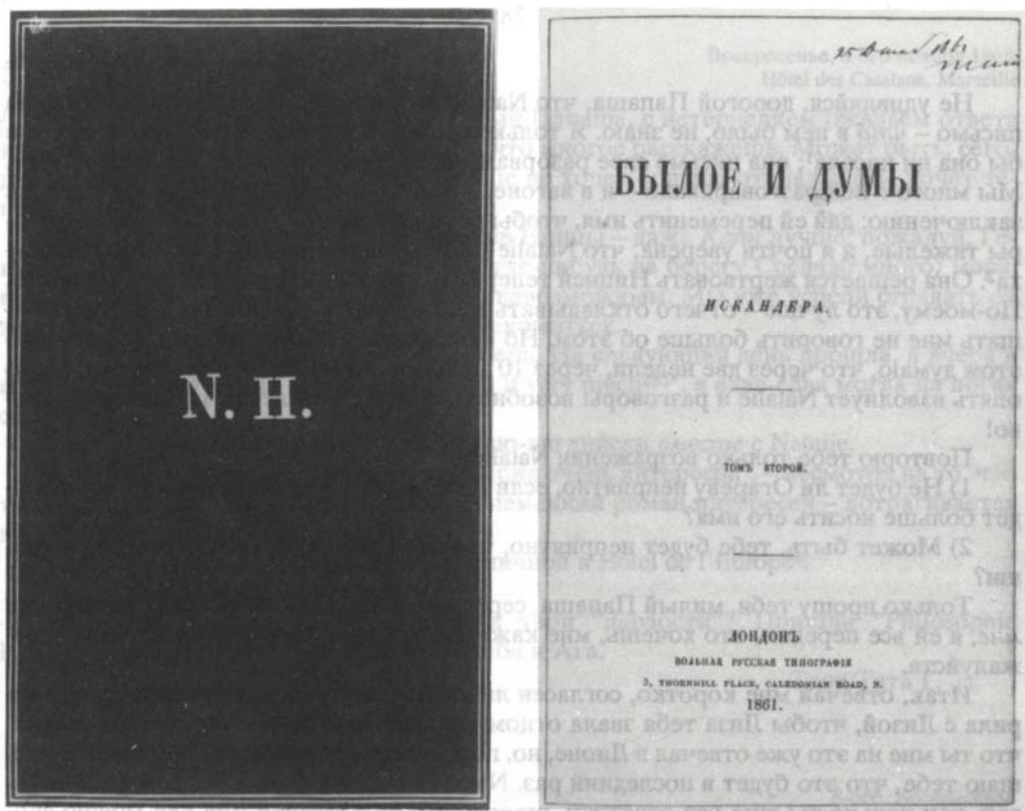
Надеюсь, что и в Лионе туман скоро рассеялся и тебя успокоил, милый, дорогой мой Папаша. Мы все время видели чистое небо и солнце, подконец даже чересчур жарко было.

Как здесь скоро ездят в сравнении с Швейцарией и Италией! Так качает, что и думать нечего читать. Сначала сидели двое мужчин с нами в вагоне, оба молчаливые: один пасмурно-задумчиво смотрел все вдаль, другой, несчастный, верно страдает какой-нибудь нервной болезнью, все лицо его искажается поминутно, он постоянно говорит сам с собою и улыбается, светлые глаза смотрят пристально без выражения. Я сама думаю, что он сумасшедший. Но как бедная Natalie беспокоилась, это описать нельзя – постоянно меня дергала и щипала, чтобы обратить внимание мое; хотела менять вагон; в тунелях она думала, что он бросится на Лизу; как только выйдет опять на белый свет, – что он из окна выпрыгнет. А он, бедняжка, так тихо и спокойно сидел себе в своем уголке. Однако Natalie успокоилась, по мере того, как вагон наполнялся.

Подконец я познакомилась с молодой английской “парочкой”. Они меня приняли за англичанку – очень удивились, узнавши, что я не “british subject”^{283*}. Молодой “муж” – так долго жил в Испании, что считает себя больше испанцем (или столько же), чем англичанином. Я начала говорить о движении там – он рад, что королеву прогнали, – не верит в их республику² – впрочем, занимается он больше птицами, чем политикой. У него коллекция птиц и яиц. Едет он с женой в Рим на зиму, едут они через Флоренцию. Они на вид такие порядочные и любезные, он, m-r Howard Sanders, хлопотал, предлагал нам свои услуги, чтобы достать чемоданы и т.д. – что... что... что я решилась и попросила их передать шитую русскую рубашку Саше, в Спеколе – или просто на почту бросить где бы то ни было в Италии, они приняли с большим удовольствием и хотят непременно лично передать Саше...³ Дело сделано, остается почесать себе лоб – и понадеяться на русский – авось!! Они остановились в Hôtel de Noailles, – едой очень недовольны. У нас за вид можно простить многое. Я не помнила да никогда не знала, что Marseille так красиво разбросан по диким скалам; и зелень опять южная, алоэ громадные и сосны. Мы отправились пешком в Parc Borelly сегодня, вдоль по берегу; осмотрели новорожденный музей всевозможных антиквитетов^{284*} (выкопанных здесь и других). Покамест музей беден – зато сад хо-

^{283*} британская подданная (англ.).

^{284*} древностей (нем. Antiquität).

ЭКЗЕМПЛЯР ВТОРОГО ТОМА "БЫЛОГО И ДУМ", ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ТАТЕ ГЕРЦЕН
 Переплет с владельческой монограммой Таты Герцен и титульный лист с дарственной надписью Герцена:
 "25 декаб(ря) 1861 Тате"
 Музей Герцена, Москва

рош, сад, цвет моря, диких скал, Château d'Iff'a и дальних гор – все хорошо. Иностранцы, верно, не останавливаются в Marseille или очень редко, это чувствительно, как и в Лионе.

Прощай – будь спокоен и весел – приезжай к нам скорей – но лучше *не бери* ночных поездов. Обнимаю и от всей души тебя целую, тебя и Папа-Ага – я ему буду писать на днях⁴.

Жму руку Пану.

Твоя Т а т а⁵

¹ Первое письмо Таты к Герцену после приезда в Марсель из Лиона, откуда она выехала с Тучковой-Огаревой и Лизой 2 ноября. Герцен же выехал из Лиона 3 ноября в Женеву, куда и адресовано настоящее письмо.

² Испанская революция началась 18 сентября. 30 сентября королева Изабелла II бежала из Испании, 18 октября было образовано временное правительство во главе с Серрано. В 1869 г. Учредительные кортесы выработали конституцию, по которой Испания оставалась монархией, но власть короля ограничивалась парламентом.

³ Речь идет о подарке для жены Саши Терезины – вышитой "русской" (или "гарibaldiйской") рубашке. Герцен затем не раз спрашивал в письмах к нему, получена ли "гарibaldiи" (см. XXIX, 488, 507).

⁴ Следующее известное письмо Таты к Огареву начато 16 ноября в Канне и закончено 21 ноября в Ницце.

⁵ Герцен ответил 7 ноября (XXIX, 484–485).

Среда, 4-ого ноября 1868. Marseille

Не удивляйся, дорогой Папаша, что Natalie не пишет сегодня. Она приготовила письмо – *что* в нем было, не знаю. Я только серьезно просила ее обдумать все, что бы она ни писала¹; она письмо свое разорвала и сказала, что завтра напишет другое. Мы много с ней разговаривали – и в вагоне, и здесь – и все же я прихожу к тому же заключению: дай ей переменить имя, чтобы все было ясно, – этим кончатся разговоры тяжелые, и я почти уверена, что Natalie будет в более ровном расположении духа². Она решается жертвовать Ниццей теперь, чтобы сейчас же *(со)* всем покончить. По-моему, это лучше – отчего откладывать до Цюриха?³ Она, пожалуй, и будет обещать мне не говорить больше об этом. Но как ручаться? Я предвижу и с ужасом об этом думаю, что через две недели, через 10 дней, может, какой-нибудь взгляд, слово опять взволнует Natalie и разговоры возобновятся. Нет, лучше сразу кончить – право!

Повторю тебе только возражения Natalie:

1) Не будет ли Огареву неприятно, если Лиза будет тебя называть отцом и не будет больше носить его имя?

2) Может быть, тебе будет неприятно, что она (Natalie) будет носить имя мамаша?

Только прошу тебя, милый Папаша, серьезно прошу не писать *ей* об этом, пиши *мне*, я ей все передам, что хочешь, мне кажется, это лучше делать через меня – пожалуйста.

Итак, отвечай мне коротко, согласен ли ты и Ага – чтобы она сейчас же говорила с Лизой, чтобы Лиза тебя звала отцом; чтобы здесь в доме это знали. Я знаю, что ты мне на это уже отвечал в Лионе, но, пожалуйста, повтори это еще *раз* – и обещаю тебе, что это будет в последний раз. Natalie обещала сейчас же говорить с Лизой, как только ты еще раз ответишь утвердительно. Отвечай мне как можно скорей, и пусть Огарев припишет мне⁴. Обнимаю вас обоих и еще раз крепко, крепко целую.

Ваша Тата Г е р.

Еда здесь изрядна, мы плотим за все вместе 22 fr. в день. – В первый день нам подали *булиабес*!⁵

Если можешь, привези мне бархатное платье – оно в картоне у Ага. Понравилось ли платье Mary⁶.

Целую Тутса⁷, всем кланяюсь.

Отвечай скорей, как можно скорей⁸.

¹ Это письмо неизвестно.

² Речь идет об открытом объявлении гражданского брака Тучковой-Огаревой и Герцена, с тем чтобы она и Лиза взяли фамилию Герцена. В ответном письме Герцен признавался: “У меня была моя мечта, и в моих глазах она была очень поэтична. Лиза никогда не должна бы была менять имени – а знать должна была, что она моя дочь, – это было бы традицией Огарева... но это не удалось. Главное, что я боюсь – это за форму передачи ей, за смущение всех понятий (...) Я очень, Тата, во всем надеюсь на тебя. Я много раз говорил тебе, что я находил в тебе больше такта, понимания – а может, сочувствия” (XXIX, 484).

³ О плане Герцена поселиться с весны 1869 г. всей семьей в Цюрихе см. XXIX, 488, и в п. 80. 26 ноября – 1 декабря он ездил в Цюрих, чтобы подыскать для этой цели дом. План не был осуществлен.

⁴ 7 ноября Герцен отвечал: “Я согласен на все (...) Прошу тебя об величайшей обдуманности, – старайся иметь мягким разумом влияние на N(atalie) – а не спором...” (XXIX, 484–485). Огарев в своем письме к Тате в тот же день предостерегал от “невольной неловкости, которая может на Лизу подействовать так прискорбно, что сразу испортит ее светлую, отроческую жизнь”. “Конечно, не в имени моем препятствие! – добавлял он. – Неужели ты думаешь, что мое имя для меня дороже, чем *его* имя?” (“Вопр. лит.”. 1974, № 3, с. 318; см. также XXIX, 487).

⁵ Рыбная похлебка с чесноком (bouillabaisse – слово франц. провансальского происхождения).

⁶ Мери Сетерленд, гражданская жена Огарева.

⁷ Внук Герцена Александр (Тутс), сын Саши и III. Гётсон, с мая 1867 г. жил у Огарева.

⁸ Герцен ответил 7 ноября (XXIX, 484–485). Ответ Огарева от того же числа см.: Вопр. лит. 1974, № 3, с. 318–319.

Воскресенье, 8-ого ноября 1868.
Hôtel des Catalans. Marseille

Первое твое письмо получили¹, милый Папаша, с нетерпением ожидаем ответа на мои записочки². Потом ты говоришь, что многое расскажешь. Может быть, сего-дня же получим твой ответ, однако Natalie не хочет больше откладывать, хочет те-перь отослать свое письмо³.

Я опять повторяю, что я очень против Ниццы – даже *Канн* лучше; пожалуй, Ге-нуя – можно же найти теплый уголок где-нибудь на берегу Средиз(емного) моря, кроме Ниццы, – если Marseille окажется невозможным. Мы уже успели страдать от жара первые дни – и с “мистралем” познакомиться.

Накануне у *меня* была ужасная мигрень. На следующий день прошла, а вчера я полтора часа бегала по ветру and enjoyed it very much^{285*}, я едва-едва могла на ногах стоять.

Лизу я заставляю рисовать и писать по-английски *вместе* с Natalie.

Книгу Foucault мы сегодня кончим, да, она очень интересна⁴, – несмотря на то, что ты меня несправедливо потормошил. И немецкий роман интересен – дотрагивается до разных интересных вопросов⁵.

Корсет и мелочи я оставила для горничной в Hôtel de l'Europe⁶.

Пришли же письмо Мальвидино⁷.

Неужели Вырубов не отвечает на твои “дерзости”? Пришли “Philosophie Positive” – когда получишь⁸. Обнимаю тебя и Ага.

Твоя Тата Г.

Кланяйся Пану, Чернецкому и т.д.
NЗ Жилет у Natalie⁹.

8-ого. Воскресенье

Я буду писать¹⁰ завтра¹¹.

¹ Ответ на письмо Герцена к Тучковой-Огаревой и Тате от 4 ноября (XXIX, 483–484).

² На п. 77 и 78 Герцен ответил 7 ноября (см. XXIX, 484–485, а также п. 80).

³ Это письмо неизвестно. Оно служило также ответом на письмо Герцена от 4 ноября.

⁴ Имеется в виду книга Ф. Фуку “Histoire du travail. La Nature et l'homme” (Р., 1868), которую Герцен читал в Лионе и передал Тате. 4 ноября в письме к сыну он рекомендовал ее Ольге как “очень хорошую вещь” (XXIX, 483).

⁵ Вероятно, речь идет о романе Б. Ауэрбаха “Auf der Höhe” (Stuttgart, 1864; см. XXIX, 470).

⁶ Отвечая на сообщение Герцена, что эти вещи принесли ему “из Hôt(el) de l'Europe” (XXIX, 484, с неверным прочтением: “В Hôl.” – см. фотокопию РГБ), Тата объясняет, что оставила их горничной во время пребывания в Женеве в конце июня.

⁷ О получении этого неизвестного письма Мейзенбург к Тате Герцен сообщил ей 4 ноября, а 7-го пере-слал его (см. XXIX, 484, 486).

⁸ В статье “Les Russes au Congrès de Berne” Герцен писал, что М.А. Бакунин и Г.Н. Вырубов на Кон-грессе «высоко держали наше знамя “Нигилизма”» (XX, 382). Свое недовольство причислением его к “ни-гилистам” Вырубов выразил в неизвестном письме к Герцену, полученном им в Лионе, и сообщил о наме-рении полемизировать в “Kolokol”. Герцен ответил 3 ноября: “Статью мы, разумеется, поместим – и даже за ответом дело не станет”, прося “поторопиться” в связи с предстоящим прекращением “Kolokol” (XXIX, 482). Тата же предполагала, что Вырубов развернет эту полемику в издаваемом им вместе с Э. Литтре журнале “Revue de la Philosophie Positive”. 20 ноября Герцен сообщил ей о получении открытого письма Вырубова (см. XXIX, 492). Оно напечатано в № 14–15 “Kolokol” от 1 декабря (р. 232). Ответ Герцена – “Réponse à M.G. Vuyrouboff” появился в “Supplément du Kolokol” от 15 февраля 1869 г. (XX, 507–510 и 510–514).

⁹ См. XXIX, 484.

¹⁰ Эти две строки дописаны по получении письма Герцена от 7 ноября (XXIX, 485–486). См. п. 80.

¹¹ Герцен ответил 10 ноября – XXIX, 486–487.

9-ого ноября 1868 г. Hôtel des Catalans
(улица не нужна, мы на скале!). Marseille

Нет, ничего еще не сделано. С Лизой не говорили. У нас все тихо и спокойно. Только на дворе мистраль продолжает буянить. Я никогда ничего подобного не видела. Бедные корабли!

Я много думала, милый Папаша, о твоём плане, о твоей мечте – “пусть Лиза знает, что она твоя дочь, но имени не нужно менять”². Ведь это поставит ее в фальшивое положение, она на каждом шагу должна будет дать объяснение или на каждом шагу говорить неправду? Может быть, это можно было бы сделать, если б она была взрослая – но хорошо ли ставить ребенка в неясное положение? Я не думаю, что она будет *страдать* от этого, и никак не могу сравнить это положение с неприятно-тяжелым, неясным положением Natalie (как это делает Natalie).

Что мы имеем общего с людьми, которые не освободились от разных предрассудков? Тем более Лиза – много лет еще пройдут, до тех (пор) пока она будет взрослой и образует себе кружок друзей, симпатичных лиц.

Итак, я не думаю, что она будет страдать, но, Бог знает, не вредно ли приучать ребенка к неоткровенности, к обману, – как это назвать? Потому что она должна будет называть отца “дядей”, а дядю “отцом”? Не знаю, нельзя предвидеть последствий. Мне кажется, что откровенное отношение лучше. Ольге можно бы и теперь написать, когда окончательно решимся на что-нибудь, однако я предпочла бы оставить ее в покое до весны или до лета, словом, до ее отъезда из Флоренции. Она все-таки очень рассеянна, – если теперь ей рассказать, это ее еще больше рассеет, отвлечет от занятий. Как бы они ни были *неважны* (ее занятия), а лучше, чтобы она еще несколько месяцев спокойно бы почитала да поиграла бы. Теперь ей не нужно никому давать объяснений. Положим, что мы встретимся в Цюрихе, – все будет сделано до ее приезда – окружающие лица будут новые, у нее и случая не будет отвечать, давать объяснения; все будет сделано до ее приезда. Но, впрочем, об этом успеем поговорить – надобно начать с того, чтобы окончательно решиться на что-нибудь. Ты говоришь, что все это несущественно (т.е. перемена имени). Я с тобой согласна, именно потому, что не вижу, что у нас общего с людьми, не освободившимися от предрассудков. Natalie смотрит иначе на это, и так как неясное ее положение ее мучит, я думаю, что следует прекратить его, и серьезно надеюсь, что после этого характер ее сделается хотя немножко погармоничнее, – во всяком случае, разговоры эти не повторятся, и это будет большой шаг.

Обнимаю и целую тебя и Ага. Боже мой, что мне отвечать тебе на твои вопросы об искусстве, о пенье, о живописи?³ Как мне тебя утешить?? Как мне развить *страсть* в себе, когда она не врожденная? Петь мне не хочется, а когда я по целым часам рисую, я чувствую какую-то пустоту – какое-то одиночество, которое меня пугает – оставляет меня в каком-то неудовлетворенном состоянии. Отчего? Сама не знаю... Когда я читаю, я никогда это не чувствую. В Виши мне было хорошо, книги, статьи все меня интересовали. Я охотно бы попробовала что-нибудь писать, но еще мало знаю сама. С интересными книгами мне почти везде хорошо. Пожалуйста, не сердись, милый, дорогой Папаша, лучше скажи мне, что делать?

Твоя Тата Г.⁴

¹ Ответ на письмо Герцена от 7 ноября (XXIX, 485), в котором он спрашивал, “отчего нет улицы” в сообщенном Татой адресе.

² См. письмо Герцена от 7 ноября (XXIX, 484).

³ 7 ноября Герцен писал: “Если б, Тата, у тебя немного самостоятельности артистической или другой – да больше мягкости и умения к слабому – жизнь твоя пошла бы хорошо, да и ты сделала бы страшную пользу Лизе. Что касается до твоего нравственного паралича, не позволяющего тебе ни рисовать, ни петь, – это мое больное место. Когда же ты проснешься?” (XXIX, 485).

⁴ Герцен ответил 12 ноября (XXIX, 490–491).

11-ого ноября 1868. Середа.
Hôtel des Catalans. Marseille

Друг мой и дорогой Папаша – ты говоришь, что тебе больно думать о том, что Лиза переменит имя¹. Уверяю тебя, что я долго думала о всех pro и contra того, что я тебе писала, о “твоей мечте” и о возражениях Natalie. Верю, что тебе больно расстаться с мечтой твоей, – но, мне кажется, это следует сделать, – я уверена, что у нас все пойдет гармоничнее. Я едва смею сказать: “Сделай нам всем эту жертву”. Это последнее слово как-то пугает и волнует Natalie, его надо избегать.

Все письма получены². Разве ты не увидел по письму N(atalie), что это был уже ответ³; впрочем, я не все читала. Моя же записочка была уже в конверте с Лизиной^{286*}, и я думала, что Natalie прибавит, что письма (Мальвидино, Elisabeth и т.д.) получены. Сама я не хотела отвечать тебе немедленно, – поэтому к старой записочке прибавила только: “Завтра буду еще писать”. Письма на poste restante мы спрашивали на оба имени⁴, получили твое первое и разные другие. А здесь, в отеле, никто нас и не спрашивал – никакой книги нам не приносили, но знают, что Лиза меня называет “кузиной”, – значит, N(atalie) в качестве тетушки. Ты знаешь, что письма ничего не рискуют в моих руках, – поэтому проще покамест адресовать на мое имя.

Теперь я хочу тебе все рассказать, как было по получении твоего письма⁵. Я видела, что N(atalie) была взволнована и недовольна. Мы вышли на наш бесконечно длинный балкон, чтобы погреться на солнце. “Я предвидела, что из этого ничего не выйдет – теперь он опять не хочет...” – сказала N(atalie). Я ей отвечала, что она, верно, что-нибудь не так поняла, что это невозможно. Уговаривала ее, разговаривала, рассуждала, – наконец, попросила ее повторить слова, которыми ты это говоришь. Она мне дала твое письмо прочитать, я сказала, что не вижу никакого противуречья – “где, в чем? Он на все соглашается”. Тут начались те же рассуждения без связи и без логики, как в Лионе: “Он говорит, что согласен, но, в сущности, не хочет; значит, это жертва – а жертвы не хочу” и т.д. Но к чему же все это повторять? Будет того, что она кончила словами: “Если б он серьезно хотел, давно бы все было кончено, и мы бы об этом не говорили”. Я старалась ей объяснить, что жертва делается в сущности всему обществу, которое еще под влиянием предрассудков; что ты это делаешь так, как бы надел фрак и белые перчатки, – если б пришлось быть на церемонном обеде. Что ты довольно ясно объяснял, что, по-твоему, женщине не нужно принимать имя мужа и т.д., – но так как это удобнее, при теперешнем состоянии развития общества, ты готов сделать эту уступку обществу, – и, наконец, спросила ее: “Значит, ты предполагаешь, что он неправду говорит, что он неоткровенно с нами поступает? Папа тебе и мне ясно пишет, что он на все согласен, – ты не веришь; какие тебе надобны еще доказательства? – скажи, я у него попрошу – но, признаться, я никогда не видела, чтобы Папаша с нами неоткровенно поступал”. На это N(atalie) как-то не нашла, что отвечать, и, помолчав, она сказала: “Если это для него не жертва, если он это не делает à contre cœur^{287*} – я на все готова – пусть он приедет, пусть выберет место – и начнем новую жизнь – под другим именем”. Расстанься со своей мечтой, дорогой Папаша, верю, верю, что это тебе больно – но неужели разговоры, как в Лионе, не больше? А в том я уверена, что разговоры не прекратятся, если мы не решимся сделать переворот и если Лиза не примет твое имя. К тому же она так быстро развивается, так ясно все видит, – какое влияние это может иметь на нее? – т.е. отсутствие всякой гармонии кругом? Как при таких обстоятельствах спокойно взяться за ее воспитание?

Итак, наш разговор с Natalie кончился следующим решением: так как в Марселе, по-видимому, климат ужасный (мистраль этот, признаюсь, не шутка, помилуй, пятый день никто не смеет выходить; вчера я была на почте – и по минутам думала, что придется лечь на землю или схватиться за дерево, за фонарь, – чтобы на ногах

^{286*} Когда принесли твое предпоследнее письмо.

^{287*} против желания (франц.).

Л.И. ГААГ И И.А. ЯКОВЛЕВ

Копии Таты Герцен ((1864–1865)) с портретов работы И.З. Летунова (масло; 1820-е годы)
Музей Герцена, Москва

удержаться! Иногда мистраль продолжается от 6 (до) 9-ти дней, – зимой является часто, по словам жителей. Это, право, невыносимо!) – и так как Марсель невозможно, мы едем на несколько дней в Канн погреться. Пиши нам туда (я думаю, проще на мое имя) *poste restante*. Ты знаешь, как Natalie желает быть в Ницце около 20-ого числа⁶. Из Канна в Ниццу час езды, кажется. Мы можем все ехать туда и дожидаться тебя *там*; но если ты предпочитаешь, чтобы мы ждали в Канне (по-моему, это было бы *лучше*, но я совсем не хочу инфлуенсировать^{288*}), Natalie готова съездить одна в Ниццу на несколько дней. Как лучше, по-твоему, Папаша? – отвечай скорей.

Так холодно, что я едва чувствую перо в руках; право, невозможно оставаться. Пожалуйста, не сердись, что мы решаемся ехать, и пиши в *Cannes*⁷.

Что за место *Perpignan*? Возможно ли там жить несколько месяцев? Я взяла карту, осмотрела берега Средиземного моря – но, право, не знаю, на что решиться. Генуя – кажется, всего разумнее. Как по-твоему? Ты понимаешь, что в Ницце или в Канне мы останемся только до твоего приезда и до решения, где провести зиму. Я собираюсь писать Ага – да не успела. Он скоро получит длинное письмо⁸. С Лизой мы не будем говорить до твоего приезда – но, *пожалуйста*, давай смотреть на это как на *решенное дело* – не будем больше разговаривать об этом⁹. Найдем покойный уголок – всё сделается тихо, спокойно, незаметно – и окажется, что ты недаром попал в *Hôtel de la Paix*^{289*}, – пусть это будет предисловие, или сени, ведущие к *maisonnette de la paix*^{290*} – так? Обнимаю и крепко, крепко от всей души тебя целую – тебя и Огарева.

Ваша Тата Г.

^{288*} оказывать давление (от *франц.* *influencer*).

^{289*} гостиницу "Мир" (*франц.*).

^{290*} домику мира (*франц.*).

За что же Кельсиева опять бранят?¹⁰ С мемуарами Мальвиды надо бы торопиться¹¹. Молоденьких идеалисток много еще на свете, может, им понравится – как знать? Хоть бы афишки сделали.

Очень буду рада, если “Былое и думы” выйдет по-французски. Может быть, потребуют и первые тома – надобно будет сделать второе издание. Скопировать портреты я готова¹².

У нас в отеле такой забавный маленький англичанин – рыжая точечка. Я не понимаю, как природа ухитрилась сделать его похожим на m-me Stansfield и miss Turner и дать ему, вместе с тем, улыбку Касаткина! Это нас поразило. Natalie и Лиза продолжают быть моими ученицами в рисовании и english language^{291*}.

Кланяйся Пану и Чернецким.

Газеты и Лизин журнал тоже получены¹³.

¹ Ответ на письмо Герцена от 10 ноября (XXIX, 486–487, до слов: “бабье здесь”; см. ЛЖГ V, 144–145), в котором он писал: “Мне больно, что Лиза переименит имя, мне дорогое. Это обрыв традиции”.

² Речь идет о получении также писем Герцена от 4 и 7 ноября (XXIX, 483–486; вместе с первым переслано им письмо горничной Елизаветы из Ниццы, а с последним – письмо Мейзенбуг к Тате). Письма от 7 ноября получены 8 ноября, в момент отправления п. 79.

³ Письмо Тучковой-Огаревой от 9 ноября (АО, 57–58) – ответ на неизвестное письмо Герцена к ней от 7 ноября (см. XXIX, 784 – № 126) – было отправлено вместе с п. 80.

⁴ 10 ноября Герцен спрашивал: “Как же вы записались в hôtel’e? Я не знаю, как адресовать – да и полагаю, что все же следует спрашивать на имя Nat(alie) Og(areff) письма” (XXIX, 487).

⁵ Письмо Герцена к Тучковой-Огаревой от 7 ноября неизвестно (см. ЛЖГ V, 142).

⁶ 23 ноября – день рождения умерших детей Герцена и Тучковой-Огаревой Елены и Алексея, похороненных в Ницце.

⁷ Герцен, получив это письмо, отвечал 13 ноября: “Письмо ваше до того удивило меня, что я не знаю, что и делать. Куда писать. Буду ждать из Канна вест (...). Почему не телеграфировали?” (XXIX, 487; эта часть письма Герцена ошибочно присоединена к письму его от 10 ноября (см. ЛЖГ V, 144–145; см. также письмо Герцена от 14 ноября – XXIX, 491).

⁸ Письмо Таты к Огареву от 16–21 ноября (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, лл. 10–11 об.; см. “Лит. наследство”, т. 63, с. 467–468, а также прим. 1 к п. 82).

⁹ В связи с последовавшей вскоре болезнью Таты (оспа) разговор с Лизой и объявление о браке Герцена и Тучковой-Огаревой были отложены до весны 1869 г.

¹⁰ 10 ноября Герцен писал: “Кельсиева (В.И.) в газетах ругают на чем свет стоит. Пришлю образчик” (XXIX, 486). Возможно, имеется в виду статья Д.Д. Минаева “Для чего иногда люди эмигрируют” в № 27 “Недели”. Характеризуя воспоминания Кельсиева “Пережитое и передуманное” (СПб., 1868) как “безбожную спекуляцию”, “арлекинаду незрелых рассуждений, юнкерских анекдотов и бездельной болтовни”, автор уличал мемуариста в саморекламе; в самом названии книги он усмотрел пародию на “Былое и думы”.

¹¹ О воспоминаниях Мейзенбуг см. в п. 65. 10 ноября Герцен писал, что Л. Чернецкий задержался с печатаньем (см. XXIX, 486).

¹² Сообщая 10 ноября, что “все советуют издавать” “Былое и думы” на французском языке, Герцен прибавил: “Чини карандаш” (XXIX, 486). Речь шла, по-видимому, о копировании портретов родителей Герцена Л.И. Гага и И.А. Яковлева для иллюстраций к предполагаемому изданию. Эти портреты 1820-х годов, работы И.З. Летунова, с 1864 г. хранились у Таты и уже копировались ею. Летом 1869 г. Герцен вел в Париже переговоры с издателями о публикации французского перевода т. IV “Былого и дум”; несколько глав в переводе автора и авторизованном переводе А.А. Герцена были напечатаны в сентябре 1868 – феврале 1869 г. в №№ 12–15 “Kolokol” и “Supplément du Kolokol”). Но этот план осуществлен не был. Первые три тома во французском переводе А. Делаво были изданы в Париже в 1860–1862 гг. под названием “Le monde russe et la Révolution”.

¹³ Герцен ответил 13 ноября (завершающая часть его письма, начатого 12 ноября) и от 14 ноября (XXIX, 487 и 491–492).

Я была на почте, чтобы бросить это письмо к Ага¹, – в poste restante нашла твою последнюю записочку – от 17-ого ноября, посланную в Канн². Я, право, думала, что мы очень ясно написали. Из Марселя, накануне отъезда, мы писали *положительно*: “Пиши в Канн”³. Из Канна писали, что будем ждать твоего ответа – ехать ли нам в

291* английском языке (англ.).

Ниццу или ждать тебя в Канне. Только по получении твоей записочки, в которой ты действительно просишь нас ехать в Ниццу, мы решились сейчас же ехать в Ниццу⁴. Мне очень, очень жаль, если ты будешь беспокоиться. Я с нетерпением ждала письма от тебя, хоть словечко в ответ на мое письмо – ты об этом молчишь⁵. – Отчего письмо Natalie нехорошо?⁶ Она мне не показывала. Я больше не говорила с ней, после последнего разговора в Марселе, после которого мне казалось все так хорошо – по крайней мере, на хорошем пути. Со мной она всё хороша. И Лиза милее – я продолжаю учить их вместе по-английски. Я и рисование могла бы продолжать, но Natalie мечтала о каком-то немце здесь. Мы его нашли. Лиза будет ходить к нему, в класс, три раза в неделю от 2 (до) 3 1/2, Мысль о детях, о Нини⁷ и других, ее развлекает – и ботаника более не занимает.

Одна она читает Maupre Read'a.

Natalie и Лиза будут писать завтра⁸ – пора обедать.

Целую тебя.

Твоя Т а т а

Папаше.

Вспомни бархатное платье. Книги из Берлина пришли.

От Саши письмо – из Флоренции⁹.

Ты бы прислал мне Ольгино письмо¹⁰.

¹ Наст. письмо является припиской (или продолжением) письма к Огареву от 16–21 ноября, начато-го в Канне и законченного в Ницце (авт. РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 10–11 об.; фрагмент напечатан в "Лит. наследстве", т. 63, с. 467–468). Во всяком случае, они посланы вместе, и письмо к Огареву завершается фразой: "Обнимаю и крепко-крепко вас целую – тебя, папа-Ага, и тебя, милый папа-Искандер. Пишите поскорей, мы послали вам адрес, как только приехали".

² Это письмо Герцена от 17 ноября, на которое отвечает Тата, неизвестно.

³ См. п. 81.

⁴ См. письмо Герцена от 14 ноября (XXIX, 491).

⁵ Вероятно, речь идет о п. 81.

⁶ Имеется в виду, возможно, письмо Тучковой-Огаревой от 12 ноября (АО, 59); однако 13 или 14 ноября могло быть написано еще одно письмо, не дошедшее до нас.

⁷ Нини Гарибальди, дочь двоюродного брата Дж. Гарибальди, с которой Лиза подружилась в Ницце.

⁸ См. письмо Тучковой-Огаревой от 22 ноября (АО, 62), в котором была также приписка Лизы (неизвестна).

⁹ Эти письма А.А. и О.А. Герцен не сохранились (о письмах Ольги см. XXX, 595).

¹⁰ Герцен ответил 24 ноября (XXIX, 494–495).

У вас биза и холод¹, а у нас вместо того серое небо и дождик – до такой степени, что Natalie не решается посылать Лизу в класс рисования – учитель будет приходить².

Покаместь ничего другого не устроили. Время от времени заходят Гарибальди с детьми; из других знакомых мы никого не видели, вследствие чего наша жизнь идет очень хорошо и тихо. Из моего письма к Огареву ты узнаешь, что я читаю³. Сегодня принесли журналы и брошюрки⁴ – вчера я вечером получила письмо Пана⁵. А теперь я только что получила длинейшее письмо от Ольги и Мальвиды. Одно время у них как-то оживилось: в предпоследнем письме Ольга пишет, что познакомилась с таким-то, и таким-то, и третьим семейством... В сегодняшнем она уже говорит, что они ей все надоели, что она предпочитает дома сидеть.

Письмо ее очень мило – и ум ее будет все-таки разумный, несмотря на то, что она будет мало знать. Я вижу, что у нее все-таки время есть на чтение – и по временам жалею, что не могу с ней побыть, посидеть и почитать.

Ты жалуешься, дорогой Папаша, что мы мало пишем, – а, право, я ожидала твои ответы. Например, что касается до Ольги, – ты мне тоже не отвечаешь – согласен ли ты со мной, что лучше с ней не говорить до Zürich'a?⁶

Потом ты спрашиваешь, на *какое* имя адресовать; когда я тебе положительно говорю, что мы *не* будем с Лизой говорить до твоего приезда – да к тому же вообще никакой перемены предпринять нельзя в Ницце – это ясно⁷. Поэтому пиши, как хочешь, на имя N. Ogareff или на мое – нам все равно. Ты бы взглянул на наш отель des Catalans, когда будешь в Марселе проездом, – остановись там. Положение так хорошо! Ты увидишь там женщину “Геркулес”, – кормилицу Laurina из Bagni di Lucca, которая так ко мне привязалась, потому что я говорила с ней по-итальянски и рассказывала ей, что сама была в Bagni di Lucca. Я была ее секретарем – писала под ее диктовку ее мужу разные важные советы: что делать с такими-то мешками каштанов, что с картофелем, – что сказать башмачнику насчет незаплоченных башмаков, как смотреть за детьми и т.д.

Не бойся жителей (русских) нашего дома или пансиона – мы решительно ничего общего не будем иметь. Они совсем на противоположном конце стола, а наши соседи на правом конце – невиннейший женевский больной юноша Kägli и французский старичок-дурачок. Мы совсем отделены от других и никогда их не встречаем. Впрочем, хозяйка готова нас кормить особо за маленькую прибавку. Старик *Chamier* (из Лиона) в Hôtel Méditerranée.

Целую тебя.

Твоя Т а т а⁸

¹ Ответ на письмо Герцена от 20 ноября (XXIX, 492–493).

² В ответном письме Герцен писал, что “Лизу не пускает N(atalie) в класс – очень дурно”, – и просил, “если можно” – устроить (XXIX, 495). В этот же день он писал Тучковой-Огаревой: “Лизу посылай в класс (не)прерменно (...) от погоды, какая бы ни (была), не отучай” (XXIX, 134; ошибочно присоединено к письму Герцена от 25 июня 1867 г.; см. ЛЖГ IV, 426; V, 153).

³ 21 ноября Тата сообщала Огареву, что кончила “немецкий роман” и “купила себе” “Общественный договор” Ж.-Ж. Руссо для чтения с Тучковой-Огаревой (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 456, л. 11).

⁴ Герцен известил Тату, что отправил ей в Кани “пачку журналов и две брошюры из Берлина” (XXIX, 492).

⁵ Письмо Тхоржевского неизвестно, как и письма от Ольги и Мейзенбург, о которых речь далее.

⁶ См. п. 81.

⁷ 26 ноября Герцен отвечал: “Для меня всегда было ясно, что в Ницце не следует ничего переменять. Это бросается в глаза” (XXIX, 495).

⁸ Герцен ответил 26 ноября (см. XXIX, 495).

Боже мой, уже сколько раз мне приходилось здороваться, рассказывать и перерассказывать все, что я делала, где была, с тех пор как уехала прошлого года из Флоренции...¹

Путешествие было великолепное (как ты уже знаешь по телеграмме моей, посланной из Ливорно²). Ни тени качки, ни тени тошноты. Я все время была на палубе, то смотрела на берег вдаль, то читала. После table d'hôte ко мне подошел почтенный старый итальянец... начал разговаривать, делать всевозможные вопросы – и в себя прийти не мог от удивления, когда узнал, что я совсем одна путешествую... Он всё руки поднимал от удивления – повторял, что совсем к моим услугам: “Ma mi comanda, ma la prego, mi comanda”^{292*}. Я его уверяла, что мне ничего не нужно. Он принес мне кофе – я отказала. Потом он меня вдруг спросил: “La sua casa fa il commercio?”^{293*}. Вследствие чего я ему дала маленькое понятие о том, кто мой Paternoster^{294*} – и кто братец... Кончилось тем, что он мне сделал горы комплиментов и сказал, что если когда-нибудь я или кто-нибудь из моего семейства будут в Катания, в Сицилии, – чтоб непременно заехали, даже остановились у него. Все это было очень забавно.

^{292*} “Но распоряжайтесь мною, но, прошу вас, распоряжайтесь мною” (итал.).

^{293*} “Ваша семья занимается коммерцией?” (итал.).

^{294*} Отче наш (лат.).

Въезжая в порт в Генуе, я уже издали увидела озабоченные глаза Пана Тхоржевского. Мы отправились ужинать в *café della Concordia* и решились ехать ночью – было светло, как днем. Никто не был болен, один бледный Пан отличился в последнем 1/4 часа – перед самым Ливорно...

Во Флоренции никто меня не ожидал в воскресенье. Ольгу я встретила на лестнице – она так завизжала, что Мальвида прилетела испуганная, думая, что она ушиблась, упала и т.д. Саша и Терезины дома не было – и они вскрикнули от удивления, когда я отворила им дверь... Но все приняли очень радушно и мило.

К несчастью, у меня разболелась голова, так что я обедать не могла и легла.

Мы никого не видели, а слух о моем приезде распространился; вечером явилась *casa Schiff*^{295*} и двое-трое знакомых.

Сашина квартира чрезвычайно хороша, громадная лестница, светлая, комнаты просторные, высокие – большие окна; мебель хорошая, но многого еще недостает...

Обо всем другом, конечно, не могу еще судить. Вижу только, что Саша счастлив, очень доволен Терезиной. Она очень трудолюбива; радуются все моему приезду – особенно Ольга. Она все еще шаловливо-резва и забавна, у нее много подруг здесь, и девушки гораздо старше ее. Мальвида со мной очень ласкова – с огорчением говорит о переписке, о Генуе, жалуется, что мы все так ужасно неясно пишем или писали, что понять нельзя дело; она с изумлением увидела из моего последнего письма, что мы совсем не будем вместе (т.е. с тобой) летом. Ольге хотелось бы ехать к тебе в Геную, но, по-моему, говоря откровенно, это ни к чему не послужит, кроме удовольствия видеть друг друга. Серьезно я еще с ней не говорила, – вероятно, я так устрою, чтобы раза три обедать здесь у Саши да раза три у Ольги – в неделю...

По-видимому, Флоренция Пану очень нравится, больше всего, что он видел до сих пор. Ольга очень довольна духами, платьем, ящичком и т.д. Мальвида находит твой подарок *zuuuu reizend*^{296*}. Саше и Терезине нравится моя *robe de chambre*^{297*} и купленный фуляр – до высочайшей степени.

Гуго Шифф сделался франтом. Пенизи-слепой явился сегодня с визитом ко мне лично. Он теперь переводит “Дым” Тургенева³. Мемуары Мальвиды продаются здесь по 6 fr., и все-таки хорошо покупают...

Однако прощай, я устала. Кланяйся m-me Россса, Бабетте – тебя, Nat(alie) и Лизу обнимаю и целую.

Помни, Лиза, что ты обещала мне писать и *по-английски*. История о явлении детей “Муна” всех забавляет и смешит здесь⁴. Что они делают, помнишь ли ты все имена?

Еще раз крепко, прекрепко целую тебя, дорогой мой Папаша, лишь скорей, рассказывай много – всё.

Твоя Т а т а

Ольга благодарит за 50 fr., но я их оставляю покаместь здесь, а то все уйдет на шалости, – она согласна.

NB Прошу (?)^{298*}

Иду: N 3, Rue Cassino, 4-ème étage⁵.

¹ Тата имеет в виду свой отъезд из Флоренции в июне 1868 г.

² В этой телеграмме, лихорадочно ожидавшейся Герценом, Тата сообщала: “Два великолепных переезда. В 11 часов будем во Флоренции” (XXX, 373–374; ответ Герцена – там же, 95–96). Тата выехала накануне из Ниццы через Геную во Флоренцию “по прекраснейшему морю на прекрасном пароходе”, как сообщал Герцен, провожавший ее до пристани вместе с Лизой (XXX, 96).

³ Перевод этот (по-видимому, с французского) издан не был.

⁴ *Муна* – Лизина кошка.

⁵ Герцен ответил 30 апреля (см. XXX, 99–101).

^{295*} семья Шиффов (*итал.*).

^{296*} слиинишком прелестным (*нем.*).

^{297*} домашний халат (*франц.*).

^{298*} Два полутрезанных слова. – *Ред.*

Четверг, 29-ого апреля 1869¹
 Casa Fumi, 2-do piano, fuori di Porta Romana. Florence

Ужасно мне трудно тебе отвечать, милый, дорогой мой Папаша. Я еще немного говорила с Ольгой – но все-таки вижу, что она еще ребенок и долго останется ребенком. Будет ли она когда-нибудь в состоянии серьезно сосредоточиться на чем бы то ни было? – вопрос.

Отличительная черта ее никогда не будет резкий ум, как у Лизы... Дается ей все ужасно трудно, несмотря на то, что она в самом деле старается *et qu'elle a beaucoup de bonne volonté*^{299*}; к тому же у нее память нехорошая – какое-либо ученье требует больших усилий с ее стороны. По-моему, ясно, что ее неразвитие надобно приписать ее страшно детской натуре, а не неумению Мальвиды. До сих пор я никакого серьезного интереса для чего бы то ни было не видела. Она бы с большим удовольствием поехала бы к тебе в Геную – с детской радостью говорит, что это было бы так мило и весело, – а дальше ничего. Я думаю, ты, право, не знал бы, о чем с ней говорить – и не мог бы помочь много ее развитию; ум ее слишком молодой – мне ловче с ним нянчиться в настоящую минуту, чем тебе. Увидим, вот когда Тхоржевский уедет и жизнь наша устроится – всё тебе буду писать.

А с Терезиной пошло, как по маслу. Мы сейчас устроили чтения, один день по-итальянски Историю Макиавелли Флоренции² и день по-французски “*La terre*” Reclus³. Не знаю, как пойдет дальше, не будет ли книга слишком трудна, но до сих пор я удивляюсь, как она много помнит и поняла из астрономии Гильмена⁴, а в Reclus многое повторяется – она понимает, помнит, внимательно следит и чрезвычайно сосредоточенна. Можно бы учредить чтения вместе мне с ней и с Ольгой – и, может быть, они дольше останутся в голове у Т(ерезины), чем у О(льги). Серьезно заниматься естественными науками Ольга не будет... Мне кажется, ты Мальвиде слишком резко отвечал. Я ее письмо не читала, как ты знаешь, но по твоему ответу и по ее рассказам знаю, в чем дело⁵. Мальвида сказала, что если б она убедилась, что у Ольги *решительный* талант к пению и что она сделается серьезной певицей, то бы пожертвовала всем остальным и решилась бы даже (*comme un grand sacrifice*^{300*}) ехать туда, где будет Пановка, так как его считает лучшим учителем. Ловить ее на этом, как ты сделал, мне кажется, не следовало. Она Парижа очень боится, потому что думает, что будет ужасно там страдать, – но, убедившись, что Ольге необходимо ехать в Париж, чтобы сделаться певицей, она бы решилась пожертвовать своим здоровьем. На житье же в Париже, без этой цели, М(альвида) смотрит как на вещь, вредную для Ольги, потому ясно, что она не торопится жертвовать здоровьем попустому. Поэтому дело в том теперь, что надобно ее убедить, ей ясно объяснить выгоды жизни в Париже. Убеди ее в пользу (!) для Ольги этой поездки, и она поедет. Я очень понимаю, дорогой Папаша, что ты “хочешь решительно положить предел отчуждению Ольги”, но следует ли для этого ей ехать в Париж – поможет ли это – еще не знаю. Впрочем, дай мне еще пожить здесь, посмотреть... обсудить. Если ты будешь с нами *жить в Париже*, – то для меня ясно, что нам надобно ехать. Но если ты будешь только приезжать из Брюсселя, – нет, Папаша, я далеко не убеждена в пользе этого переселения для нее. Я не говорю о себе, потому что убеждена, что жизнь в Париже мне может быть чрезвычайно полезна. Но для Ольги, без твоего постоянного присутствия, я пользы не вижу.

Конечно, Ольга бы желала петь на сцене, если б могла. Но вперед сказать, достанет ли таланта, сил и т.д. невозможно. Я Пановку еще не видела, – передам тебе все, что он мне скажет... “Давать уроки пенья” – Мальвида (я думаю) не могла ставить это целью жизни Ольги. Не раз и ты, Папаша, напоминал мне о живописи, говоря: “Ты бы продолжала хоть бы для того, чтоб иметь какую-нибудь специальность, которая в случае нужды может обеспечить кусок хлеба”, и т.д. Я предпола-

^{299*} и что у нее много доброй воли (франц.).

^{300*} как на большую жертву (франц.).

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

Фотография, (1870-е годы)

Из книги: Malvinda Meysenbug. Im Anfang war die Liebe. München, 1927

гаю, что Мальвида в этом смысле говорила, что, случись неожиданное разорение, она будет в состоянии заработать достаточно, чтобы жить самостоятельно, давая уроки.

Скоро буду опять писать, но куда? Тхоржевскому Флоренция очень нравится – обедают он то здесь, то у Ольги и очень весел. Нас он балует (или себя тешит, как хочешь), повел нас в оперу и непременно хотел платить – завтра пригласил обедать на Fiesole, но с условием, что *он* будет платить, а то ни за что не поедет. В Венецию он и думать не хочет, чтобы как можно дольше остаться здесь.

Итак, и вы на днях поедете. Пожалуйста, не берите ночных поездов⁶. Знать, что вы где-нибудь на месте тихо живете, так приятно, – а когда знаю, что путешествуете, все беспокоюсь. Пиши скорей, дорогой, милый мой добрый Папаша, – скоро и много.

Обнимаю и целую тебя, N(atalie) и Лизу. Кланяйся Рокке и Бабетте.

Твоя Т а т а

(Pour Natalie)^{301*}:

Пожалуйста, не забудь Иду, Natalie, пошли ей записочку к Тепляковой.

А вот тебе хорошая новость: Ольгина русская рубашка отлично моется, т.е. *чистится*. Ящик Ольге *очень* понравился. Терезина цветет – она даже потолстела в лице и пышет здоровьем. Готовит тебе письмо...

NB. Против головных болей Levier советует мне попробовать пить большое количество молока!!!

Когда ты, Папаша, поедешь в Виши?⁷ M-me Garibaldi обещала мне фотографию – свою и детей – спроси у ней и пришли⁸.

¹ Ответ на письмо Герцена от 25 апреля (см. XXX, 95–96).

² Известный труд Н. Макиавелли "История Флоренции" (1520–1525).

³ Последняя научная новинка того времени – географическое сочинение Ж.-Ж.-Э. Реклю "Земля" в двух томах (Р., 1867–1868).

⁴ A. Guillemin. Le ciel (Notions d'astronomie à l'usage des gens du monde et de la jeunesse). Р., 1864.

⁵ Излагая содержание адресованного ему неизвестного письма Мейзенбург, Герцен сообщал Тате: "Она говорит, что в Париж ехать готова – если Панофка поедет в Париж – иначе останется до будущей зимы. Стало, здоровье не мешает" (XXX, 95; ср. 96).

⁶ Из письма Герцена к Тате, написанного в Шамбери: "Несмотря на твой приказ (за который тебя целую) (...) ночью прискакали из Марселя" (XXX, 98).

⁷ "В Виши я не прочь, – писал Герцен сыну, сообщая о своем физическом состоянии и диете, – но желал бы лучше ехать середь лета (хотя могу ехать и в конце мая)" – XXX, 101. Однако позднее он передумал и отказался от лечения в Виши. Это, вероятно, намного сократило его жизнь.

⁸ Герцен ответил 30 апреля (XXX, 99–101).

^{301*} Для Натали (франц.).

5-ого мая 1869. Среда. Casa Fumi,
2-do piano, fuori di Porta Romana. Florence¹

Тхоржевский намерен ехать сегодня вечером и 10-го быть в Женеве². Да, увидим, кто из вас будет аккуратнее. Кажется, ему было весело здесь, — он только все жалуется, что всех денег не может истратить. Мы, каждый по очереди, проводили целый день с ним. Для него главное удовольствие — кататься и потчевать. Раз он завтракал с Мальвидой, на другой день с Ольгой, вчера со мной, сегодня пойдет с Сашей — всё в кафе de Paris. Кататься он любит по городу, вследствие чего мы всевозможные комиссии и покупки делаем с ним, — и заехали к всем русским художникам. Ге все тот же. Обрадовался моему визиту — нашел, что я помолодела. Он получает “Вестник Европы” и “Отечественные записки”, будет мне передавать. Но ты мне все-таки же пиши, что́ всего замечательнее...

Несколько дней тому назад явился русский один, чтобы попросить у Саши право перевести все его брошюрки. Он провел вчера весь вечер с нами. Он друг или, по крайней мере, знакомый Милютин и, должно быть, член одной из комиссий, занимающихся устройством крестьянского быта в Польше, — потому что много об этом говорил и рассказывал и жаловался, что здоровье себе совсем испортил — работая. Имя не могу вспомнить. Тип miss Reeve — очки, длинная белокурая борода — он скоро едет в Швейцарию к Милютину, в Vevais. Представь себе, что парты Ламбрускини и клерикалов хотят собрать подписи и сделать публичную демонстрацию против Саши — т.е. протестовать против такого рода популярных лекций³. Но, кажется, дело подвигается с трудом. Все издание брошюрки “Sulla volontà” продано. Во всех возможных журналах являются статьи женщин против Саши, *contess'ы*, *princess'ы*^{302*} в негодовании — очень забавно.

Но что же ты ничего не пишешь? Vichy? Ведь Шифф велел тебе сказать, что лучше ехать. Когда тебе удобнее?

Насчет Парижа, я, право, еще не знаю, что́ тебе отвечать. Судя по письму Monod, который, наверно, очень и очень желает, чтобы мы “пожили в Париже”, — устроиться очень трудно... Маленьких интересных кружков нет, Париж слишком велик для этого, интересные люди слишком заняты, — а бывают большие вечера, “рауты”, на которых очень скучно, — сумасшедшие туалеты, разговор невозможный... К тому же, если вести светскую жизнь, вряд ли можно в то же время заниматься чем бы то ни было, — даже порядком читать не будешь в состоянии. Monod прибавляет: “André Léo, Michelet и т.д. вы увидите — много-много — раз в месяц...”⁴

Насчет мебели у Саши *stricte nécessaire*^{303*}. Недоставали некоторые вещи в моей комнате — Саша предлагает, чтобы купила несколько мебели, вместо того чтобы платить пенсьон — вследствие чего я уже ему купила письменный столик для моей комнаты за 35 fr., куплю еще и канапé, туалет. Но если бы тебе вздумалось им сделать подарок, можно бы поставить им в салон “консоль с зеркалом” в салончик — они никогда не решатся купить и потратить 200 или 300 fr. на роскошь. Чек на имя Саши я не отдала, жду появления младенца. Когда — вопрос, около 20-го.

Ольге с Мальвидой поместиться у нас в доме невозможно. Всё громадные квартиры и, к тому же, полны — всё важные особы, внизу адвокат Фуми, над ним Кристи, над Кристи адмирал Дамико...

Если они найдут маленькую квартиру вблизи, я могу к ним переехать. Увидим. Об Ольге буду писать после отъезда Тхоржевского⁵.

Теперь крепко обнимаю и целую тебя.

Твоя Т а т а

^{302*} графини, княгини (итал.).

^{303*} только крайне необходимое (франц.).

Терезина очень мила – я думаю, что она может развиваться очень хорошо. Шиффы и Пенизи тебе кланяются. Меня огорчает одно... кажется, Гуго Шифф слишком привязан ко мне. Он человек серьезный – не шутится – мне его очень жаль⁶.

Целую Лизу и Natalie, буду писать им на днях⁷.

Рукой А.А. Герцена:

Ко мне пиши сюда в дом Фуми⁸.

¹ Ответ на письмо Герцена от 1–2 мая (см. XXX, 98).

² 10-го числа в Женеву собирался приехать и Герцен.

³ О лекциях А.А. Герцена и завязавшейся вокруг них полемике см. в статье Л.И. Матюшенко “А.А. Герцен”, открывающей наст. книгу.

⁴ Это письмо Моно неизвестно.

⁵ В своем ответе от 3 мая Герцен писал: “За твоё письмо очень благодарю, Тата, – пиши еще. О Париже успеем наговориться до 1 октября” (XXX, 103).

⁶ Отвечая 11 мая, Герцен заявил по поводу увлечения “младшего Шиффа” Татой: “Конечно, шутить тут нечего, и надобно с самого начала отрезать, как ножом (...) Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком – но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудачком (...) Я вполне верю в твой разум и очень рад, что ты получаешь и в этом больше доверенности ко мне” (XXX, 108).

⁷ Это письмо до нас не дошло.

⁸ Герцен ответил 11 мая (см. XXX, 107–108).

87

12-ого мая 1869.

Пиши просто: Casa Fumi, 2-do piano, fuori di Porta Romana.
Florence¹

Мы назначили два дня для русского чтения с Ольгой. Пятнадцатого она с Мальвидой переезжает в прекрасный дом villino della Torte, у самого дома Шиффов, великолепный сад, два шага от Casa Fumi – это будет гораздо удобнее – я буду с Ольгой чаще читать – а когда Терезина совсем поправится после родов, – могу переехать – увидим, что лучше.

Покаместь все идет хорошо, по утрам всегда читаю с Терезиной Макиявелли, хотя для меня еще трудно следить или сразу понимать странный, старинный его язык. С Ольгой я вижусь ежедневно, мы вместе гуляем по вечерам. Голос ее очень симпатичен, хотя не силен, он гибкий и мил, но покаместь она поет холодно, без выражения. Но Пановка говорит, что это со временем разовьется, что она должна слышать больше музыки, хороших артистов. Он велел тебе кланяться и сказать, что, если встретитесь, он с большим удовольствием будет долго разговаривать и объяснит тебе, почему на твои вопросы отвечать невозможно – особенно письменно².

Мальвидины мемуары³ все больше и больше продаются – она уже получила две просьбы о позволении печатать, т.е. перевести на немецкий и итальянский язык. Видно, что на молодежь очень сильно и хорошо действует – доказательство: разные письма.

Мальвида послала экземпляр Stuart'у Mill, он ей тоже пишет разные комплименты⁴. Шиффам нравится – Гуго мне так отвечал: “Man kann Malwida nur schätzen wissen und lieben nachdem man ihr Buch gelesen”^{304*}, к тому он прибавил, что психологический процесс ее развития, освобождения и т.д. его (и Морица Шиффа тоже) очень заинтересовал, несмотря на сентиментальность, auf Frauen und junge Mädchen wird das Buch guten Einfluss haben^{305*}.

А насчет моей тетрадки, милый Папаша, мне кажется, ты придаешь ей слишком много важности. Что ты заключаешь из этой шалости (записанной, к тому же, второпях) и судишь о моем взгляде на жизнь вообще? Когда мне пришло в голову записать эти смешные сцены или их “фотографировать”, было уже поздно, я бы не успела ввести серьезные разговоры, и оставила их в стороне сознательно⁵...

^{304*} “Нельзя не ценить Мальvidу и не любить ее после того как прочтешь ее книгу” (нем.).

^{305*} На женщин и юных девушек эта книга будет иметь хорошее влияние (нем.).

14 мая

Странно мне было читать в твоём последнем письме из Женевы, что ты “рад”, что я получаю больше “доверенности” к тебе⁶. – К тебе лично я всегда имела доверие, дорогой Папаша, и уверяю тебя, что никогда не сделаю какого бы то ни было важного шага, не поговорив и не посоветовавшись с тобой. Какие бы отношения ни были между молодой девушкой и молодым человеком, хоть самая простая и невинная дружба, – их не оставят в покое, начнутся насмешки, намеки (словами или взглядами) – поэтому я предпочитаю вообще молчать и особенно ничего не говорить при N(atalie). В её присутствии я себя никогда не чувствую свободной; когда я говорю с каким бы то ни было мужчиной, несмотря на все то, что (она) говорит об простых отношениях между мужчинами и женщинами, – я не помню, чтобы мне случилось разговаривать две минуты с кем бы то ни было без того, чтобы Natalie (не) сделала насмешливые замечания или двусмысленные намеки (но уж, пожалуйста, не говори с ней об этом). Может быть, она сама не знает, до какой степени это сделалось привычкой у нее, потому что она просто отрицала все, что я ей напоминала, говоря ей, что это мне очень неприятно. В этом отношении я себя чувствую так хорошо и свободно здесь у Саши, – и никогда мне не приходится так бессмысленно краснеть⁷.

Насчет Гуго Шиффа не беспокойся – и я *очень* рада, что ты в этом веришь в мой разум. Я ему показываю, что надежды никакой нет, – но он, тем не менее, приходит часто и очень любит со мной разговаривать и рассуждать по целым часам, хотел бы приходить и читать со мной – до сих пор я отстраняла. В манерах он очень переменялся с тем, как ты его видел, одевается порядочно и носит даже *высокую шляпу*⁸ – был на вечере у m-me Laussot; уж не знаю, оттого ли, что я была там, или нет. Насчет его характера, может быть, ты прав, может быть и нет. Случилось нам говорить и о ревности – по его словам, он этим не страдает. У него удивительно чистый и благородный характер – и к тому же он очень умен, интересен – от этого мне и жаль его.

Пришли книгу Naquet...⁹ Что Тхоржевский рассказывал о Флоренции¹⁰?

¹ Ответ на письмо Герцена из Экс-ле-Бена от 11 мая (см. XXX, 107–108).

² Герцен добивался от Панофки прямого ответа – обладает ли Ольга музыкальным и сценическим талантом и сможет ли выступать на оперной сцене (см. XXX, 95; ср. 99).

³ Первый том книги Мейзенбург “Les mémoires d’une idéaliste” (см. об этой книге ниже, в статье С.П. Гиждеу о Мейзенбург, а также в ряде публикаций наст. тома).

⁴ О переписке Мейзенбург с С. Миллем см. XXX, 382 Vivant, 240–241.

⁵ Отклик на замечание Герцена по поводу юмористических сценок Таты “Фотографии (с оригиналов)”, которыми он был недоволен, несмотря на проявленный дочерью несомненный “талант описывать и драматический склад”. Герцен советовал не руководствоваться при передаче действительной жизни “случайной пылью, ногтями, мозолями и черным бельем”, “случайно мелким направлением – без выкупа мыслью или общим” (XXX, 100).

⁶ См. прим. 5 к п. 86.

⁷ Т.е. цилиндр.

⁸ В своём ответе от 11 мая Герцен замечал о Г. Шиффе: “Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком – но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудак; чудак с сильными страстями могут подыматься до неимоверной тирании (от которой сами страдают еще больше) – все это заставляет отстраниться” (XXX, 108).

⁹ Нашумевшая книга А. Наке “Religion, propriété, famille”, незадолго до того вышедшая в Париже. В письме к Огареву от 28 апреля Герцен отзывался о ней так: “Радикально – но плохо, сухо, угловато и местами неверно – с другой стороны, есть и бонпринципные (т.е. хорошие по своим принципам) морали” (XXX, 999). В ответном письме Герцен заявил Тате о книге Наке: «Я его рекомендовать не могу, и лучше читать Бехера “Рабочий вопрос”» (XXX, 117).

¹⁰ Герцен ответил 18 мая (см. XXX, 116–117).

Папаше

25-ого мая 1869. Casa Fumi, fuori di Porta Romana.

Florence

Милый, дорогой мой Папаша, ты, кажется, был недоволен моим последним письмом; говоришь, что, в сущности, я тебе не отвечала¹. Что же мне тебе сказать? Теперь я знаю только одно – что мы с М(ещерским) в очень хороших, дружеских отношениях. Было время, когда он год тому назад был во Флоренции, в которое он так сильно ко мне привязался, что ему было очень трудно уезжать по временам – потому там он говорил о будущем, т.е. что хочет непременно приезжать к нам время от времени – и он непременно бы приехал в Пранжен, если б финансовые обстоятельства не помешали... Они вообще мешают ему во многом. С моей стороны признаюсь, что он для меня одна из самых симпатичных личностей, которые я когда-либо знала, я его очень люблю и уважаю и имею большое доверье в его советы.

Ему необходимо вернуться в Россию, семейные дела в ужасном беспорядке, – главное, он хочет взяться за какую-нибудь деятельность. До возвращения он очень желал бы видеть меня, но опять-таки не знает, достанет ли капитала, – человек он очень хороший и серьезный².

Покаместь прощай, обнимаю и крепко, крепко целую тебя.

Твоя Т а т а

Целую Огарева и Тутса, жму руку Пану Тхоржевскому.

Насчет того, что ты пишешь о Терезине: “Береги от буржуазии”, я до сих пор ничего не замечала, – с прислужгой она обращается очень хорошо. Отчего ты приводишь в пример *m-me Vogt*?³ Делай вопросы точнее, чтоб я могла точнее отвечать... В каком отношении ты думаешь, что Париж может быть полезен Ольге? Следовать за лекциями она еще не может.

¹ Ответ на письма к Тате от 11 мая и к сыну от 21 мая (см. XXX, 107–108 и 119–120).

² Отклик на следующее замечание в письме Герцена от 11 мая: “Меня всегда щемило твое абсолютное молчание о Мещер(ском) и о сущности твоего отношения (к нему). Сколько раз я ни давал тебе повода – ты ускользала” (XXX, 108).

³ Завершая свое письмо к сыну от 21 мая, Герцен писал о его жене Терезине: “Все слухи от Таты и Мейзенб(уг) очень в пользу развития Терезины. Береги пуще всего ее от той формы мелкого помещничества, которая и есть то, что называется буржуазией. Большая часть пролетариев прямо попадает в нее, получив достаток (*m-me Karl Vogt* и пр.), я полагаю, что для нее Италия – худшее место для развития. Если бы и она могла с тобой прожить год, может два, в Париже (...) и притом работать бы extra (сверх того (*лат.*)). Только парижская увриерка (работница (*франц.*)) может иногда переходить прямо в образованную женщину, минуя буржуазию (*m-me Tessier*). Первый пробный камень – отношение к прислуге. Все это я бросаю тебе *pele-mele* (беспорядочно (*франц.*)) для думы” (XXX, 120).

2-го июня 1869

Casa Fumi, 2-do piano, fuori di Porta Romana.

Florence¹

Ты не можешь себе представить, сколько у нас было хлопот в последнее время, дорогой мой Папаша, и после всех этих утомительных проб, после всего этого страдания – мы еще не знаем, будет ли Терезина в состоянии сама кормить Володю² или нет. Мало-помалу мы освободились от всех паразитов – *levatrice*, *popatrice*, etc., etc.^{306*} Саша выучился сам высасывать лишнее молоко у Терезины – сестра ее Асунта кормит Володю. Саша пугается довольно легко, по неопытности, – но, тем не менее, дело нешуточное. Мы призывали *d-r Balocchi*, специалиста, он приказал немедленно

^{306*} акушерки, няньки (?) и т.п., и т.п. (*итал., лат.*).

прикладывать катаплазмы, потому что видел признаки воспаления в груди, – из правой груди молоко совсем исчезло – может быть, удастся кормить *одной* грудью, но надежды мало. Терезину это ужасно огорчает – по минутам она совсем в отчаянии – конечно, и нас тоже огорчает.

Я сплю у Ольги в villino della Torte, но с утра до ночи здесь у Саши, потому что постоянно что-нибудь да нужно, то Терезину причесать, то Володю поддержать – он так спокойно лежит у меня на руках, пока я ему русские песни пою, – то помогать купать его... потом Терезине читаю вслух Molière – наконец, все счета держать в порядке – я едва выхожу. Терезина встала в 12-й день, 14-й и 15-й она не была в состоянии вставать, потому что грудь так болела. Сегодня она прогулялась по всем комнатам, в моем турецком халате, – пригодился он ей. Вспомнила я свои первые прогулки после болезни, но я была *гораздо* слабее – сравнения нет...

Ге живет так далеко, я не успела зайти к нему за книгами, но пойду на днях, пока читаю книгу о рабочих в Англии "Les associations ouvrières en Angleterre, Trade-Unions"³. Мещерский мне прислал сюда.

Гуго Шифф ходит к нам ежедневно, странный, но очень интересный человек. На днях, разговаривая с ним о тебе, я увидела, что он согласен с тобой, видит необходимость социальной революции; говорили мы тоже о *семействе*. Я ему сказала, что у брата его совсем противоположные мнения, а он мне отвечал: "Ja, ich weiss nicht, was Moritz darüber denkt – ich habe hier Gelegenheit gehabt ihm darüber zu schwatzen"^{307*}, – итак, представь себе, что живши лет 30 вместе, он не имел случая говорить с братом и не знает его мнения о таком важном вопросе...

Бедный Гуго, он меня ужасно любит! Пеннизи (!) тебе кланяется и часто жалеет, что тебя здесь нет. Он очень печален; вздумалось ему выучиться писать самому, – и попросил он меня "сделать ему удовольствие" и поучить его. Ходит он ко мне два раза в неделю по вечерам... Немножко он уже умел писать, но очень неясно – очень интересно видеть его успехи; он мне готовит много к урокам, всевозможные *палки*, отдельные буквы и, наконец, просто страницу мелкого писания... За это он мне пишет разные "акростихи".

Получили мы письмо от Monod из Парижа – он описывает шум, волнение, лихорадочное ожидание – либеральные выборы⁴ и т.д. Вырубов, должно быть, радуется.

Опиши же мне, пожалуйста, как ты себе представляешь нашу жизнь в Париже с Мальвидой, которая решительно не может выезжать по вечерам и ложится в 9 1/2?

С нетерпением жду впечатлений Брюсселя. На что вы решитесь?!!! Что N(ata-

ГУГО ШИФФ

Фотография. Флоренция, 1868

На обороте – стихотворение Г. Шиффа, посвященное Тате Герцен (6 января 1869 г.)

Музей Герцена, Москва

"Я получила длинное письмо от него и отличную фотографическую карточку с очень забавным и милым стихотворением" (Тата Герцен – А.А. Герцену. 16/4 января 1869 г.)

^{307*} "Да я и не знаю, что Мориц по этому поводу думает – у меня не было здесь случая поболтать с ним об этом" (нем.).

lie) и Лиза? целую их, – Лизу благодарю за письмо без писанья, но предпочитаю письма с новостями и без пакетиков – читает ли она книгу, которую я ей подарила? – и от N(atalie) рада я получить рапорты обо всем. Целую тебя крепко, крепко, береги себя и пиши.

Пришли нам “Прерванные рассказы”.

Твоя Т а т а

308* печатного Тхоржевскому и Чернецкому.

“Неделю” получили вчера...

¹ О получении этого письм Герцен сообщил 5 июня (см. XXX, 127).

² Володя – новорожденный внук Герцена.

³ Автор этой книги, изданной в 1869 г. в Париже, – внук французского короля Луи-Филиппа – граф Парижский (также Луи-Филипп). За короткое время она вышла несколькими изданиями.

⁴ Письмо Г. Моно неизвестно.

9-ого июня 1869.

№ 115, Villino della Torre, Via dei Serragli.

Florence

Теперь я постоянно сплю в Villino della Torre, милый Папаша, и остаюсь здесь до трех часов – т.е. около восьми я выхожу на минуточку к Терезине – узнать, все ли в порядке, наскоро выпиваю свое молоко и сейчас же возвращаюсь домой; этим путем я приучаюсь выходить по утрам. Голова у меня очень редко болит. – С Ольгой я читаю по-русски ежедневно час или два. Читаем мы “Кто виноват?” и подвигаемся, конечно, очень медленно, потому что мне приходится все переводить.

Что ты мне писал о Доманже? в чем же обвиняет его Бакунин, в каком отношении ты его считаешь *нечистым* человеком? Я не вижу, как он мог иметь нехорошее влияние на Ольгу¹. Ты знаешь, что с некоторых пор и даже всю зиму Ольга брала уроки французского языка не у него, а у m-r Rey. С Доманже она занималась физикой и историей, странно! Я ее расспрашивала об этих уроках, они ее не очень интересовали, в последнее время она даже устала от них. С тех пор, как наступил жар, она не ходит больше к Доманже, ему некогда ходить к нам, вследствие чего уроки прекратились и у нее больше времени для чтения. Но ей постоянно нездоровится, то то, то се – верно, Мальвида тебе уже писала; важного я ничего не вижу – но глупо и досадно, и трата времени большая. Я просила тебя прислать “Прерванные рассказы”, чтобы читать их с Ольгой, это не к спеху, но все-таки пришли. Я охотно бы осталась некоторое время одна с Ольгой здесь во Флоренции, от жара мы не очень страдаем – к тому же, сад великолепный, стóит Château Boissière, можно по целым часам сидеть в тени под деревьями. Но ты знаешь, как Мальвида “щакотлива” в этом вопросе, она никогда не ездит одна, тем более, что уверена, что Ольге нужны воды минеральные. А бог знает, Папа, может быть, Ольге и было бы хорошо. Ведь ей велено принимать железо. А насчет жизни на водах – я не вижу необходимости следовать примеру других, можно продолжать тихую жизнь – как мы в Ницце. Впрочем, у нас ничего не решено – и я из Флоренции вон не спешу.

Как ты хочешь начать *объяснение* Ольге письменно теперь или при встрече? во всяком случае, мне хотелось бы быть около нее в это время, чтобы она могла свободно со мной говорить и меня расспрашивать. Не могу предвидеть, какое влияние это объяснение будет иметь на нее – у нее все так незрело².

Ты бы мне побольше писал о разных движениях в Женеве – ведь ты теперь сам был, видел, что же деятельность Бакунина, – согласен ты еще со своей статьей, писанной против него³, или переменил свой взгляд? Насколько я могла заметить, Доманже, с своей стороны, смотрит на него как на человека, который любит шум и движение, но *серьезной* деятельности и серьезного влияния иметь не может...

308* Далее отрезана нижняя половина нескольких слов. Текст не поддается прочтению. – Л.Л.

Терезина совсем поправилась. Я хожу к ней в три часа, читаю с ней и обедаю у них, в Casa Fumi. Володя – просто *enfant modèle*^{309*} и просыпается только *раз* ночью, днем спит по четырем часам, его иногда переносят на руках, он лежит себе преспокойно в кровати, к тому же спит при говоре и шуме; раз недавно стреляли из маленькой пушки у самой Porta Romana... Володя и не думал просыпаться. Во всем доме постоянный сквозной ветер.

Обнимаю и целую тебя крепко, от всей души.

Твоя Тата Г.

Где ты теперь? и где N(atalie)? и Лиза?⁴

Целую их и Огарева – кланяюсь Тхорж(евскому) – Чернецкому и Бакунину. Читаю статью Тургенева о Белинском⁵.

Пиши побольше. Что нового из России?

12-ого Шашино рождение – я для него купила софа для террасы⁶.

¹ Ответ на письмо Герцена от 18 мая (XXX, 115–116) и на другое, с неизвестной датой, которое до нас не дошло. Отзыв о Доманже заключался, видимо, во втором письме. Герцен всегда был чрезвычайно высокого мнения об умственных и нравственных достоинствах Доманже, с которым дружил еще с 1850-х годов. Вероятно, речь здесь идет о каком-то нелепом недоразумении.

² Герцен собирался объяснить Ольге, что Лиза – его дочь, а не дочь Огарева и что они – сестры (сводные).

³ Серия писем “К старому товарищу” (XX, 575–593).

⁴ Герцен, Тучкова-Огарева и Лиза в это время находились в Женеве.

⁵ “Воспоминания о Белинском” (BE, 1869, № 4).

⁶ В ответном письме от 13 июня (XXX, 134) Герцен уточнил дату рождения сына: не 12-го, а 13 июня, т.е. 25 числа н.ст.

91

17-го июня 1869

115, Villino della Torre, Via dei Serragli,

Florence

Милый Папаша, Ольга прочла ваши письма в нашем присутствии¹. Мальвида была ужасно взволнована, боясь действия на Ольгу; признаться, и я тоже ожидала результатов с нетерпением. К большому нашему удивлению, Ольга все прочла с величайшим спокойствием, потом передала письма Мальвиде и сказала мне, что давно догадывалась, – прибавляя: “Что же это может перемениться, ведь я и без того Лизу всегда любила и смотрела на нее, как на сестру младшую”. Но она уверяет, что никогда никого не спрашивала и никаких намеков не делала. По спокойствию, с которым она приняла все это, видно, что она привыкла к этой мысли и находит все естественно, – кроме того, что с самого начала не было открыто всем. Но все это характеры не переменит, поэтому я не вижу больше данных для гармонического житья вместе, чем прежде...

Как вы скажете Лизе? Может, лучше, чтоб она тоже мало-помалу догадывалась. А для себя что Natalie решила, хочет она все еще переменить имя или нет?

“Egalité” мы получаем. Я там прочла об возмутительных последствиях арестации против гревов^{310*} работников Пфедффера и Пука. Если все правда, – так это ни на что не похоже, а в Бельгии еще хуже, т.е. поведение солдат на одной станции над гревов или *des puddlers*^{311*}, – они ранили, изрубили невинных пассажиров, которые ни в чем не участвовали, перепугали женщин, детей и пр.

Газеты мы читаем, но что же выйдет из всего этого шума в Париже, до сих пор ничего серьезного не видно – как будто только *gamins*^{312*} пошалили...

Мне было бы очень интересно прочесть твои письма или твою полемику с Бакуниным². Какая же польза в его деятельности и единственное последствие? Эти бан-

^{309*} образцовый ребенок (франц.).

^{310*} забастовка (франц. *grève*).

^{311*} рабочими-пудлинговщиками (франц.-англ.).

^{312*} мальчуганы (франц.).

ды рабочих – ведь их всех вышлют. – Да если бы и не выгнали, что значит *уничтожать вещи*? С какой целью?

Мальвида очень желает уехать из Флоренции 1-го июля – куда, не знает, то говорит о местечке около Генуи, то о Riva у озера *Гарда*. Она все жалуется на постоянную тяжесть и боль в голове – надеется, что перемена воздуха ей поможет. На минеральные воды она хочет ехать после и то еще не знает и не совсем решилась. Она и Ольга уверяют, что после Kreuzenach'a. У Ольги месяца *три* не были мигрени.

Саша, Терезина и Володя здоровы. Володю кормят одной бутылкой теперь, он чрезвычайнo мил, но худощав...

Обнимаю вас всех, Ольга будет писать завтра, покамест целую вас от всей души.

Твоя Тата Г.

Получил ли ты письмо от Пенизи?³

Присылай “Мазурку” и “Прер(ванные) рассказы”. Кланяйся Тхор(жевскому) и Чернецкому да Благовестлову⁴.

¹ Письмо Герцена к Ольге от 13 июня, в котором он сообщил, что Лиза – ее родная сестра и что Наталья Алексеевна, Тата и Ольга образуют *единую семью*, в которой Огарев остается в качестве друга и близкого родственника. “Лиза должна объединить оба наши имени и называться Герцен-Огаревой, – заключал Герцен, – сблизить и слить воедино все наше существование...” Огарев приписал: “Я люблю и всегда любил твоего отца, как единственного брата, который есть у меня на свете. Поэтому я всегда смотрел на его детей, как на своих...” (XXX, 131–132; приписку Огарева см. в кн. 1-й наст. тома).

² Имеются в виду письма “К старому товарищу” Герцена (XX, 575–593).

³ См. прим. 1 к след. письму.

⁴ Герцен ответил 22 июня (см. XXX, 138–139).

25-ого июня 1869.

Villono de laTorre. 115, Via dei Serragli.

Florence

Вот и вечер этого печального дня, милый, дорогой мой Папаша. Настоящий день рождения Саши, и праздновали мы его очень печально – Володе все хуже и хуже. Вот уже вторая, даже третья неделя, как он не только не толстеет, но худеет, бедное его личико ни на что не похоже, на нем такое выражение страдания, что больно смотреть. Пищеварение его, как будто, совсем испорчено, и сосать почти сил нет. Шифф еще надеется, но, по-моему, очень мало надежды. Несколько дней тому назад Саша поехал за кормилицей в Пистую; теперь оказывается, что у нее молоко плохо, – завтра меняют...

Саша был очень расстроен и печален целый день. Терезина вряд ли понимает опасность.

Пенизи отослал тебе письмо недавно, ты, верно, получил. Он нам помог разунать разные разности для Чернецкого – он ему очень советует *не ехать*. Если б он мог устроить какое-нибудь дело с правительством, была бы надежда, но один вряд ли он что-нибудь сделает, особенно не зная языка, – это мешает скоро работать¹.

27-ого

Книги и письмо от 24-го получены². Вчера у нас был ужасно тревожный день. Все думали, что Володя не переживет ночь от 25–26, Саша уж не хотел больше ничего делать: “Для чего его даром мучить, пусть будет тих и спокоен последние минуты”. Сам Шифф не знал, что делать, но Levier спас Володю! – Он нашел Володю почти без пульса и холодным, как лед, он немедленно дал ему воды с вином и очень крепкого бульона – и каждые полчаса клистиры из того же бульона. Володя просто умирал с голода – потому что вся пища выходила в таком же виде, в котором входила, – непереваренная. У него недостаток *декстрины*. И так мы целый день его почти насильно кормили крепчайшим консоме, прибавляя время от времени Сиракузского вина. К вечеру он уж как будто потолстел, смотрел лучше и живет, – около

9 часов его выкупали, Levier и m-lle Reymond за ним смотрела ночью – говорят, что спал хорошо, сегодня гораздо лучше – можно надеяться, что совсем выздоровеет...

Мальвида хочет ехать на месяц в Monte Cattini, местечко с минеральными водами. Полтора часа или 2 часа езды по железной дороге от Флоренции. И я с ними поеду, когда Володя совсем выздоровеет, хотя, по-моему, было бы разумнее остаться во Флоренции пока еще так хорошо и свежо...

Покаместь прощайте, обнимаю и крепко вас всех целую – скоро буду опять писать.

Твоя Тата Г.

Как понравится тебе жить в Брюсселе, пиши скорей³.

Рукой Огарева:

(Женева. Конец июня 1869 г.)⁴

Вот вам доброе письмо Таты. Эк у них там трудно пошло! Но, впрочем, Левье оказался молодцом. Письмо Ольги ко мне превосходно⁵. Об одном только она упоминает (причем вижу, как ты наморщился) – Пановка едет с ними на воды, потому что не хочет прерывать уроки именно в то время, когда Ольга делает громадные успехи; она поручает мне спросить тебя: позволишь ли ты ей продолжать уроки с Пановкой? Так же и Тутсу она написала письмо, при получении которого он был в восторге.

Тх(оржевский) от вас, видно, уже не получит писем; почта же отходит в 5 часов(ов). Кланяйся Стелле.

Обнимаю вас всех и Лизу целую в шейку.

Нового ничего нет. Работаю для Бак(унина), о духовенстве, что потрудней, чем ты думаешь, а мне же хочется им задать перцу⁶.

Тутс еще покашливает, но сегодня лучше.

¹ Это "больше длинное, чем дельное", по словам Герцена, письмо Пенизи к нему до нас не дошло, но о его содержании Герцен сообщил дочери 29 июня. Пенизи не советовал переводить типографию из Женевы в Геную. Сообщал он и об уроках, дававшихся ему Татой и "много выполнявших недостатки" его образования (XXX, 143).

² Письмо от 24 июня адресовано А.А. Герцену (см. XXX, 141–142).

³ В том же письме от 24 мая Герцен сообщал, что несколько дней спустя отправится в Брюссель (через Страсбург).

⁴ Письмо это дошло до Женевы уже после отъезда Герцена. Огарев переслал его адресату в Брюссель или Страсбург. Приписка представляет собой, в сущности, самостоятельное письмо к Герцену.

⁵ Это письмо Ольги к Огареву неизвестно.

⁶ Работа в свет не вышла.

Мы остались еще неделю здесь, во Флоренции, потому что не хотелось ехать до выздоровления Володи. Бедняжка, ему гораздо лучше – но все-таки надобно быть ужасно осторожными...

Сегодня суббота, мы хотим ехать во вторник – но куда – далеко не решенный вопрос. Не могу не смеяться над Мальвидой – каждый день она является с новым предложением; для ее здоровья следовало бы ехать в Monte Cattini (2 часа от Флоренции), но увы!! там нет ни Пановки, ни моря; с другой стороны, тянет ее в Сестри, около Генуи, туда и Пановка бы поехал, но там минеральных вод нет, – с третьей стороны, ей хочется в Фано (у Адриатического моря), потому что там друг ее m-lle de Stein. Чем это кончится? очень забавно – я не советую и не вмешиваюсь, – но утром и вечером спрашиваю: "Куда мы едем?" И каждый раз слышу новое предложение. Куда бы они ни ехали, я поеду с ними – там я буду больше с Ольгой. С тех пор, как Володя болен, мы мало читали.

Расскажи все о путешествии, о Страсбурге и Стелле и, главное, о Брюсселе, что первое впечатление и какие данные для удобной и интересной жизни? Ты хочешь изучать Брюссель до декабря месяца, так мне кажется всего разумнее, чтобы я осталась с Ольгой до тех пор, пока ты решишься, где мы намерены поселиться¹...

Ты меня просишь время от времени рассказывать кое-что о Шиффах. Конечно, я всего лучше знаю Гуго Шиффа, и чем больше его знаю, тем больше ценю. Он мне многое рассказывал из своей жизни, больше чем кому бы то ни было. С его безграничным доверием ко мне, он сам говорит, что я его лучше знаю, чем кто-либо. В сущности, жизнь его очень печальна, ничего в ней не было отрадного, веселого – единственное приятное воспоминание – *ce sont les difficultés vaincues*^{313*}, как приходилось бороться сперва с семьей, потом с нуждой. Одно время от жил с 30-ю франками в месяц! И это когда он имел возможность быть богачом – ему купцы разные делали очень выгодные предложения. Но, я думаю, ты ошибаешься, если думаешь, что он *играет роль оригинала*.

Он, верно, был оригиналом от самого рождения, а после обстоятельства помогли. Молодости у него не было, лет в 18 он был такой же серьезный, как теперь, – а на вечеру был в первый раз, когда ему было 22-ой год.

С своими маленькими средствами (денежными) он копит и помогает направо и налево, никогда никому об этом не говорит, кроме (как) мне теперь. Ужасно, ужасно жаль мне его, он по временам так страшно печален².

8 июля. Antignano presso Lugano

Вот куда мы попали, дорогой мой Папаша. Я хотела писать, т.е. послать это письмо из Флоренции, но до последнего дня Мальвида не знала, на что решиться, – к тому же у меня была такая сильная мигрень, что я не могла писать. Мальвида выбрала это местечко, потому что Пановка хочет остаться еще несколько недель в Ливорно – может быть, Ольга будет продолжать уроки, если капиталы ее как-нибудь вырастут от морского воздуха!.. Ей ужасно хочется.

Воздух здесь превосходный, восхитительный, свежий – море великолепное – но вот и все, земная природа уродливая, голая, бесформенная – вряд ли мы решимся здесь остаться. Поместились мы у самого моря в остатке старой крепости. Здесь всего-навсего четыре спальни, а над дверью большими буквами написано: “Albergo del' Antica Fortezza”^{314*}.

Прощай покаместь – иду осматривать окрестности с Мальвидой и Ольгой, – не найдем ли мы хоть крошечный красивый и тенистый уголок. Пиши на Сашин адрес.

Обнимаю и крепко, крепко тебя целую, тебя, Natalie и Лизу.

Твоя Тата Г.

На днях писала Маше³ и послала детям ее виды Флоренции с m-me Schiff. – Она уехала 3-его июля, теперь в Берне, остается там месяц.

О Пенизи я тебе ведь сама писала, что давала ему уроки писанья⁴. Ну, а он как сицилианец с кипучей кровью, конечно, преувеличивает – может быть, и незаметно (?), потому что ему почти всегда кажется, что всё, что я делаю, хорошо.

Читала я “Обрыв”⁵, все надеялась найти что-нибудь интересное, а вышло ровно ничего – просто чепуха⁶.

¹ Ответ на письмо к А.А. Герцену от 24 июня, в котором Герцен писал, что во время поездки в Брюссель он и Тучкова-Огарева увидят “Страсбург, Стеллу и другой край” – и что в Брюсселе он будет “изучать почву до декабря, т.е. возможность переезда всей семьи в Брюссель (XXX, 141). Тата, судя по ответу, откликнулась и на не дошедшее до нас письмо к ней Герцена.

² Отвечая на этот рассказ Таты, Герцен писал ей 13 июля: «Все, что ты пишешь о Ш(иффе), очень хорошо, – но помни же мой совет и верь, верь моему инстинкту, – “герой не моего романа” – лучше уезжай» (XXX, 147).

^{313*} это побежденные трудности (франц.).

^{314*} “Гостиница Старинной крепости” (итал.).

³ Отрывок из этого письма Таты к М.К. Рейхель от 2 июля см. в “Летописи жизни и творчества Герцена” (V, 235). Сообщая о получении в ответ письма Герцена из Базеля, Тата писала: “Через несколько дней он будет в Брюсселе, с нетерпением жду результатов этой поездки – она должна решить, оставаться нам на юге или тоже ехать на север (...) Увидим, как понравится Папаше брюссельская жизнь!” (см. ниже с. 530).

⁴ Отклик на уже цитированное письмо Пенизи к Герцену, в котором он утверждал, что Тата давала ему уроки, “много выполнявшие недостатки” его образования. Герцен отозвался об этом утверждении: “Что за вздор” (XXX, 143).

⁵ “Обрыв” Гончарова печатался в это время в “Вестнике Европы”.

⁶ Герцен ответил на это письмо 13 июля (XXX, 147–148).

5-ого августа 1869.

Castello d'Antignano. Antignano presso Livorno¹

Да, мы довольно заняты, Папаша, – кроме правильного ежедневного чтения Foenisberg'a², которое берет все утро, я перед обедом читаю с Ольгой раз по-русски, раз по-английски. С русского надобно ей почти слово в слово переводить... К тому же мы начали заниматься итальянским языком, Пенизи нам дает уроки (сам предложил и просил) два раза в неделю, я делаю ему переводы, с непривычки работа подвигается медленно – но он доволен, кажется, хотя очень строг... Я перевожу “Долг прежде всего” из твоих “Прерванных рассказов”, а Ольга – так, чтоб попало, с французского. В последнее время гости немножко разрушили наш порядок. Бердушек приехал дни на три, проститься, он едет в Северную Италию, будет месяца два, три путешествовать; ему заказали какой-то необыкновенный *гид*. Levier был, он всегда поглощен своими альбитами³ и растениями. Наконец, и Гуго Шифф приехал на день, – но теперь всё опять в порядке.

Неужели в Бельгии так мало свободы, что Fontain'у могла прийти в голову мысль, что вас вышлют за знакомство с Lus (?)⁴... Да это ни на что не похоже! А то ужасно досадно, и жаль, если в других отношениях жизнь вам в Брюсселе так нравится. Боюсь, что ты, милый Папаша, в самом деле, не найдешь нигде места, чтобы поселиться навсегда...

Как Пятковский объяснил дело ссоры “Недели”? И как кончились рассказы Нионского?⁵

Слышал ли ты, что бедный Dolfi умер? Говорят, что он как будто с ума сошел; чувствуя сам вдруг, что что-то неладно, он пошел в полицию и попросил, чтобы его посадили в сумасшедший дом, – говорят, что он умер почти беспамятный – ужасно!⁶

Стюард недавно писал Шиффам, он женится на грузинке или армянке, очень счастлив, осенью будет в Италии – во Флоренции.

От Пана получила письмо, пишет, что все здоровы в Женеве, что он сам ужасно устал и намерен расстаться с Швейцарией, по крайней мере, с Женевой... Бедный, куда же он поедет, что начнет?⁷...

Саша мне еще не переслал статейку о Мальвидиной книге, я ему напомнила – но, тем не менее, она распространяется, – знаешь ли ты, что она получила письмо от Стюарда Mill'a, от Michelet; в “Débats” была очень лестная статья...

Уроки с Пановкой устроились только теперь; Ольга отправляется к нему в Livorno сегодня, в первый раз – и берет это письмо с собой, поэтому спешу, но на днях буду тебе еще писать, тебе и Лизе. Мы посылаем письма в Брюссель *poste restante*, *m-me* et *m-lle* Ogareff, спросите. Я была бы тебе очень благодарна, если б ты прислал мне денег, мне лично. Жизнь довольно дорога здесь – к тому же, купанье и т.д., еда с квартирой обходятся около 7–8 фр. в день за каждого. Обнимаю и крепко, крепко вас целую.

Твоя Тата Г.⁸

¹ Ответ на письмо Герцена от 29 июля (XXX, 152–153) и, очевидно, на еще одно, не дошедшее до нас письмо.

² О какой книге немецкого политика Даниеля фон Фенисберга (Fœnisberg, 1820–1863) идет речь, не установлено.

³ *Альбиты* – минералы из группы полевых шпатов.

⁴ В опубликованных письмах Герцена нет упоминания о предположении бывшего издателя бельгийского “Cloche” насчет возможной высылки из Брюсселя.

⁵ С 1 декабря 1868 г. по 6 апреля 1869 г. в петербургском еженедельнике “Неделя” печаталась по инициативе сотрудника этого издания А.П. Пятковского серия очерков Герцена “Скуки ради” (под псевдонимом *И. Нионский*). Вскоре между редакцией и некоторыми сотрудниками, в том числе Пятковским, отношения обострились, и Пятковский попытался наложить вето на печатание статей Герцена в “Неделе”, поскольку он считал себя инициатором их публикации. Герцен, однако, Пятковского не поддержал, потребовав, чтобы публикация продолжалась на прежних основаниях. В мае 1869 г. “Неделя” получила правительственное предупреждение и была на полгода приостановлена, причем подготовленная к печати очередная глава “Скуки ради” осталась в редакционном портфеле, а затем бесследно исчезла и до сих пор остается неизвестной. Тата предполагала, что Пятковский, приезжавший весной в Брюссель, а затем в Париж и почти ежедневно встречавшийся с Герценом, разъяснит ему подоплеку этого конфликта, однако Герцен, по-видимому, не обратил внимания на вопрос дочери и на него не ответил.

⁶ Ср. XXX, 162–264. О Дж. Дольфи см. подробно в “Лит. наследстве”, т. 96, с. 251–253. В письме к Огареву от 9 августа Герцен почти дословно повторил сообщенную ему Татой новость о Дольфи (XXX, 164).

⁷ Это письмо неизвестно.

⁸ Герцен ответил 9 августа (см. XXX, 163).

95

24-го сентября 1869.

Casa Fumi, fuori di Porta Romana.
Firenze

Папаше

Ведь я не просила денег у тебя, милый Папаша¹, я хотела только знать, кому ты прибавил за меня: Саше или Мальвиде². Покамест мне ничего не нужно; если все, что у меня есть, уйдет на путешествие, я тебе скажу в Париже и попрошу дать на одежду. Об Ольгином туалете покамест не беспокойся, в Мюнхен она поехала с приличным гардеробом. В Париже ей надобно будет сделать разные разности да длинные платья. Жизнь не обойдется дешево в Париже, одна квартира что будет стоить.

История вагнеровской оперы просто чудо, комедия! Попались все, не только Мальвида, но Тургенев, m-me Viardot, Liszt. Говорят, что 10 или 15 000 человек иностранцев собрались в Мюнхене³...

Жаль мне, что я не была с вами в Голландии, – я знаю только *портреты* Рембрандта – они превосходны; из картин его я ничего не видела. Рубенс для меня тоже слишком жирен, и Терезина с нами симпатизирует, у нее верный взгляд...

Как ты мне пишешь, дорогой Папаша, что Лиза любит Ольгу и Сашу. Это только слова, как она может знать? Не живши вместе, это легко сказать.

Теперь о П(енизи). Раз, когда он был опять в ужасном состоянии, в отчаянии, и умолял меня сказать правду, – сказать, не имею ли я ни малейшей любви к нему, я ему сказала правду, отвечая: “Un petit peu”^{315*}. Дай мне уехать, пожить в Париже, прежде чем я решусь на что б то ни было. Ищите квартиру и пишите, когда ехать.

Обнимаю тебя, милый, дорогой Папаша, и крепко, крепко целую.

Твоя Т а т а

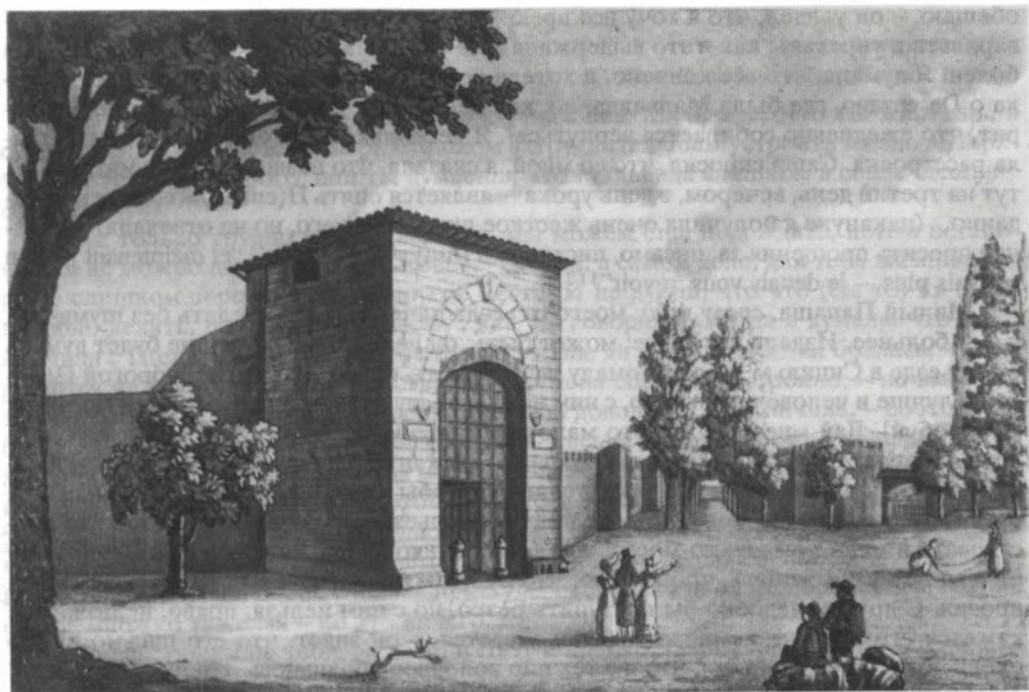
П(енизи) остается здесь.

Я не знаю, где второй том французского “Был(ое) и думы” – спрошу Ольгу – когда та вернется. Италианский перевод должен выйти до марта⁴, Пен(изи) спрашивает, может ли он перевести четвертый том до появления его на французском языке, – с корректурных листов, например?..

Ольга писала тебе: Poste restante, Paris, спроси, нет ли писем?..

Саша с утра до вечера на конгрессе медикальном. Ему придется воевать с так называемой важной личностью, римский доктор Бачелли⁵.

315* “чутьочку” (франц.).

ФЛОРЕНЦИЯ. РИМСКИЕ ВОРОТА

Аquatинта с рисунка Кароччи, 1840-е годы

Из альбома: *Vues de Florence et des principaux villes de la Toscane*. Florence, s.a.

Возле Римских ворот находился дом А.А. Герцена (Casa Fumi), в семье которого Тата Герцен жила в 1869 г.

¹ Вероятно, отклик на несохранившееся письмо Герцена, о котором говорится в прим. 1 к пред. письму.

² Ср. письмо от 5 августа. Тата, ссылаясь на дороговизну, просила прислать ей денег.

³ Речь идет об опере Р. Вагнера "Золото Рейна", премьера которой состоялась в Мюнхене 22 сентября. На первое ее представление Мейзенбург повезла Ольгу. И.С. Тургенев присутствовал на генеральной репетиции оперы 27 августа. "Музыка и текст равно невыносимы, но вы знаете, между немцами есть такие люди, для которых Вагнер чуть ли не Христос" (Тургенев. *Письма*, VIII, с. 79; ср. 443). 26 октября Тургенев писал сыну Герцена: "Я имел удовольствие видеть мельком в нынешнем году в Мюнхене (во время рейнгольдо-вагнеровского беснования) вашу сестру Ольгу вместе с m-lle Meysenbug; хотел зайти к ним – но не улучил минуты свободного времени – притом же я в тот день уехал. Известите меня о ней – а также о сестре вашей Наталье". В этом же письме Тургенев осведомлялся о Герцене, Огареве и Тучковой-Огаревой (там же, 108).

⁴ Итальянский перевод "Былого и дум", изготовлявшийся Пенизи по парижскому (французскому) изданию начала 1860-х годов ("Le monde russe et la Revolution"), в свет не вышел.

⁵ См. статью Л.И. Матюшенко об А.А. Герцене.

96

(Флоренция.), 2-ого октября 1869

Бедный, дорогой мой Папаша, не пугайся, не преувеличивай ведь – я ничего не обещала, ничем не связана¹. К чему ты хочешь всем писать? Это только наделает шум. Ни Саша, ни Meysenbug ничего не знают, я ни с кем не говорила – и, как ни мучилась, я наружно была спокойна. В Antignano одна Ольга могла заметить, что я не в самом деле спокойна и весела, – мы были в одной комнате. Здесь Саша был то в Споколе, то занят конгрессом, уходил до кофе, по временам, вечером возвращался усталый. Когда я сказала П(енизи), что я *должна* ехать в Париж^{316*}, что ничего не

^{316*} Это было *после* получения твоего предпоследнего письма, поэтому не говори, что я сделала противоположное твоему совету...

обещаю, — он увидел, что я хочу все прекратить, то стал и умолять, и просить, уговаривать и упрекать; как я это выдержала и не уступила, сама не знаю, он опять был болен. Я думала, что все кончено, и хотела немедленно уехать из Флоренции, думала о Desenzano, где была Мальвида, но, как нарочно, получила письмо от нее; говорит, что ежедневно собирается вернуться². Я несколько дней оставалась дома — была расстроена. Саша спросил, что со мной, я сказала, что нездоровится и мигрень. А тут на третий день, вечером, в день урока — является опять П(енизи) — совсем неожиданно... (накануне я получила очень жесткое письмо от него, но не отвечала). Он начал просить прощения за письмо, писанное в минуту отчаяния — “et maintenant je n'en pouvais plus — je devais vous revoir”^{317*}.

Милый Папаша, *сразу и до* моего отъезда ничего нельзя сделать без шума^{318*}, и ему больнее. Издали все легче; может быть, он не бросит занятия, не будет думать об отъезде в Сицилию и мало-помалу успокоится — право, это лучше, дорогой Папаша, и лучше и человечнее, право, с ним нельзя поступать, как с другим, — он больной. [Попробуй]. Дай мне кончить это мало-помалу; *обещаю тебе*, что я ничем не свяжусь. Уверяю тебя, что это лучше, Папаша. Пожалуйста, не пиши ни к кому, — выйдет только шум, а если ты все-таки желаешь, чтобы я сразу прекратила, напиши еще раз, и я исполню твое желание, — но подумай серьезно, не лучше ли осторожно действовать и мало-помалу; по-моему, оно решительно лучше, чего ты боишься? Я ему ничего не буду обещать, кроме того, что буду писать и посылать переводы, как он просил. С другим надобно бы поступить резко, но с ним нельзя, право, нельзя. Мне кажется, что он уже немножко успокоивается, — он знает, что его письмо имело очень нехорошее действие, что я с тех пор холоднее обращаюсь. Прощай.

Напиши мне еще раз, обещаю тебе, что исполню твое желание. Обнимаю и крепко, крепко тебя целую.

Твоя Т а т а

Не обвиняй Левье, в чем он виноват?³ только в том, что он советовал сказать: “Поговорим через год”. Но и тут он прибавил: “Конечно, вы не должны ничем связываться”. Никакой тут *интриги* нет, что это Тхоржевский выдумал! Левье всеми усилиями старался мне помочь — его не надобно обвинять ни в чем.

Тесье с женой приехали в пятницу, оставили карточки, в субботу вечером они были у нас и были чрезвычайно любезны. Я думала о твоём совете, но они заехали сюда quasi^{319*}-секретно, и сегодня же, (в) воскресенье, уезжают рано поутру. Через неделю будут в Париже, он был очень весел, бранил все мои фотографии — сказал, что в Париже сделает сам.

Машины дети благодарят за деньги.

Бедный Егор Иванович, какой печальный конец!⁴

Получил ли ты телеграмму мою?⁵ И французский “Былое и думы”. Я Тхоржевскому писала об этом.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена. Перепуганный возможностью брака Таты с Пенизи (см. выше ее письмо от 24 сентября), он писал Огареву 29 сентября: “У меня мутится в голове от мысли, что именно Тата — это светлое и гармоническое существо — убьет себя такой нелепостью. Пишу ей сегодня” (XXX, 201). Вероятно, это и есть то взволнованное письмо, которое вызвало публикуемый ответ.

² Письмо неизвестно, так же как упоминаемое ниже письмо Пенизи.

³ Герцен упрекал Левье в том, что он исподволь подготавливал брак Пенизи с Татой. См. ниже публикацию дневника Таты, относящегося к этому времени.

⁴ Е.И. Герцен незадолго до того ослеп и совершенно разорился.

⁵ Эта телеграмма Таты, так же как упомянутое ниже письмо ее к Тхоржевскому, до нас не дошло.

317* “А теперь я больше не мог выдержать — я должен был вновь увидеть вас” (франц.).

318* потому что он опять сразу оставит всё да и уедет — это, конечно, обратит внимание.

319* почти (лат.).

Среда. 6-ого октября 69.

Casa Fumi, fuori di Porta Romana. Florence

Дорогой Папаша, не понимаю твоего письма к Мальвиде. Что ты желаешь, в сущности? Тебе кажется теперь слишком затруднительным устроить жизнь в Париже, или чересчур дорого, или ты думаешь, что Мальвида слишком *à contre-cœur*^{320*} соглашается?¹..

Если только трудно найти квартиру, мы можем еще подождать, потом остановиться не можно ли у Ага, т.е. в Женеве? А если, в самом деле, для тебя жизнь в Париже слишком дорога, назначь другое место. И не думай, что что (бы то) ни было надобно делать, чтобы меня “спасти”, как ты говоришь. Когда я думала, что я все кончила с П(енизи), мне было его страшно жаль, да к тому же я так боялась, что он решится на какую-нибудь глупость, что это меня совсем расстроило, — но вместе с тем я чувствовала себя освобожденной и была довольна, что кончила, — поэтому не бойся за меня — я все буду холоднее с ним, — письменно еще легче — конечно, но не хотела бы, чтобы ты из боязни за меня торопился, взял квартиру, слишком дорогую или неудовлетворительную, — потом пришлось бы жалеть. Поэтому еще раз *прошу* тебя, не думай, что меня нужно *спасать*, — не решай ничего второпях из-за меня. Но когда все будет готово, мы приедем к вам... К чему уговаривать Мальвиду откладывать теперь? У меня очень сильная простуда, несколько дней нездоровилось, голова еще немножко тяжелая — но это ничего.

Прощай, обнимаю тебя, N(atalie) и Лизу и крепко, крепко вас целую.

Ваша Т а т а

Я писала Тхоржевскому о франц(узском) “Былое и думы”² — он отвечал, что ты собственноручно вынул этот том из моего ящика и взял его с собой в Париж.

Другого у меня нет.

Терезина вас всех целует; гордится, что Сапша играет важную роль... Интересуется спорами его с Бачелли на конгрессе. В одном журнале было объявлено, что при открытии новой Спеколы были l'agrégé(prof) essore Alex(andro) Herzen colla sua Signora^{321*}. В этот день у меня была мигрень, я не пошла с ними.

¹ Письмо Герцена к Мейзенбург от 30 сентября (см. XXX, 203–205). Одобрив ее решение приехать с Ольгой в Париж, он в то же время просил и ее и дочь надлежащим образом обдумать этот вопрос, т.е. речь идет не о кратковременном визите, а о долгом проживании во Франции. Только приняв окончательное решение, они должны приступить к поискам квартиры.

² Это письмо Таты к Тхоржевскому остается неизвестным.

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Публикация Л.Р. Л а н с к о г о

Большинство сохранившихся писем Таты Герцен к мачехе написано в 1870-х годах, т.е. уже после смерти Герцена. Публикуемые относятся к числу *прижизненных* (1864–1869). Когда Герцен и Наталья Алексеевна жили под одним кровом, он, без сомнения, знакомился с письмами любимой дочери, обращенными к его жене, и поэтому их можно рассматривать в качестве звеньев общей его переписки. Как и в основном массиве писем Таты к отцу, в них отразились лучшие свойства ее незаурядной личности: искренность, душевная ясность, альтруизм. В этом отношении они заметно контрастируют с письмами адресатки, в которых чаще всего преобладают эгоистические тенденции, подозрительность и нетерпимость.

^{320*} нехотя (франц.).

^{321*} агреже (франц.) проф(ессор) Алекс. Герцен со своей Супругой (итал.).